

Міністерство освіти і науки України
Сумський державний педагогічний університет
імені А. С. Макаренка

І. Б. Іванова, С. В. П'ятаченко

УКРАЇНА У ТВОРЧОСТІ ЗАРУБІЖНИХ ПИСЬМЕННИКІВ

Навчально-методичний посібник

Суми 2021

УДК 821(1-87).09:94(477)(075.8)

I-20

*Рекомендовано до друку
рішенням вченої ради Сумського державного педагогічного
університету імені А. С. Макаренка
(протокол № 7 від 28 грудня 2020 р.)*

Рецензенти:

Н. І. Богданець-Білоskalенко – доктор педагогічних наук,
завідувач відділу навчання мов національних мен-
шин і зарубіжної літератури Інституту педагогіки
НАПН України;

І. Р. Жиленко – доктор філологічних наук, доцент кафедри
журналістики і філології СумДУ

Іванова І. Б., П'ятаченко С. В.

I-20 Україна у творчості зарубіжних письменників :
навчально-методичний посібник / І. Б. Іванова,
С. В. П'ятаченко. – Суми : ФОП Цьома С.П., 2021. – 138 с.

Навчально-методичний посібник присвячений
висвітленню зв'язків з Україною російських письменників
XIX століття та аналізу української тематики в їхніх
творах, зокрема історії, культури, побуту та звичаїв.

Для науковців, викладачів, аспірантів і студентів
філологічних факультетів, учителів гімназій, ліцеїв,
загальноосвітніх шкіл.

УДК 821(1-87).09:94(477)(075.8)

© Іванова І.Б., П'ятаченко С. В., 2021

© ФОП Цьома С.П., 2021

© СумДПУ імені А.С.Макаренка, 2021

ЗМІСТ

ВСТУП	4
Розділ 1 УКРАЇНА У ЖИТТІ Й ТВОРЧОСТІ РОСІЙСЬКИХ ПИСЬМЕННИКІВ І ПОЛ. ХІХ СТ. (С. В. П'ятаченко)	6
1.1. Зв'язок з Україною російських письменників – учасників просвітницького гуртка «Попівська академія» (кінець ХVІІІ – початок ХІХ ст.)	6
1.2. Україна, українці, їхній побут та звичаї в подорожніх написах російських письменників І половини ХІХ століття	48
<i>Словник. Запитання для самоконтролю. Завдання. Тематика самостійної роботи</i>	
Розділ 2 УКРАИНСКИЙ ФОЛЬКЛОРНЫЙ ДИСКУРС В ТВОРЧЕСТВЕ В. Г. КОРОЛЕНКО И И. А. БУНИНА (І. Б. Іванова)	63
2.1. Фольклорное начало в «малой» прозе В. Г. Короленко 1880-х годов («Лес шумит», «Слепой музыкант»)	63
2.1.1. Украина в жизни и творчестве В. Г. Короленко	63
2.1.2. Украинская историческая память, нравственные ценности в рассказе «Лес шумит»	73
2.1.3. Повесть «Слепой музыкант» как самое «украинское» произведение В. Г. Короленко	83
2.2. Русский и украинский фольклор в «малой» прозе И. А. Бунина конца ХІХ – начала ХХ веков	104
2.2.1. Украина в жизненном и творческом контексте И. А. Бунина	104
2.2.2. Мобилизация русского и украинского фольклора в рассказе «На край света»	112
2.2.3. Реализация и трансформация жанра пословицы, причета, лирической песни в фольклорном пространстве И. А. Бунина	119
<i>Круг понятий и проблем. Вопросы и задания для самостоятель- ной работы. Темы учебно-исследовательских заданий.</i>	
ВИСНОВКИ	137

ВСТУП

Російська література XIX століття відчувала особливий інтерес до України, її історії, культури, звичаїв. Українська тематика стала визначальною у творчості багатьох письменників того часу, наповнила російську літературу новими образами й темами, збагатила художню тканину й мову їхніх творів. Значна частина представників російської літератури народилася в Україні, вони були носіями її національного характеру, добре знали український фольклор, народні звичаї, рідну мову, що дозволяло збагачувати свої твори, робити їх не схожими на інших російських письменників.

Україна була тісно пов'язана із західноєвропейськими й російськими культурними процесами. Під впливом ідей Просвітництва в Україні наприкінці XVIII – початку XIX століття з'явилася низка просвітницьких гуртків, одним із яких стала «Попівська академія», заснована О. О. Паліциним і до складу якої увійшли відомі письменники І. Ф. Богданович, В. В. Капніст, С. М. Глінка, Є. І. Станевич та інші.

Українська тема в російській літературі виразно проявилася на початку XIX століття в епоху сентименталізму, який декларував близькість до природи, гармонію природної людини, змальовував екзотичні краєвиди та оспівував чуттєвість. Поширена після виходу роману Лоренса Стерна «Сентиментальна подорож» мода на подорожні записки спричинила появу десятків творів, у яких автори розповідали про свої мандрівки Україною, що сприяло зацікавленості Україною, її історією, звичаями, фольклором серед російської освіченої публіки.

Подорожні записки В. В. Ізмайлова, П. І. Сумарокова, І. М. Долгорукова, О. І. Льовшина, І. П. Вернета, В. В. Пассека, І. І. Гуржеєва, І. Левицького, Є. П. Ковалевського, І. М. Сбітнева, І. Г. Кулжинського, М. С. Всеволожського, О. М. Муравйова змальовували Україну, як особливий край, який відрізняється від Росії краєвидами, кліматом, звичаями, народним одягом, кухнею та іншими рисами. У їхній ідеалізованій уяві Україна

зображувалася благодатним місцем, наближеним до античних ідилічних зразків.

Наступний етап особливої уваги до України в російському письменстві припав на добу романтизму, позначеного увагою до народних вірувань, демонологічної фантастики, екзотики та історизму. Українські історичні діячі, образи з українських народних легенд, козацькі степи з'являються у творах російських романтиків, значна частина яких була родом з України. Як свідчили сучасники, у часи М. В. Гоголя в Петербурзі панувала мода на все українське.

У російську літературу II половини століття увійшло багато письменників, чия доля переплелася з Україною й у творах яких відбилися й українські характери, й український фольклор, й українська історична пам'ять. До таких письменників належать В. Г. Короленко та І. А. Бунін. У творах В. Г. Короленка зацікавленість українським фольклором сягає корінням його дитинства, яке пройшло на Волині. Розповіді про гайдамаків, зустрічі з кобзарями, враження від природи рідного краю, народні пісні та легенди – усе це пізніше дало письменникові натхнення й матеріал для створення низки творів, пов'язаних з Україною, серед яких «Сліпий музикант» та «Ліс шумить». Українська тема знайшла своє втілення й у малій прозі І. А. Буніна, який у низці оповідань звертався до українського фольклору та історії, змальовував українські національні типи. Зі сторінок його творів Україна постає самотньою й самотатньою країною з волюбним народом.

Знайомство з українською тематикою в російській літературі XIX століття збагачує наші уявлення про особливості літературних процесів цього періоду, доповнює наші уявлення про творчість відомих авторів, відкриває нам постаті мало відомих письменників, яких об'єднувало бажання якомога повніше описати свої враження від України, її народу, природи, історії та культури.

Посібник складається з розділів із теоретичними питаннями та методичних розділів із запитаннями та завданнями для самоконтролю і самостійної роботи, тематикою навчально-дослідницьких завдань та словників із ключовими поняттями.

Розділ 1

УКРАЇНА У ЖИТТІ Й ТВОРЧОСТІ РОСІЙСЬКИХ ПИСЬМЕННИКІВ І ПОЛ. ХІХ СТ.

(С. В. П'ятченко)

1.1. Зв'язок з Україною російських письменників – учасників просвітницького гуртка «Попівська академія» (кінець ХVІІІ – початок ХІХ ст.)

Наприкінці ХVІІІ – на початку ХІХ ст. в Україні розгорнувся процес національно-культурного відродження, пов'язаного із модернізацією всіх сфер суспільного життя. Паралельно під впливом французьких мислителів у середовищі місцевого освіченого дворянства набували поширення просвітницькі ідеї, до яких долучалися нові європейські впливи романтизму. Наслідком цих процесів, крім усього іншого, стало зростання інтересу до власної історії та народної культури. Діячі культури, за прикладом європейських та російських письменників і філософів, почали об'єднуватися в гуртки, долучатися до культурно-просвітницьких осередків.

Одним із перших таких об'єднань в Україні був гурток слобожанської інтелігенції, який діяв наприкінці ХVІІІ – на початку ХІХ ст. на хуторі Попівка Сумського повіту (нині – с. Залізняк Сумського району Сумської області) і увійшов в історію під назвою «Попівської академії». Його члени пропагували ідеї Просвітництва, брали участь у розвитку літератури й мистецтва, поширювали освіту серед народу. «Історію салонно-гурткового життя виводять із Франції ХVІ ст., – зазначає І. І. Колесник, – у Росії ж гуртки й салони поширюються у ХVІІІ ст. через малорозвиненість «книжкової індустрії». Саме салони й гуртки здійснювали зв'язок між авторами й читачами, а також між самими літераторами (тут замовлялись рецензії, читались та обговорювались нові твори, поширювались літературні новини)» [20, с. 179].

Гурток у Попівці сформувався й діяв «за традиційним для цього часу сценарієм, як проект ініціативної особи з високим рівнем емоційної енергії та значним культурним капіталом, – зазначає Н. О. Барабаш [7, с. 107]. Організатором і душею цього гуртка був місцевий поміщик, архітектор і літератор Олександр Олександрович Паліцин, про якого В. Н. Каразін у статті «Взгляд на украинскую старину» в альманасі «Молодик» за 1944 рік зазначав, що «ему обязаны мы большею частию началами европейского быта в Украине» [16, с. 44]. У листі до О. Ф. Воейкова від 1818 р. П. А. Вяземський писав: «Якщо не їздити до Вольтера у Ферней, то треба їхати в Попівку до Паліцина». Наприкінці ХІХ століття М. Ф. Сумцов висловив оцінку діяльності цього просвітницького гуртка, яка стала визначальною для наступних дослідників: «Поповская академия в свое время была для здешнего края просветительным учреждением и до открытия в Харькове университета отчасти исполняла его роль высшего учебного заведения» [29, с. 12].

За життя О. О. Паліцина його ім'я неодноразово згадувалося в різного роду виданнях, опублікованих листах, журналах тощо. А невдовзі після його смерті свої спогади опублікували кілька культурних діячів, серед яких В. Н. Каразін, В. І. Ярославський, І. П. Вернет та інші. Наприкінці ХІХ століття О. О. Паліцина та його гурткові присвятили свої розвідки Д. І. Багалій та М. Ф. Сумцов. Радянська доба позначилася значним зменшенням уваги до «Попівської академії», науковий інтерес торкався тільки окремих її учасників: Василя Капніста, Сергія Глінки, Іполита Богдановича та деяких інших. Садиба засновника гуртка Олександра Паліцина в 1924 році була зруйнована, а його ім'я опинилося в тіні тривалого забуття. У 1950 роках про «Попівську академію» у своїх працях згадали проф. А. Г. Слюсарський та сумський краєзнавець П. А. Сапухін [27; 26]. Зокрема, А. Г. Слюсарський зазначав, що цим гуртком «Слобожанщина зробила свій внесок у справу розвитку української літератури і народної творчості» [27, с. 210]. Ряд краєзнавчих аспектів, пов'язаних із діяльністю Попівської академії, вдалося висвітлити в серії газетних публікацій сумському краєзнавцеві Г. Т. Петрову.

Наступним етапом повернення загальної уваги до діяльності «попівців» стали 80-90-і роки ХХ ст., коли значний внесок зробили сумські науковці: проф. П. П. Охріменко, В. Б. Звагельський, В. Ю. Голубченко, краєзнавці М. П. Тесля (директор школи с. Залізняк), А. М. Близнюк, В. П. Скакун, Г. І. Хвостенко. Їхніми зусиллями вийшли друком кілька науково-популярних видань, присвячених діяльності цього гуртка, та було створено громадську організацію «Паліцинська академія», завданням якої стала популяризація спадщини слобожанських просвітників. Ґрунтовну розвідку про родовід одного з Паліцинських учнів Миколу Алфьорова підготував О. А. Алфьоров. Постаті О. О. Паліцина присвячене дослідження О. Десятниченка «Паліцинськими стежками» [14].

Серед широкого кола інтересів членів «Попівської академії» найбільш дослідженими виявились історико-культурний, краєзнавчий, мистецтвознавчий (зокрема, внесок у розвиток місцевої архітектури), літературознавчий і педагогічний аспекти. Актуальні дослідження з цієї проблематики підготували М. М. Красиков, О. І. Скоробогатська, М. Ф. Гетьманець, К. Т. Черкасова, Н. О. Барабаш. Проте загального й контекстного осмислення мистецької й наукової діяльності цієї культурно-просвітницької організації ще не було запропоновано.

Культурно-освітній гурток, який отримав напівіронічну самоназву «Попівська академія», з'явився наприкінці ХVІІІ ст. у маєтку дрібнопомісного дворянина, літератора, архітектора, письменника, перекладача, культурного і громадського діяча Олександра Паліцина в селі Попівка під Сумами. М. Ф. Сумцов зазначав, що центром, навколо якого групувалися талановиті письменники й художники була «просвещенная личность Палицына», який «так дорожил этой академией, так высоко ценил ее образовательное, культурное влияние в околотке, что желал появления других подобных центров местного просвещения» [29, с. 1].

Аналізуючи світоглядну й мистецьку позицію О. О. Паліцина, М. Ф. Сумцов вказував: «Как в литературном, так

и в архитектурном отношении Палицын был сторонником нового направления, сентиментального, с примесью романтизма, направления, основанного на восхищении природой и подражании ей» [29, с. 1]. Отже, О. О. Паліцина можна вважати прихильником ідей французького просвітництва, поширеного в Європі сентименталізму та передромантичної течії, що розвивалася в загальній системі культури Просвітництва. Першорядна роль у цьому контексті належить руссоїзму й концепції «природної людини», яка протиставляється «робленій людині». Один із членів Попівської академії Є. І. Станевич у трактаті «Думки про істинне щастя на землі» обґрунтовував принцип природовідповідності як основний принцип усього людського життя, спираючись на ідеї Ж.-Ж. Руссо і Г. С. Сковороди.

Трохи пізніше естетичні пошуки в цьому напрямі локалізували ідею «природної людини», сповненої внутрішньої краси і поетичної гармонії з зовнішнім світом, у межах України, та запровадили в часи М. В. Гоголя своєрідну моду на українську екзотику в літературних салонах Петербургу й Москви. Значного поширення на той час набули й положення Й. Гердера, який відкинувши античні взірці, проголосив народну поезію не проявом варварства темних мас, а втіленням життєвої і емоційної правди. В Україні й Росії ідеї Гердера були добре відомі, ними захоплювалися в гуртку М. М. Карамзіна.

Д. І. Багалій писав про освічене дворянство Слобожанщини: «Одни из них были духовными чадами Сковороды или коллегіума, другие воспитались на европейской литературе. Так переплетались друг с другом два течения образованности – западно-русское и русско-европейское» [5, с. 40]. Характеризуючи загальний рівень і настрої місцевої еліти К. Т. Черкасова зазначає: «Особливості історичного розвитку Слобідської України були такими, що тут досить швидко сприймалися привнесені класицизмом ідеї просвітницької ідеології, що на початку XIX ст. здобули забарвлення громадянськості та альтруїзму. Особа харківського просвітителя О. О. Паліцина, яка дивувала багатьох дослідників різноманітністю інтересів, була знаковою для тієї доби» [30, с. 258].

Гурток О. О. Паліцина не мав постійного складу – число учасників змінювалось у залежності від приїзду в Попівку тих чи інших друзів гостинного поміщика, серед яких були відомі літератори, художники, науковці, священики, відставні офіцери та інша ліберальна публіка, яка переймалась ідеями просвітництва та розбудови культурного і громадського життя Слобожанщини. М. Ф. Сумцов зазначав: «В хорошие годы академия была довольно многочисленна, имея более пяти человек, а в плохие годы, последние годы жизни «Поповского пустынника», состояла только из Палицына, его жены и дочери» [26, с. 6].

Серед найвідоміших учасників – сам господар маєтку, архітектор, поет і перекладач *Олександр Паліцин*, художник, архітектор і письменник *Микола Алфьоров*, поет *Іполит Богданович* і його брат *Іван Богданович* – предводитель дворянства Сумського повіту, архітектор, педагог і перекладач *Василь Ярославський*, а також письменники *Сергій Глінка*, *Василь Капніст*, *Єпифаній Станевич* та інші. М. Ф. Сумцов згадував також серед членів гуртка братів *Павла й Михайла Байкових*, перекладачів із французької. У своїх листах О. Паліцин називав серед колишніх членів *Мойсея Ушинського* та *Антона Кардашевського*. Із членами «Попівської академії» підтримував зв'язки просвітник та ініціатор заснування університету в Харкові *Василь Каразін*.

Попівська академія була гуртком, представницький рівень якого виходив за межі провінційних зібрань і провінційних дискусій. «За формою організації та змістом діяльності Академія була близькою до масонських лож, тим більше, що серед її членів були «вільні каменярі», – зазначав О. А. Іваненко [15, с. 80]. На думку І. І. Колесник, «через мережу гуртків інтелектуалів відбувалось структурування суспільних рухів в Україні» [29, с. 178].

Безсумнівний вплив на діяльність «Попівської академії» мав Г. С. Сковорода, постать якого В. Н. Каразін оцінював дуже високо: «Между учителями заметим Сковороду и протоиерея Шванского. Я имел еще честь в моей молодости видеть сих

почтенных мужей, которые в свое время могли бы занять место между германскими учеными наиболее уважаемыми» [16, с.43]. Деякі дослідники, зокрема А. Г. Слюсарський, зазначали, що мандрівний філософ іноді відвідував маєток Паліцина [27, с.210]. За твердженнями інших авторів, до маєтку заходили кобзарі, й О. О. Паліцин здійснював від них записи дум та занотовував пісні від дворових дівчат.

Другою ідейною складовою світогляду учасників «Попівської академії» було західноєвропейське Просвітництво та руссоїстські ідеї. «Все члены Палицынского кружка, – писал Д. И. Багалій, – были приверженцами нового, западноевропейского образования, будучи воспитаны на просветительской французской литературе прошлого века» [5, с. 39].

Олександр Паліцин. Художнє письменство, зокрема поезія, було ключовим серед інтересів та видів діяльності гуртка. Передусім варто згадати літературну діяльність засновника цього гуртка – Олександра Паліцина (1741–1816). Народився майбутній просвітник на Новгородщині, як стверджують сучасні дослідники, його дитинство пройшло в дідовому маєтку Званці на річці Волхов поруч із маєтком Г. Р. Державіна [14, с.14]. Після навчання в Сухопутному шляхетському кадетському корпусі в Петербурзі він був призначений ад'ютантом графа П. О. Румянцева-Задунайського під час російсько-турецької війни 1768–1774 рр., але невдовзі через необережні слова на адресу графа як командувача армії молодий Паліцин був звільнений зі штабу та подав у відставку, перекресливши свою подальшу військову та службову кар'єру. У 1771 році він одружився із Євдокією Олександрівною Неплюєвою, одна з гілок роду якої пов'язана з Глухівщиною, Про подальші роки відомостей не збереглося, на що слушно вказав І. Я. Айзеншток та сучасний сумський дослідник О. Десятниченко: «Де Паліцин був і чим займався ці 15–20 років після відставки і до слобожанського періоду – «неоране» поле для дослідників. Можемо тільки здогадуватися, що мешкав десь у пітерському регіоні, набуваючи знань для майбутньої просвітницької роботи» [14, с. 31].

У цей час О.О.Паліцин, очевидно, познайомився зі столичними літераторами й сам почав пробувати свої сили в поезії. У 1792 році він купив собі помістя поблизу Сум і оселився на хуторі Попівка, де швидко став авторитетом серед місцевого дворянства, двічі був обраний предводителем повітового дворянства та всерйоз зайнявся архітектурою – за його проектами були збудовані церкви в селах Славгород, Кам'янка, Штепівка, Боромля, Одринка, Рокитне, а також маєток генеральші П. Штеричевої в Сумах, будинки поміщиків Кондратьєвих у с. Залізняк та с. Низи, будинок поміщика Шидловського у с. Кам'янка та окремі будівлі паркового ансамблю у с. Старий Мерчик на Харківщині.

В. Н. Каразін про свого однодумця і сподвижника писав: «Палицын имел вкус к архитектуре, украсил несколько наших городов и множество сел зданиями. Действуя на богатых помещиков в числе которых Шидловские и Надаржинские были его друзьями, он заохотил их к строениям, лучшему расположению домов, украшению их приличными мебелью, к заведению библиотек. Ему обязаны мы большею частию началами европейского быта в Украине. Я помню еще, что дома помещиков, имевших от 500 до 1000 душ, были покрыты тростником, что в гостинных стояли лавки, покрытыя коврами, что за столом служили девки в белых сорочках, пестрых спидныцах и червонных черевыхах, что главные пань в губернском городе хаживали по улицам с музыкой надвесель...» [16, с. 43].

В. І. Ярославський, який замолоду часто відвідував маєток Паліцина, слухав його розповіді та переймав нові знання, залишив спогади від зустрічей зі своїм наставником: «Память у него была преобширная, грудь крепкая, голос громкий, красноречие необыкновенное, к тому же большое искусство разнообразить предметы разговоров, чтобы не утомить слушателя. Бывало, придет к нему сосед помещик, занимающийся винокурением или земледелием, то он не станет с ним вести ученых бесед, а только об его занятиях» [35, с. 137].

Ю. М. Лотман писав про нього: «Свое время Палицын распределял между занятиями литературой, архитектурой и живописью» [22, с. 745]. Сам же О. О. Паліцин зазначав: «...циркуль, кисть, перо и ты, любезна лира, Давали лучшее вкушать мне счастье мира» [25, с. 777]. Про це йдеться також і в листі О. О. Паліцина до В. І. Ярославського: «Литература занимает меня всего, и все мое время. Я поправлял вдруг пять частей «Элоизы» для пяти моих секретарей, кои ее переписывают, и первую часть перевожу, чтобы самому переписывать. Никогда еще не было у меня столько письма, и никогда я так долго не оставлял циркуля и кисти, как ныне» [29, с. 2].

О. О. Паліцин був одним з ініціаторів створення Харківського університету, відкриття якого за думкою місцевого дворянства спочатку планувалося в Сумах: «Некоторые помещики стали посылать детей в Московский университет, а у сумских дворян, вероятно под влиянием литературного кружка Палицына, в 60-х годах XVIII ст. возникла мысль об учреждении университета в Сумах» [6, с. 3].

У 1809 р. О. О. Паліцина обрали почесним членом новоствореного Харківського університету, а у 1817 р. – членом Товариства Наук при Харківському університеті. Найближчими друзями О. О. Паліцина були відомі особистості кінця XVIII – початку XIX ст.: В. Н. Каразін, В. В. Капніст, Є. О. Васильєв, І. Ф. Богданович, А. І. Кардашевський, В. А. Ушаков та інші. Власних дітей у нього не було, тому усю любов та турботу він зосередив на своїй вихованці Катерині Алфьоровій, яку М. Ф. Сумцов та деякі інші дослідники називали його дочкою. «Дочь Палицына разделяла все его литературные и архитектурные интересы, – писав про неї М. Ф. Сумцов – Она помогала ему в работах и переписках и представляла самостоятельные произведения» [29, с. 7]. Також він займався вихованням своїх учнів, найбільш відомими серед яких були М. Ф. Алфьоров, В. І. Ярославський, Є. І. Станевич, С. М. Глінка. Помер О. О. Паліцин у 1816 р., похований у склепі поблизу свого маєтку (склеп зруйнований у 1924 р.)

Літературні смаки й захоплення О. О. Паліцина були сформовані ідеями Просвітництва та розвивалися в руслі сентименталізму. «Литературные вкусы А. А. Палицына, – писав Д. І. Багалій, – определялись с одной стороны его жизнью на лоне деревенской природы, любовью к этой последней, а с другой влиянием таких лиц, как Шишков, граф Хвостов, Державин; это были представители старой школы, консервативного направления, боровшегося с Карамзиным и его новым стилем» [5, с. 769–770]. «Как в литературном, так и в архитектурном отношениях Палицын был сторонником нового направления, сентиментального, с примесью романтизма, направления, основанного на восхищении природой и подражании ей», – писав М. Ф. Сумцов [29, с. 7].

Літературна діяльність О. О. Паліцина складається з його перекладної та оригінальної писемності. З метою поширення просвітницьких ідей О. О. Паліцин здійснив низку перекладів відомих французьких письменників-просвітників: роман Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», поеми Ж. Деліля «Дифирамб на бессмертие души» й «Сады», поему Ж.-Ф. де Сен-Ламбера «Времена года». Ці твори поєднує руссоїстський культ життя людей у гармонії з природою, ідеалізація сільського життя, культ почуттів, змальованих у дусі сентименталізму. Про ці переклади О. О. Паліцин писав:

Где Элоизы я мой список исправлял;
Где Сен-Ламберту я, Делилю подражал,
Сады и времена их слабо выражал [25, с. 777].

Високо оцінюючи значення роману Ж.-Ж. Руссо, О. О. Паліцин писав: «Все, кроме невеж или ледяных сердец согласны, что «Новая Элоиза» столько выше всех в своем роде романов, как небо от земли; почти все ею восхищаются и ее желают» [29, с. 3].

Наприкінці 1812 року О. О. Паліцин надіслав до Харківського університету віршований переклад поеми «Независимость писателя» свого французького сучасника Ш.-Ю. Мільвуа, який прожив останні роки свого короткого життя в сільській місцевості. Але правління університету, посиляючись на

вказівку міністра освіти, відмовилось друкувати за свій рахунок цей твір свого почесного члена й запропонувало О. О. Паліцину самому оплатити друк, що надзвичайно образило автора. Щоправда, пізніше міністр дозволив університету надрукувати всі рукописи О. О. Паліцина, зокрема й цей переклад Мільвуа, а також у 1814 видати його переклади поем Деліля і Сен-Ламбера в кількості 600 примірників.

О. О. Паліцину також належить переклад книги «О составлении ландшафтов...» Р. Л. де Жерардена, у якій автор дає поради щодо створення та упорядкування ландшафтів у різних місцевостях – гірських, лісових, рівнинних, водних, а також описується вплив природи на почуття й настрої людини. У книзі йдеться не лише про створення природної краси, а і про її збереження. Книга мала в Європі величезний успіх і була перекладена багатьма європейськими мовами.

Серед власних творів варто відзначити близько двох десятків поетичних послань, опублікованих у журналах «Улей», «Русский вестник», «Вестник Европы». Найвідоміше з них – це «Послание к Привете, или Воспоминание о писателях моего времени» (1807 р.), адресоване своїй прийомній дочці Катерині. «Все это произведение изложено стихами довольно плавными и бойкими по сравнению с другими стихотворными произведениями того времени, и в особенности при преклонных летах поэта, – писав про цей твір М. Ф. Сумцов. – Палицын задался в «Послании к Привете» похвальной целью – прославить русский язык и писателей XVIII века. Он заранее на 150-й стр. уведомляет читателя, что порядка нет в его стихах и в именах (писателей), и что он руководствовался не правилами, а своим чувством: «Как сердце мне о ком напомним, так и пишу» [29, с. 14].

Ю. М. Лотман вказував, що цей твір належить до своєрідних поетичних довідників із поезії початку XIX століття, цікавими і за складом імен і за їхнім оціночним розташуванням: «Будучи дополнены перечнями имен, упоминаемых в критических статьях, оглавлениями антологий и списками стихотворений, переписывавшихся в альбомы, они дали бы

картину оценки литературы читателем-современником и поэтами той эпохи, картину весьма отличную от привычных данных истории литературы» [22, с. 60].

«Рукопись «Послания к Привете» А. А. Палицын подарил университету; она была отпечатана в университетской типографии и доход с издания шел в пользу университета, – писал Д. И. Багалій. – Рижский дал об этом произведении такой отзыв: «По причине его новости и по легкости слога, коим оно написано, многие любители словесности будут читать его с удовольствием» [5, с. 770].

У своєму творі О. О. Паліцин виявляє себе прихильником і послідовником О. С. Шишкова – поета й державного діяча, відомого своїми консервативними поглядами, засновника літературного товариства «Беседы любителей русского слова», метою якого було зміцнення патріотизму засобами літератури й мови, боротьба з французьким впливом у мові й культурі. У своїх спогадах О. С. Шишков зазначав: «Мы четверо, а именно: Державин, Муравьев, Хвостов и я, установили для чтения вечера, и, в назначенные дни, съезжались по очереди друг к другу. Некоторые другие любители русского языка присоединились к нашему обществу, и мы проводжали время с пользою и приятностью» [33, с. 93]. Товариство склалося на початку 1800-х років і діяло до 1826 року, коли у зв'язку зі смертю Г. Р. Державіна зібрання припинилися.

У своїй діяльності О. С. Шишков спирався на школу М. В. Ломоносова, активно виступав проти поширення іноземних слів у російській мові. У своїй книзі «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803) він висловлював стурбованість станом російської мови і літератури: «Всяк, кто любит российскую словесность, и хотя несколько упражнялся в оной, не будучи заражен неисцелимою и лишающей всякого рассудка страстью к французскому языку, тот развернув большую часть нынешних книг с сожалением увидит, какой странный и чуждый понятию и слуху нашему слог господствует в оных» [33, с. 1]. «Прославление героев прошлого и побуждение современников к доблести и мужеству Шишков

считал важнейшей задачей словесности», – зазначав М. Г. Альтшуллер [3, с. 109].

Ця книга О. С. Шишкова мала значний вплив на світогляд О. О. Паліцина, висловлені в ній оцінки стали для нього визначальними, на ній він виховував свою доньку:

Приводишь книгу ты о слоге тут Шишкова,
Всю помня наизусть ее почти до слова.
Противу новостей смешных она твой щит,
Который здравый смысл и чистый вкус хранит [25, с. 750].

Опонентами О. С. Шишкова та його гуртка виступили М. М. Карамзін зі своїми однодумцями та представники гуртка «Арзамас», до якого зокрема увійшли С. С. Уваров, В. А. Жуковський, Д. В. Дашков, Д. В. Давидов, П. А. Вяземський, В. Л. Пушкін, К. Н. Батюшков, а також після закінчення ліцею до них приєднався О. С. Пушкін. Ю. М. Лотман вказав на поширене в літературознавстві, хоч і не зовсім точне твердження, що «в развернувшейся в 1800–1810-е годы борьбе столкнулись отживающий классицизм и молодой романтизм, причем первый был представлен «Беседой» и близкими к ней литераторами, второй же заявил себя в произведениях карамзинистов, арзамасцев» [22, с. 15].

Д. І. Багалій висловлював думку, що «Палицын, как нам кажется, только случайно примкнул к Шишковистам, почувствовав влечение не столько к их направлению и идеям, сколько к личностям. Доброе, сердечное отношение этих столичных знаменитостей не могло не произвести сильного впечатления на «деревенского отшельника» [5, с. 773]. Проте його практична діяльність свідчила не про консерватизм, а про відкритість до новітніх європейських ідей та бажання викорінити патріархальні пережитки в побуті та культурі: «У себя на месте, Палицын и члены его кружка были передовыми деятелями просвещения и проводниками новой западноевропейской стихии в литературе» [5, с. 773].

У дусі патріотичних ідей О. С. Шишкова написаний основний твір О. О. Паліцина «Послание к Привете», який пропагує російську мову й російську культуру серед

франкофільських сучасників. Звертаючись до своєї прийомної доньки, поет хвалить її за симпатії до російських письменників всупереч загальній моді на французьку літературу:

Ты любишь свой язык, Привета, очень нежно,
Читаешь всё на нем прилежно;
Я вижу, как с тобой читаем вместе мы,
Что русские тебе приятнее умы:
Ты все черты в них замечаешь,
С восторгом отличаешь,
С другими сравниваешь их;
И больше помнишь, чем чужих,
Писателей своих;
Хотя еще и в колыбели
Тебе французски песни пели,
Большая редкость то в наш век,
Чтоб русское любил и русский человек [5, с. 773].

Автор емоційно реагує на масове запозичення іншомовних слів, які, на його думку, псують російську мову, натякаючи цим на М. М. Карамзіна та його послідовників, що активно впроваджували іноземну, переважно французьку, лексику:

...в российски письма
Вползло премножество (как черви или гады),
Моралей, Энергий, Фантомов, Гармоний,
Сцен, Форм, Идей и Фраз, Женй, Монотоний,
Меланхолий и всех подобных им Манйй
И портят наш язык прекрасный без пощады [5, с. 747].

Послідовно спираючись на книгу О. С. Шишкова автор захищає ідею «старого слога» та використання рідної мови:

Ты знаешь, что язык наш лучше несравненно.
Не собран из других, он древний, коренной,
Исполнен всех красот, богатый сам собой [5, с. 773].

А про свого ідейного натхненника, думки якого він наслідує у своєму посланні, О. О. Паліцин пише:

И ежели сие посланье
Заслужит, чтоб прочел *Шишков*
Его же мыслям подражанье, –

Вот цель вся слабых сих стихов
И всё за труд мой воздаянье... [5, с. 764].

Подальший зміст послання полягає в переліку російських письменників і їхніх заслуг. Класиків XVIII століття О. О. Паліцин у дусі класицизму порівнює з античними авторами: «Феофан, сей Демосфен наш новый»; «Есть Пиндар свой у нас, бессмертный Ломоносов»; «Сумарокова дойдет в потомство глас: Он наш Софокл, отец театра он у нас»; «Есть также свой у нас Вергилий иль Гомер, Херасков, чистого витийства наш пример»; «Гораций есть у нас, есть свой Анакреон: Державин дал их лир почувствовать нам звон».

Критично згадує О. О. Паліцин В. К. Тредіаковського, ставлення до таланту якого було зіпсоване інтригами проти нього при царському дворі, протистоянням із М. В. Ломоносовим, а також глузуванням Катерини II:

Бесплодный читатель муз, страдалец их союза,
Пример учености, без дара и без вкуса [5, с. 748].

Далі автор переходить до письменників кінця XVIII – початку XIX століття, серед яких перекладач «Енеїди» Вергілія В. П. Петров (1736–1799), перекладач «Сатир» Горація І. С. Барков (1732–1768), творець російської побутової комедії Д. І. Фонвізін (1745–1792), «счастливый Душеньки творец» І. Ф. Богданович (1743–1803), автор комедії «Хвастун» Я. Б. Княжнін (1742–1791), байкар, автор «Басен и сказок» І. І. Хемніцер (1745–1784), поет, почесний член «Беседы любителей русского слова» В. В. Капніст, поет і перекладач М. О. Львов (1753–1804) та низка інших.

Не забуває О. О. Паліцин і про жінок, які прислужилися російській літературі. Першою серед них він згадує княгиню К. Р. Дашкову (1743–1810) – подругу й соратницю Катерини II, директора Петербурзької академії наук і президента Російської академії, редактора журналу «Собеседник любителей русского слова», де друкувалися Державін, Херасков, Капніст, Фонвізін, Богданович та інші. Про неї автор пише:

Сия почтенная российская жена,
Умом, науками, словесностью полна [5, с. 748].

А також із захопленням пише про низку поетес кінця XVIII – початку XIX століття:

И, сладким дружеством пленяя, петъ велит.
Внушает имена *Херасковой, Хвостовой*;
О *Сумароковой* мне помнит, о *Сушковой*;
И о *Вельяшевой, Урусовой, Копьевой*;
Магницких написать, *Поспелову* велит;
О *Турчаниновой, Тургеневой* твердит;
Про *Николеву* мне, *Щербатову* вещает;
Про *Шаликову* тож напоминает;
Равно *Баскаковой* и *Жуковой* она
И *Кологривовой* здесь пишет имена [5, с. 772].

Прикметно, що О. О. Паліцин багатозначно замовчує ім'я М. М. Карамзіна – опонента О. С. Шишкова й самого О. О. Паліцина, хоча й робить кілька саркастичних натяків з приводу його діяльності.

Перелік відомих імен автор завершує своїми гіркими роздумами про те, що російська мова й російська література не відомі й не потрібні його сучасникам:

Наш школьник *Визина* не хочет брать в пример!
Из чужеречия он новый слог нам сплавил,
Где грамматических нет русских свойств,
ни правил [5, с. 761].

Вольтера наизусть твердим,
Из *Ломоносова* пяти стихов не знаем [5, с. 774].

Виховання чужою мовою й на чужинських взірцях шкодить розвитку нації, позбавляє її перспективи:

От нянь, учителей и дядек чужестранных.
Из русских выйдем мы, в французы не войдем
И к цели сим путем
Вовек не попадем.
Уроки, образцы чужие в нас сболтали
Язык, и нравы, и умы,
Ни чужеземцы мы,
Ни русские уж стали [5, с. 774].

Негативний за змістом і різкий за тоном відгук на цей твір опублікував у журналі «Вестник Европы» за 1807 рік його тодішній редактор М. Т. Каченовський, який критикував автора за суб'єктивність оцінок згаданих у творі письменників: «Г. сочинитель (Александр Палицын) заставляет г-жу Привету читать 70 страниц, стихами написанных, и содержащих в себе мысли его об умерших и ныне живущих писателях российских; одним назначает он место *одесную*, другим *ошуюю*. К стаду *овец* причисляет многих своих знакомых и вообще тех, которые имели счастье понравиться ему; между козлицами назначает место тем злополучным, которые пишут не так, как ему хочется» [19, с. 211]. Автор рецензії також закидає О. О. Паліцину, що в його творі «бесспорно нет критики, то есть ученого рассмотрения книг, но зато есть мнения сказанные наудачу, по вдохновенью» [19, с. 212].

На захист О. О. Паліцина став його вихованець Є. І. Станевич, якого М. Т. Каченовський також критикував за його творіння. З-під пера Є. І. Станевича вийшла ціла книга «Способ рассматривать книги и судить о них», де він не лише захистив себе та свого наставника, а й висловив ключові вимоги до критики літературного твору.

Попри невисоку художність, описовість та надмірну дидактичність поема О. О. Паліцина стала своєрідним пам'ятником тогочасній літературі і віддзеркалила боротьбу світоглядних ідей свого часу. Ю. М. Лотман відзначав: «Несмотря на длинноты и некоторую сухость изложения, историко-литературное значение «Послания» Палицына исключительно велико. Оно является едва ли не единственным произведением подобного рода в русской литературе, показывая весь круг явлений, находившихся в поле зрения читателя к началу XIX века, а оценки, содержащиеся в «Послании», вводят нас в самую гущу литературной борьбы этого периода, когда основные литературные группировки («Беседа» и «Арзамас») еще не оформились, а мнения, определившие развитие литературной жизни в первой четверти XIX века, уже начали складываться» [22, с. 745].

Того ж 1807 року, коли було опубліковане «Послание к Привете» побачила світ ще одна важлива праця О. О. Палицына – його переклад визначної пам'ятки давньоруської літератури «Слова о полку Ігоревім», яке було видане в 1800 році графом О. І. Мусінім-Пушкінім у співпраці зі знавцями палеографії О. Ф. Малиновським та М. М. Бантишем-Каменським. Це була друга спроба поетичного перекладу російської мовою цієї пам'ятки. Перша належала І. І. Серякову, який здійснив свій переклад у 1803 році. На думку дослідників, він перекладав віршами не оригінал, а прозовий переклад, який був уміщений у першому виданні [13, с. 298–299]. Тому точніше визначити цю спробу, як переспів, у якому автор далеко відходить від оригіналу та насичує свій твір нехарактерною лексикою. Є. В. Барсов про перші віршовані переклади «Слова» писав: «Первые поэты, переводившие его на русские стихи, увлекаясь его образами и картинами, свободно относились к подлинному тексту: они нередко распространяли его излишними вставками и даже совершенно изменяли смысл. Таковы именно были поэтические переводы Серякова, Палицына, Язвицкого и Левицкого» [8, с. 174].

У 1805 році свій прозовий переклад цієї пам'ятки підготував О. С. Шишков [31], який на свій розсуд деякі фрагменти з оригіналу пропускав, а деякі власні умовиводи вставляв у свій доволі вільний переклад: «Точное преложение сей песни с древнего славенского на употребительное ныне наречие, при всей своей верности, всегда будет столь же темно, как и самый подлинник, – писав він. – Сего ради рассудилось мне преложить или паче переделать оную таким образом, чтоб, оставляя все красоты подлинника, без всякой, поколику можно, перемены слов, невразумительные места сократить или пропустить; прочие же, требующие распространения, дополнить своими приличными умствованиями. Сим средством песнь сия от начала до конца сделается ясною...» [31, с. 125]. Головним його завданням було «рассмотреть силу слов и красоту языка». Є. В. Барсов про цей переклад написав: «Быть может такой способ для перевода и был нужен в свое время,

как утверждал Сахаров, относившийся с особенным уважением к трудам Шишкова, но в научном отношении он мало имеет значения» [8, с. 104].

Приклад авторитетного для нього О. О. Шишкова підштовхнув О. О. Палицину взятися за свій переклад «Слова», який він виконав віршами. «Ближайшим откликом на работу Шишкова о «Слове» явился перевод памятника, выполненный одним из самых ревностных последователей Шишкова А. А. Палицыным», – писав М. Г. Альшуллер [3, с. 116]. М. Ф. Сумцов відзначає, що О. О. Паліцину був невідомий віршований переклад І. І. Серякова, тому він очевидно вважав себе першовідкривачем, який розпізнав у давній пам'ятці невичерпне джерело збагачення поетичної мови та образності. «То обстоятельство, что Палицын обратил внимание на «Слово о полку Игореве» вскоре после того, как оно было издано, указывает уже на его чуткость к истинным красотам поэзии» [29, с. 5].

На початку видання О. О. Паліцин помістив посвяту губернаторові Слобідської України І. І. Бахтіну, де писав про себе: «Стар, болен, небогат и не имею ничего из даров счастья, кроме остатков малого таланта иль паче страсти моей к словесности, осмеливаюсь препроводить при сем к Вашему Превосходительству некоторое слабое в ней мое произведение, посвящая от напечатания оногo прибыток в пользу земского войска» [24, с. 3].

Наступними автор навів два поетичних послання, першим із яких є «Письмо преложившему в стихи Игореву песнь», надіслане О. Паліцину з Москви поетом-класицистом Д. І. Хвостовим, у якому він захоплено відгукнувся про переклад давньої пам'ятки:

Прекрасна песнь твоя
И мыслью и словами;
Люблю ее безмерно я.
Она тебя прославит
И Пинду Росскому честь новую доставит [24, с. 8].

У своїй віршованій відповіді, розміщеній слідом, О. О. Паліцин розчулено вигукував:

Друг нежный муз Хвостов!
Твой голос сладостный проник в мою обитель
Под сельский ветхий мой и скорбный ныне кров.
Я в удивлении!.. Ужель мой Игорь древний,
Сей недоросль глухой деревни,
В столицах заслужил воззрение певцов? [24, с. 9].

Така емоційна реакція О. О. Паліцина була викликана, на думку Д. І. Багалія, складними обставинами його життя в той період – втратою дружини, різкою критикою М. Т. Каченовського, ослабленням зв'язків зі столичним життям та своїми однодумцями і сподвижниками. «Понятно, как ободрил его лестный отзыв столичного писателя, пользовавшегося в тех литературных кругах, к которым принадлежал и сам Палицын, значительным авторитетом», – пише дослідник [5, с. 772]. О. О. Паліцин у цьому посланні також згадує кількох авторитетних письменників свого часу – Г. Р. Державіна, Я. Б. Княжніна, І. Ф. Богдановича, серед творів яких, за його сподіваннями, має зайняти своє місце і його «Ігор».

Наведений далі історичний переказ твору та примітки перекладач запозичив із видання 1800 року, наприкінці якого рекомендував також прочитати примітки, підготовлені до свого перекладу О. С. Шишковим, щодо якого зазначив, що саме це «преложение сей песни в прозе и остроумные примечания г. Шишкова подали мне мысль и смелость предложить оную, как песнь, стихами; а лестное одобрение, коим он удостоил их начало, побудили меня окончить сие слабое стихотворение» [24, с. VI].

Уже перші рядки Паліцинського перекладу свідчать про значний вплив тодішньої класицистичної традиції віршування та численні авторські відступи від оригіналу:

Любовь к отечеству зовет, о Россы, нас!
Воспеть брань Игоря на древний предков глас,
Каким их подвиги вещались знамениты.
Да будут бытия и наших лет открыты,
Но не дерзнем витийств Бояновых искать,
Когда Боян кого стремился воспевать,

Он мыслью по древам в восторге растекался,
То сизым он орлом под облаки взвивался,
То серым волком он носился по полям [24, с. 1].

О. О. Палицин, підкреслюючи епічність і героїку твору, обрав для свого перекладу шестистопний ямб, яким зазвичай у російській поетичній традиції, слідом за Францією, писали високі трагедії і героїчні епопеї. «Основным стилеобразующим элементом у Палицына, как и у Шишкова, естественно становятся славянизмы», – зазначав М. Г. Альтшуллер [3, с. 117].

Поетичною своєрідністю позначений і відомий уривок про плач Ярославни:

Глас жалостный един, унылых душ к тревогам,
Лишь тихо носится по граду на зарях:
То Ярославнин стон на городских стенах;
Куда всходя она взор скорбный простирает,
В страну отколь к себе супруга ожидает,
Толь сердцу милого, унесшего с собой
Все радости ее, надежны и покой;
И горестною с ним разлукою терзаясь,
Вещает так она, слезами обливаясь:
«Я горлицей сама к Дунаю полечу,
Бобровый свой рукав в Каяле омочу,
И раны оботру на Игоровом теле...

На бледном может быть и хладном уж доселе!» [24, с. 22].

Дослідники відзначали значну залежність перекладу О. О. Палицина від перекладу О. С. Шишкова: «Палицын со скрупулезной точностью перекладывает в стихи перевод Шишкова. Рабская зависимость его от оригинала особенно отчетливо проявляется при переложении вставок Шишкова, не имеющих соответствия в древнем тексте» [3, с. 188].

Також деяким сучасникам видалося надто штучним поєднання норм і принципів класицизму зі стилістикою й образністю давньої пам'ятки: «Палицын усвоил лишь один аспект шишковского восприятия «Слова» – героическое начало и, интерпретировал его в привычных для себя представлениях, дал вариант героической поэмы классицизма на мотивы

древнерусского памятника. Эту главную неудачу Палицына заметил Евгений [Є. О. Болховітінов], в письме которого к Хвостову перевод охарактеризован как «почтенный с бородою седою русский старец в нынешнем французском кафтане; читая Палицына, я только вспоминал о древности, тут вижу, с позволения сказать, передразнивание, а не переложение Игорева песни» [3, с. 188].

Втім для тодішньої науки та літератури цей переклад став значним явищем, на що справедливо вказав М. Ф. Сумцов: «Сделанный им перевод «Слова» при тогдашнем состоянии русской науки и литературы, при внутреннем строе тогдашнего литературного языка, еще не освободившегося от державинской высокопарности, был выдающимся литературным явлением по простоте и ясности» [29, с. 5].

Микола Алфьоров. Серед інших учасників гуртка О. О. Паліцина, які мали стосунок до російського письменства, варто згадати Миколу Федоровича Алфьорова (1777–1842), відомого архітектора, художника, гравера, письменника. Він народився в сім'ї підпрапорного сумського козацького полку Федора Алфьорова. У ранньому дитинстві його віддали на виховання та науку до О. О. Паліцина, і здібний хлопець став улюбленим учнем «Попівського пустельника». За підтримки свого наставника Микола посилено вивчав архітектуру та малювання, а згодом був відправлений до Петербурга для навчання у відомого архітектора Камерона, а також відвідав Грецію, Італію, Францію, Туреччину, де знайомився з пам'ятками архітектури, вдосконалював свою майстерність та опанував техніку гравіювання. Після повернення працював помічником архітектора в Петербурзі, брав участь у проектуванні Казанського собору. Виданою ним книгою «Способ гравировать крепкою водкою, с присовокуплением способа гравировать карандашом и составляют потребные для сего лаки (1805) користувався Тарас Шевченко, вона була вилучена в нього під час обшуку.

Окрім таланту архітектора й художника, М. Ф. Алфьоров мав певний літературний хист. Є свідчення деяких дослідників

його життя, що він писав вірші. Під час мандрів Європою за традицією того часу, породженою Лоренсом Стерном і його книгою «Сентиментальна мандрівка» (1768), М. Ф. Алфьоров писав цикл подорожніх нарисів під назвою «Письма русского путешественника», які друкувалися в журналах «Вестник Европы» (1808, 1810) та «Русский вестник» (1808). У примітці до його публікації «Два письма русского путешественника» в журналі «Вестник Европы» за 1808 рік В. А. Жуковський зазначив: «Этот путешественник есть Николай Федорович Алферов (о котором упомянуто в № 23 «Московских ведомостей» нынешнего года), молодой архитектор из дворян, с особенным талантом, страстно привязанный к своему искусству, но по несчастию лишенный средств усовершенствовать свое дарование. Он воспитанник дворянина Слободской Украинской губернии Александра Александровича Палицына, известного по своим упражнениям в литературе и свободных художествах... Этот необыкновенный молодой человек, в котором (почему знать!) мог бы со временем образоваться русский Винкельман, когда бы обстоятельства способствовали развитию дара его и не умерщвляли его гения, оставил Россию с обширным предприятием осмотреть (имея в предмет одно искусство свое, архитектуру) величественные остатки Рима, Афин, Геркуланума, Агригента и другие памятники древних веков» [2, с. 206-207].

З 1820-х років М. Ф. Алфьоров жив у Сумах та був двічі обраний повітовим предводителем дворянства, проектував будинки в Сумах, Харкові та інших містах. Останні роки провів у Попівці, в успадкованому від О. О. Паліцина маєтку. Похований у склепі разом зі своїм учителем і наставником.

Катерина Алфьорова. Ще однією талановитою ученицею О. О. Паліцина, якій він допоміг розкрити свої таланти та прищепив любов до європейського мистецтва, була молодша сестра Миколи Алфьорова – Катерина Федорівна Алфьорова, яку у своїх листах О. Паліцин називав «чадцо» та згадував у «Послании к Привете». Катерина була талановитою й обдарованою дівчиною – окрім її успіхів в архітектурі, про які

неодноразово згадував у своїх листах і спогадах О. О. Паліцин, вона мала певний літературний талант. У 1808 році московський журнал «Вестник Европы», заснований М. М. Карамзіним і який редагував на той час В. А. Жуковський, опублікував її розлогий вірш чи, скоріше, поему «Озеро», у якій у дусі модного тоді сентименталізму оспівується природна краса озера, яка протиставляється холодній і деспотичній силі моря, у чому відчужаються вже нотки новонародженого романтизму. У примітці до цього твору В. А. Жуковський зазначав: «Эти стихи доставлены от А. А. Палицына. «То, что вы говорили в вашем Вестнике, – пишет он в письме своем к издателю, – о путешествующем моем воспитаннике Алфёрове, ободряет меня препроводить к вам и стихи сестры его, также моей ученицы». Помещаем их с удовольствием, желая сделать приятное почтенному благодетелю Алфёровых, а вместе с ним, вероятно, многим читателям нашего Вестника» [23, с. 201], написана 28 січня 1808 року. Цікаво, що ні в цитованій записці Паліцина, ні в самій публікації не згадується ім'я чи прізвище Катерини Алфьорової.

Вірш «Озеро» складається з кількох частин, які перегукуються між собою. Перша частина присвячена змалюванню ідилічної картини прекрасного озера, яке вабить зір:

Блестящее среди прекрасныя природы,
В объятиях лесов, полей, лугов и гор,
О Озеро! твои спокойства полны воды,
Всех больше вод других влекут мой ум и взор [23, с. 201].

У змалюваній картині вгадується типова природа Слобожанщини з її оперезаними заростями очерету озерами, на широких плесах яких гойдаються човни рибалок та плавають стада лебедів:

Твой сонм обширных вод, но взором измеримых,
Вод без разлития и ввек неистощимых,
Усеянных собраньем островов
И зеленеющих местами тростников,
В разнообразии картинном зримых,
Судами поселян и чолнами ловцов,

Стадами лебедей и прочих птиц-гребцов
Прелестно испещренных [23, с. 202].

Краса природи, на думку поетеси, вища за красу мистецтва, і мальовничості озера «подражать искусство не дерзнет». А скромна привабливість рідних місць переважає чужоземні краєвиди:

Пусть вод иных для глаз картины веселее,
Твои для сердца всех милее [23, с. 202].

Тихому і спокійному озеру протиставлене море, яке лякає героїню своєю всесильною стихією, і вона не хоче й не може його оспівувати за ревучі хвилі, які перекидають кораблі та гублять пловців:

В нем все страшит,
Оно всему грозит;
Оно не брег один – страны опустошает
И даже поглощает,
Подземные огни воспламеняет.
В нем все и взор, и ум, и сердце изумляет;
В нем все величеством и ужасом томит! [23, с. 202].

Опис бурхливого моря набуває тут рис узагальненої й руйнівної стихії, яка несподівано під авторським пером пов'язується із всесвітнім злом, людськими вадами, а насамкінець персоніфікується в образі тирана:

Его покой, дары, добро, как зло опасны;
С ним связи все, на нем владычество несчастны;
Влекущие беды, развраты, роскошь, брань.
Пусть жадность и корысть несут тирану дань,
А я тиранов ненавижу
Ни в людях, ни в водах [23, с. 202].

Тираноборчий мотив, гаряче й емоційно висловлений в останніх рядках цієї частини, передує романтичним тенденціям, які оспівували протест проти тиранії й деспотизму та найповніше виявилися в течії «байронізму».

Мирне озеро, як втілення авторського ідеалу, не веде воєн із землею, не зносить житла людей, не розбиває кораблі, не прагне захопити чужий берег, не отруює людей корисливістю й

розкішшю. Але це втілення любові, мудрості й доброчинності, на жаль, не приваблює «певцов морей, ручьев и рек», оскільки:

...в свете знаменито лишь то, что блещет и гремит
хотя блистанием и громом тем вредит,
или что странностью дивит,
или что затейно, хитро, ново [23, с. 208].

В останніх рядках поетеса називає озеро другом, наставником і уподібнює його до свого справжнього наставника, якому вона висловлює вдячність і готовність бути йому втіхою на старості. Ім'я цього наставника, який був прикладом «во нравах, в просвещенье», не назване, але за цим описом легко вгадується «Попівський пустельник» О. О. Паліцин, який подібний до сільського озера своєю мирною вдачею і скромною мудрістю, на відміну від шумних і гордовитих сучасників. Отже, цей вірш є одночасно апологією рідної природи, протиставленням її чужинським і ворожим впливам, а також своєрідною посвятою своєму наставникові.

У журналі «Русский вестник» був опублікований ще один вірш К. Ф. Алфьорової «Вечер (Деревня Поповка)», до якого додана примітка видавця: «Сочинительница сих стихов Катерина Федоровна Алфорова, воспитанница почтенного Поповского пустынного, и родная сестра молодого нашего путешественника, о котором и по сие время многие читатели Р. Вестника желают иметь извещения...» Також у цьому журналі був надрукований ще один вірш юної сумської поетеси «Послание украинской семнадцатилетней сочинительцы, к А.В.К. в день ее именин» (1808 р.) До цього твору в примітці наведено слова О. О. Паліцина: «Сочинительница сих стихов, семнадцатилетняя благородная девица, любит еще и теперь название Чадцо, данное ей в малолетстве из шутки от бездетных ее воспитателей, которых она называла всегда Папинька и Маминька. Эта воспитанница, приносящая честь своим воспитателям и достойная нежности их попечений, между талантов и знаний украшающих ее, упражняется с успехом еще в архитектуре; знает по правилам перспективу, с отменным мастерством чертит и отделявает архитектурные

рисунки; снимает виды, и составляет ландшафты; особливо деревья, самая трудная в них часть, всегда прелестны...»

Іполит Богданович. Найвідомішим та найавторитетнішим із письменників, які відвідували «Попівську академію», є Іполит Федорович Богданович (1744–1803) – автор славнозвісної «Душеньки». Народився І. Ф. Богданович на Полтавщині в небагатій дворянській сім'ї, навчався в Києво-Могилянській академії, а потім у гімназії при Московському університеті. Служив у різних відомствах, був обраний членом Російської академії, очолював державний архів. Поетичну діяльність розпочав із написання од на честь монархів, видавав журнали «Невинное упражнение» та «С-Петербургский вестник». Написав поеми «Сугубое блаженство», «Добромысл», «Блаженство народов», перекладав псалми, писав історичні трактати. Але справжню славу йому принесла поема, названа автором повістю у віршах, «Душенька» – наслідування роману Ж. Лафонтена «Любов Психеї і Купідона» («Les amours de Psyché et de Cupidon»), який у свою чергу створений за сюжетом про Амура і Психею з роману римського письменника Апулея «Метаморфози». У своїй автобіографії І. Ф. Богданович писав, що «Душенька» була ним написана в 1775 році, в 1778 році він надрукував першу частину під назвою «Душенькины похождения», а в повному й доопрацьовану вигляді вона вийшла лише в 1783 році.

Перші видання поеми були анонімними, лише в 1782 році О. А. Ржевський у передмові зазначав: «Оную поэму сочинил Ипполит Федорович Богданович, и, будучи моим приятелем издавна, к случившемуся слову мне ее показал, как такое сочинение, которое он для забавы своей иногда писал в праздные часы, без намерения его печатать. Непринужденная вольность стиля, чистота стихов, удачливый выбор приличных слов по роду сей поэмы, а паче изобилие поэтических воображений мне столько понравились, что я просил сочинителя отдать сию поэму в мою волю, что он и исполнил по своей любви и приязни ко мне; а я рассудил издать ее в печать, чтобы другим принести то ж удовольствие, которое от нее я имел. Я

думаю, что многим она понравится, не только тем, что нет на нашем языке подобного рода стихотворений, но и счастливым успехом сочинителя» [12, с. 225].

Поема «Душенька» легка і грайлива за змістом. У романі Апулея Психея символізувала жіночу душу, яка мала пройти низку випробувань, щоби піднятися до божественного нареченого – Ерота (Амура, Купідона). Лафонтен відкидає це символічне наповнення й залишає тільки еротичну фабулу. Цим же шляхом іде й І. Ф. Богданович, героїня твору якого Душенька (переклад грецького імені Психея) за передбаченням оракула була видана заміж за чудовисько, яке приходить до неї лише вночі, і вона не може його роздивитися. Не послухавшись заборони, Душенька запалює вночі світильник і дізнається, що її чоловік не чудовисько, а сам бог Амур. За непослух вона покарана і бідною та знедоленою опиняється в пустелі. Але після розкаяння вона отримує пробачення й повертає собі багатство та чоловіка.

Мораль поеми висловлена в оприлюдненій наприкінці поеми грамоті Зевса:

Закон времен творит прекрасный вид худым,
Наружный блеск в очах преходит так, как дым,
Но красоту души ничто не изменяет,
Она единая всегда и всех пленяет [12, с. 125–126].

Поема стилізована під народні казки, у ній багато жартівливих і трагедійних мотивів, які різко контрастували з тодішнім пафосом класицистичних поем. І. Ф. Богданович вносить у казковий сюжет слов'янські міфологеми, фольклорну образність і стилістику, надає оповіді легкого, іронічного забарвлення. «Ужасы Душенькина путешествия изображены во французской сказке как действительные ужасы, а в русской – с приятною шутливостию», – зазначає М. М. Карамзін [18, с. 212]. Окрім традиційних для поезії класицистів античних божеств (Венери, Амура, Сатурна, Аполлона) Богданович змальовує ряд фантастичних образів народних казок: Кощея, який охороняє чарівний сад золотих яблук, Змія Горинича, який стереже джерела з живою й мертвою водою, і якого Душенька

намагається перехитрити й улестити приязними словами:

О Змей Горынич Чудо-Юда!
Ты сыт во всяки времена,
Ты ростом превзошел слона,
Красою помрачил верблюда,
Ты всяку здесь имеешь власть,
Блестишь златыми чешуями
И смело разеваешь пасть,
И можешь всех давить когтями, –
Соделай край моим бедам,
Пусти меня, пусти к водам [12, с. 117].

М. М. Карамзін відзначав наближення авторської манери до фольклорного стилю: «Русская Душенька служит только трудные, опасные службы богине, совершенно в тоне русских старинных сказок, и прекрасно: идет за живою и мертвою водою, к змею Гарыничу, и так хорошо, с женскою хитростию, ублажает его» [18, с. 221].

Високо оцінюючи цю поему, В. Г. Белінський писав: «Поэма Богдановича всё таки замечательное произведение, как факт истории русской литературы: она была шагом вперед и для языка, и для литературы, и для литературного образования нашего общества. Кто занимается русскою литературою как предметом изучения, а не одного удовольствия, тому – еще более записному литератору – стыдно не прочесть «Душеньки» Богдановича [12, с. 164].

Твір миттєво зробив І. Ф. Богдановича відомим, на нього звернула увагу Катерина II, а сама повість витримала 15 видань. За дорученням імператриці він написав п'єси «Радость Душеньки» та «Славяне», які проте не мали значного успіху. Зацікавленість народною казкою, яка проявилася в поемі, Катерина II вирішила використати для культивування «казенної народності», поширеної при її дворі. І. Ф. Богдановичу вона доручила в патріотичному дусі викласти народні приказки та легенди. Збірник «Русские пословицы» був підготовлений у 1784 році й куплений Академією наук. Основою збірника стала ідея «благонравия» і «благоповедения». Задля цього

І. Ф. Богданович не лише відбирав лише ті, твори, які відповідають ідеї, але й займався доопрацюванням багатьох народних приказок. Високо оцінюючи це видання, М. М. Карамзін писав: «Исполняя также волю сей монархини, он издал «Русские пословицы», в которых сохранились драгоценные остатки ума наших предков, их истинные понятия о добре и мудрые правила жизни» [18, с. 223].

Принцип добору народних творів і сам зміст збірника пройнятий ідеями Просвітництва й освіченого абсолютизму. Разом із розділами, де подано просвітницькі за суттю тематичні розділи про виховання, науку, справедливість, пристойність, розсудливість тощо, вміщені твори про відданість монарху та покірність народу. Тексти народних прислів'їв подані не лише без вказівки на джерело їхнього походження, що було даниною часу, але й зазнали суттєвого авторського втручання, а частина, схоже, взагалі вигадана автором. Більшість паремій мають прямий зв'язок з оригінальним російським фольклором, а в інших, попри російську мову, відчувається українське коріння: «Несчастны те дитятки, которых не журят ни батки их, ни матки [11, с. 1]. «Вопрос и всякой спрос ответ себе находит, и с толком-скать язык до Киева доводит» [11, с. 8].

У своїх подальших віршах І. Ф. Богданович також нерідко вдавався до віршованої обробки фольклорних сюжетів («Сказка» (1761), «Пословица» (1761), «Песня» (1773), «Загадки» (1773), «Басня на пословицу» (1883). У стилізованому під народну пісню вірші «У речки птичье стадо...» використано приспів, запозичений з українських обрядових пісень «Ой Ладо, Ладо, Ладо!» У 1787 році на основі народних прислів'їв поет створив дві театральні вистави.

У 1796 І. Ф. Богданович вийшов у відставку, залишив Петербург і, як пише М. М. Карамзін: «Он приехал в Сумы с намерением вести там жизнь свою в кругу ближайших родных и наслаждаться ее тихим вечером в объятиях природы, всегда любезной для чувствительного сердца, особливо для поэта» [18, с. 224]. Втім його проживання в Сумах, яке могло б дати новий поштовх розвитку «Попівської академії», було

нетривалим. М. М. Карамзін натякає на «известие неясное, хотя и верное» – якесь нерозділене кохання і відмову в одруженні, що змусило його залишити Суми й перебраться до Курська, де він помер у 1803 році.

Перебування в Сумах зблизило І. Ф. Богдановича з О. О. Паліциним, який присвятив йому натхненні рядки:

Счастливый «Душеньки» творец, наш Лафонтен
Друзьями муз вовек пребудет незабвен.
Он станет Добромыслом
Дух русский усладят,
Доколе русским смыслом
Мы станем обладать;
И русские французы
Должны признаться в том,
Что грации и музы,
Водя его пером,
Явили образец тут русский,
И Богдановичу и стихотворству в честь [25, с. 749].

Іван Богданович. Письменство не було чужим і для молодшого брата Іполита Богдановича – Івана Федоровича Богдановича (1758-1831), який був городничим у Сумах, а потім предводителем повітового дворянства, мав велику бібліотеку, пробував свої сили в літературі, був активним учасником «Попівської академії». Він написав книги «О воспитании юношества», (М., 1807), «Слово похвальное царю Иоанну Васильевичу IV» (М., 1809), и «Российская грамматика в пользу поляков» (Вильно, 1809).

У своїй найвідомішій праці «О воспитании юношества» він обстоював національні принципи системи виховання і висловлював сподівання на появу національно орієнтованої педагогіки, маючи на увазі загальноросійську культуру й залишаючись прихильником освіченого абсолютизму. Про свою книгу він писав: «Прежде, нежели я решился предпринять сей труд, я говорил с Творцем Душеньки, говорил с г. Капнистом, с прискорбием представляли, что мы доныне не имеем еще такой книги, которая б была основанием нацио-

нального виховання» [9, с. 36].

Євстафій Станевич. Ще одним активним учасником «Попівської академії» був письменник Євстафій Іванович Станевич (1775-1835). Грек за походженням, він народився в Ніжині, залишився в п'ятнадцять років круглим сиротою, але за допомогою знайомих зумів отримати освіту в Москві, а потім у Петербурзі. Служив у канцелярії державного казначейства, але згодом переїхав до Сум, поселився в О. О. Паліцина в маєтку та наймався вихователем до місцевих поміщиків. Був членом гуртка «Беседы любителей русского слова», друкувався в столичних часописах. У 1804 році вийшла друком його збірка «Собрание сочинений в стихах и прозе», у якій він виявив себе симпатиком ідей О. С. Шишкова та опонентом карамзіністів. Його поезію та ідейну позицію розкритикували М. Т. Каченовський та О. Ф. Воєйков, у відповідь яким він написав «Способ рассматривать книги и судить о них», у якій визначив вимоги до критики, серед яких неупередженість, справедливість, благопристойність, а також закликав читачів самим вирішувати, хто правий, а хто винен. Він писав: «Вместо того, чтобы рассматривать сочинения на выше показанных правилах, наши критики довольствуются выставить несколько ошибок, без коих не бывает и самое лучшее сочинение, язвят сочинителя колкими насмешками, превращают его речения, толкуют иначе слова его и простирают свое бесстыдство до того, что вовсе забывают обязанности свои» [28, с. 11].

Пізніше Є. І. Станевич отримав призначення на посаду директора училищ Курської губернії, а після відставки знов повернувся до Сумського повіту, де прожив останні роки. Протягом двох років з 1802 року він мешкав у Попівці або в Низах та був активним учасником засідань «Попівської академії». Цей період був плідним для поета: він писав вірші та байки, займався перекладами з французької. «Євстафій Іванович во время житья в Поповке успел перевести две поэмы стихами: «Сельский житель» Делиля и «Ландшафты или опыт о сельской природе» Незай-Марнозия, – згадував В. І. Ярославський. – А. А. Палицын в это время переводил две

поэмы, также стихами: «О садах» Делиля и «Времена года» Сен-Ламберта» [34, с. 129]. Також Є. І. Станевич спонукав і самого В. І. Ярославського перекладати французьких авторів, зокрема під його наглядом той переклав промову Ж.-Ж. Руссо.

Василь Ярославський. До числа найближчих учнів О. О. Паліцина належить Василь Іванович Ярославський (1780-1860). Він народився в Тростянці Охтирського повіту, освіту отримав у Харкові, а у Сумах служив архітектором, землеміром, а також вихователем та учителем дітей місцевих поміщиків, зокрема жив у маєтку генеральші П. Штеричевої в с. Баси. Пізніше працював архітектором у різних містах, а останні роки свого життя мешкав у Сумах.

В. І. Ярославський залишив після себе цікаві спогади про Харківську губернію, у яких багато місця відведено Сумам і Сумському повіту кінця XVIII – початку XIX століть. У них можна зустріти такі відомі імена, як городничий Сум Іван Богданович (брат поета Іполита Богдановича), Василь Каразін, Олександр Паліцин. Спогади, які мають заголовок «Тайная исповедь о моей жизни и делах и о лицах, с которыми я имел дела и сношения» вперше були опубліковані завдяки старанням протоієрея М. Лащенкова в першому випуску «Харьковского сборника» та в журналі «Киевская старина» (1887).

Сергій Глінка. Серед письменників, які були учасниками «Попівської академії» та тривалий час жили в маєтку О. О. Паліцина варто згадати Сергія Миколайовича Глінку (1775-1847). Народився майбутній письменник на Смоленщині, навчався в кадетському корпусі в Петербурзі, брав участь у війні 1812 року, був видавцем журналу «Русский вестник» (1808-1820, 1824), стояв на консервативних і націоналістичних позиціях, боровся проти французького впливу, був близьким до О. С. Шишкова. Критикуючи поширену серед російського дворянства галломанію, він пропагував повернення до національної «старовини». Написав низку п'єс: «Наталья, боярская дочь» (СПб., 1806); «Михаил князь Черниговский» (М., 1808); «Ольга Прекрасная» (М., 1808); «Боян» (М., 1808); «Минин» (М., 1809); «Осада Полтавы» (М., 1810). Писав також

поєми та повісті у віршах, серед яких «Пожарский и Минин, или пожертвования россиян» (М., 1807); «Царица Наталья Кирилловна» (М., 1809) та інші.

З 1799 по 1802 рік із перервами С. М. Глінка жив у маєтку О. О. Паліцина, де став його учнем, переписував його переклади, допомагав з архітектурними кресленнями, писав власні вірші. У 1802 почав працювати вчителем дітей поміщика із с. Рясне Хрущова та сина Г. Шидловського. В. І. Ярославський у своїх спогадах писав: «К Хрущову в Рясное был выписан из Москвы известный сочинитель и при том стихотворец майор Сергей Николаевич Глинка» [34, с.127].

У редагованому ним журналі «Русский вестник» за 1809 рік С. М. Глінка схвально відгукнувся про постать О. О. Паліцина «Издатель «Русского вестника», имеющий лично знать сочинителя сих стихов А. А. Палицына, долгом почитает сказать, что он несколько человек неимущих дворян сам наставлял в живописи, зодчестве и прочих полезных знаниях, что некоторые из сих дворян имеют места по дарованиям своим».

Молодшим братом Сергія Глінки був відомий російський поет і декабрист Федір Глінка, автор відомих віршів «Тройка» («Вот мчится тройка удалая...») і «Песнь узника» («Не слышно шуму городского...»). До «Попівської академії» Федір Глінка відношення не мав, але перебував на Волині та збирав на Чернігівщині українські народні думи, які потім використав при написанні історичного роману «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобождённая Малороссия» (1819).

Іван Вернет. Часто відвідував Паліцинський маєток та брав участь у засіданнях «попівців» Іван Пилипович Вернет (1771-1847), письменник, педагог, журналіст. Народився у Швейцарії, але своєю другою батьківщиною обрав Україну, служив гувернером у Харкові та вчителем у Новгороді-Сіверському. Був прихильником ідей Ж.-Ж. Руссо. Був добре знайомий із Г. С. Сковородою, залишив про нього спогади. «Вернет оставил нам характеристику Г. С. Сковороды, которого последний раз видел у общего приятеля их И.О. Пискуновского, – писав Д. І. Багалій. – Он его сравнивает с необделанным

дорогим камнем, которому не доставало шлифовки, и не понимает, в чем заключалась тайна его влияния на учеников» [4, с. 6]. Небагатий та без власного житла І. П. Вернет змушений був вести мандрівне життя: «Вернет подражал страннической жизни Г.С. Сковороды – переезжал от одной знакомой семьи к другой; но его жизнь не лишена была некоторого комфорта и, главное, он все-таки стыдился своей бедности и старался жить у богатых» [4, с. 3]. Усе майно мандрівного вчителя уміщувалося в невеличкій валізі, половину якої займали книги Вергілія, Горація, Руссо, Стерна та інших авторів.

Подорожі, зустрічі з різноманітними людьми, дали йому можливість пізнати Україну й українців. Він писав, що його співвітчизники були б здивовані, якби побачили його серед чумаків, «среди коих я нашел гостеприимство, честность и ум» [21, с. 188]. «Нет у меня слов, восклицает он, чтобы достойно возблагодарить тех, кои в Украине и в Малороссии, быв чужими, предлагали мне их дома и услуги с прямо-родственным сердцем, призирали меня бездомного! – наводить його слова І. П. Вернета журнал «Современник». – У меня в Сумах, как и везде, нет ничего, кроме воспоминаний... В Глухове, где прежде прожил я два года, тоскуя по отечеству и приноравливаясь к новому образу жизни... В Харькове, который люблю, как дом свой» [21, с. 188].

І. П. Вернет активно друкувався в харківському журналі «Украинский вестник» (1816-1819), де зокрема опублікував свої нариси «Путешествия в духе Стерна». В. І. Ярославський залишив про нього спогади, як про вчителя французької мови, який часто відвідував гурток О. О. Паліцина. Журнал «Современник» опублікував спогади про І. П. Вернета, де про нього сказано: «Иван Филипыч Вернет – человек в свое время известный не в одном Харькове, но и во всей Малороссии» [21, с. 180]. У цих спогадах дана висока оцінка його педагогічному таланту: «Вернет был редкий наставник. В Сибири есть предание об одном юноше, что там, где он жил, снег таял вокруг, росли цветы и все зеленело. То же можно сказать и про Вернета» [21, с. 184]. Позитивний відгук залишив про І. П. Вер-

нета і Д. І. Багалій: «Стоя несравненно ниже Г.С. Сковороды по уму и по влиянию на современное украинское и в частности харьковское общество, И.Ф. Вернет представляет из себя оригинального и симпатичного деятеля, оставившего по себе добрую память у современников» [4, с. 7].

Василь Капніст. Насамкінець варто загадати ще двох відомих людей того часу, які відвідували «Попівську академію» та підтримували тісний зв'язок з О. О. Паліциним. Перший із них – Василь Васильович Капніст (1758-1823), відомий поет, драматург і громадсько-політичний діяч. Народився він на Полтавщині, після служби в Петербурзі повернувся на рідну Полтавщину, де користувався великим авторитетом серед українського дворянства, займав високі виборні посади та займався громадськими й літературними справами, належав до літературного гуртка М. О. Львова, куди входили також Г. Р. Державін, І. Ф. Богданович та інші. Пізніше В. В. Капніст зближується із сентименталістами на чолі з М. М. Карамзіним. Перший твір він опублікував у 1780 році. Невдовзі написав славнозвісну «Оду на рабство», яку надрукував лише в 1806 році, а до того часу вона поширювалася в списках. У 1786 році у відповідь на указ Катерини II про введення слова «верноподанный» замість традиційного «раб» написав «Оду на истребление в России звания раба». Головним твором В. В. Капніста вважається комедія «Ябеда», спрямована проти хабарництва і продажності тогочасного суддівства. Йому також належить поетичний переклад «Слова о полку Ігоревім» (1809).

В. В. Капніст і О. О. Паліцин підтримували дружні зв'язки, є свідчення, що В. В. Капніст бував у Попівці, і створив подібний гурток у себе в Обухівці. «Попівський пустельник» тепло відгукнувся про В. В. Капніста у своєму «Послании к Привете»:

Огнем поэзии он полон, нежен, чист.
Всегда его мы вспомним оды,
Детей искусства и природы.
Надежда станет нас прельщать,
Смерть сына станет поражать,
И памятник его почтенный,

Монархине сооруженный,
На истребленье слова раб
Удар разрушить время слаб:
Косой его не сокрушится,
Что всеми наизусть твердится [25, с. 757].

Василь Каразін. Тісні зв'язки пов'язували О. О. Паліцина з В. Н. Каразіним, відомим просвітителем, вченим, громадським діячем, засновником Харківського університету. Василь Назарович Каразін (1773-1842) після військової і державної служби, попри різного роду перепони, обмеження й навіть ув'язнення в Шліссербурзькій фортеці, розгорнув активну просвітницьку діяльність, в основі якої лежали ідеї Г. С. Сковороди та французьких мислителів. Намагався залучити до цієї справи широкі кола дворянства. Саме на цій ниві й зішлися інтереси двох подвижників слобідського краю – Паліцина й Каразіна. М. Ф. Сумцов зазначав: «Деятельность Палицына совпала по времени и по направлению с деятельностью В. Н. Каразина, и эти два человека положили краеугольные камни в деле развития просвещения в Харьковской губернии» [29, с. 12].

В. Н. Каразін у своїх працях пропонував поширити ідеї Просвітництва в селянське середовище, оскільки селяни, на його думку, як нащадки давньої культури хліборобів, зберегли в собі моральну чистоту, і тому освічені поміщики мають сприяти змінам у їхньому житті: «Водворите в селах ваших просвещенное земледелие, водворите искусства и промышленность. Водворите наипаче порядок и добрые нравы, без которых все прочее во вред обращается» [8, с. 20]. Похвалу освіченим поміщикам, серед яких він називає О. О. Паліцина та І. Ф. Богдановича, містить його «Погляд на українську старовину» (1842).

Оцінюючи внесок О. О. Паліцина та В. Н. Каразіна в зародження народознавчих ідей, М. Ф. Сумцов писав: «Ближайший их преемник Г.Ф. Квитка пошел далее Палицына и далее Каразина, внесши в сознание местной интеллигенции идею о необходимости просвещения не только дворянского сословия, довольно уже сильного в культурном отношении и выста-

вившего уже таких светлых деятелей, как Палицын, Алферов, Каразин, сам Квитка, но всей массы народной, и одновременно внес идею о необходимости присмотреться к ней, изучит ее язык, быть, нравы, обычаи. Палицын, Каразин и Квитка своей просветительной деятельностью определили основные пути для успешной и целесообразной деятельности на пользу Харьковского края» [29, с. 12-13].

Заслугою просвітницького гуртка на чолі з О. О. Паліциним стало створення на Слобожанщині особливої атмосфери, основою якої були гуманістичні, антропоцентричні й народницькі ідеали та цінності. Харківські діячі пізніше творчо втілили принципи «Попівської академії». Видання харківських журналів того часу «Украинский вестник» (1816-1819), «Украинский журнал» (1824-1825), діяльність І. І. Срезневського, М. І. Костомарова, А. Л. Метлинського стали продовженням народознавчих устремлінь діячів «Попівської академії». Помітний слід залишили письменники-«попівці» і в російській літературі, де утверджували культ народності, дух гуманізму та пошани до рідної мови й рідного слова.

ЛІТЕРАТУРА

1. Айзеншток І.Я. О. Паліцин. Епізод з культурного минулого Слобожанщини / І.Я. Айзеншток // Юбілейний збірник на пошану академіка Дмитра Йвановича Багалія / За ред. А. Кримського. – К., 1927. – Ч. II. – С. 57–69.
2. Алферов Н.Ф. Два письма русского путешественника / Н. Ф. Алферов // Вестник Европы. – 1808. – №7. – С. 206–223.
3. Альтшуллер М. Г. «Слово о полку Игореве» в кругу «Беседы любителей русского слова» / М. Г. Альтшуллер // Труды Отдела древнерусской литературы. – 1971. – Т. 26. – С. 116–118.
4. Багалей Д. И. Харьковский педагог и журналист начала XIX века Иван Филиппович Вернет : из XVIII т. Сб. ист.-филол. о-ва, изд. в честь проф. Н. Ф. Сумцова / Д. И. Багалей. – Х. : тип. «Печ. дело», 1908. – 7 с.
5. Багалей Д. И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам. (1802-1815) / Д.И. Багалей. – Харьков: Первая типография Зильберберг, 1893–1898. – Т.1 – 1204 с.
6. Багалей Д.И., Сумцов Н.Ф., Бузескул В.П. Краткий очерк истории

- Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805-1905) / Д. И. Багалея, Н. Ф. Сумцов, В. П. Бузескул. – Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1906. – 329 с.
7. Барабаш Н.О. Епістоли як джерело до вивчення «Попівської академії» / Н.О. Барабаш // Гуманітарний журнал. – 2010. – №1–2. – С.107–115.
 8. Барсов Е. В. Слово о полку Игореве, как художественный памятник Киевской дружинной Руси : В связи с древнерусскою письменностью и живым народным песнотворчеством : В 3-х т. / Е. В. Барсов. – М.: Университетская типография, 1887. – Т.1. – 500 с.
 9. Богданович И. Ф. О воспитании юношества / И. Ф. Богданович // Антологія просвітницької думки членів Попівської академії / Упор. та автор вступних статей Скоробагатська О.І. – Суми: СумДПУ ім. А. С. Макаренка, 2006. – С. 35–92.
 10. Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы / вст. статья, подготовка текста и примеч. И. З. Сермана / И. Ф. Богданович. – Л.: Советский писатель, 1957. – 254 с.
 11. Богданович И. Ф. Русские пословицы / И. Ф. Богданович. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1785. – Ч.ІІІ. – 52 с.
 12. Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы / И.Ф. Богданович. – Л.: Сов. писатель, 1957. – 257 с.
 13. Булахов М. Г. Сиряков (Серяков) Иван Иванович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. / М. Г. Булахов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. –Т. 4. – С. 298–299.
 14. Десятниченко О. Паліцинськими стежками / О.Десятниченко. – Харків: Видавництво «Водний спектр Джі Ем Пі», 2018. – 128 с.
 15. Іваненко О. А. Паліцин Олександр Олександрович / О. А. Іваненко// Україна в міжнародних відносинах. Енциклопедичний словник-довідник. Випуск 6. Біографічна частина: Н–Я / Відп. ред. М.М. Варварцев. – К.: Ін-т історії України НАН України, 2016. – С. 80–81.
 16. Каразин В. Н. Взгляд на украинскую старину / В. Н. Каразин // Молодик на 1844 год: украинский литературный сборник / издаваемый И. Бецким. – СПб.: Тип. К. Жернакова, 1844. – С. 33–46.
 17. Каразин В. Н. Речь о пользе просвещения в домоводстве или о естественной связи домоводства с другими познаниями / В. Н. Каразин // Антологія просвітницької думки членів Попівської академії / Упор. та автор вступних статей

- Скоробагатська О.І. – Суми: СумДПУ ім. А.С.Макаренка, 2006. – С. 202-207.
18. Карамзин Н. М. О Богдановиче и его сочинениях / Н. М. Карамзин// Н. М. Карамзин. Избранные сочинения в двух томах. – М.: Л., 1964. – Т. 2. – С. 198–227.
 19. Каченовский М. Т. О Послании к Привете / М. Т. Каченовский // Вестник Европы. – 1807. – № 19. – С. 211-216.
 20. Колесник І. І. Інтелектуальне співтовариство як засіб легітимації культурної історії України ХІХ століття / І.І.Колесник // Український історичний журнал. – К.: Дієз-продукт, 2008. – №1. – С.169–193.
 21. Л. Иван Филипович Вернет, швейцарский уроженец и русский писатель. Из воспоминаний обыкновенного человека // Современник. – 1847. – Кн. 1. – С. 167 –197.
 22. Лотман Ю. Поэзия 1790-1810-х годов / Ю. М. Лотман // Поэты 1790-1810-х годов / Вступ. статья и сост. Ю. М. Лотмана. – Ленинград: Советский писатель, 1971. – С. 5–67.
 23. Озеро // Вестник Европы. – 1808. – №19. – С. 201–209.
 24. Палицын А. А. Игорь, Героическая песнь с древней славенской песни, писанной в ХІІІ века, преложил стихами Александр Палицын / А. А Палицын. – Харьков: Университетская типография, 1807. – 42 с.
 25. Палицын А.А. Послание к Привете / А. А. Палицын // Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. статья и сост. Ю. М. Лотмана. – Ленинград: Советский писатель, 1971. – С. 746–779.
 26. Сапухін П. Засновник першого літературного гуртка на Слобожанщині / П. Сапухін // Радянське літературознавство . – 1958. – № 1. – С. 127–129.
 27. Слюсарський А.Г. Слобідська Україна: історичний нарис ХVІІ – ХVІІІ ст. – Харків: Кн. – газ. вид., 1954. – 279 с.
 28. Станевич Е. И. Способ рассматривать книги и судить о них / Е. И. Станевич. – Санкт-Петербург : В Медицинской типографии, 1808. – 64 с.
 29. Сумцов Н. Ф. Культурный уголок Харьковской губернии (Поповская Академия). Отдельн. оттиски из “Харьковского сборника» / Н. Ф. Сумцов. – Харьков: Типография губернского правления. – 1888. – 20 с.
 30. Черкасова К. Т. О. Паліцин і художня культура Слобожанщини кінця ХVІІІ- початку ХІХ ст. / К.Т.Черкасова // Українська біографістика. Збірник наукових праць. – Випуск 3. – К., 2005. –

С. 248–260.

31. Шишков А. С. Слово о полку Игореве, Игоря сына Святославля, внука Ольгова / А. С. Шишков // Соч. и переводы, изд. Рос. академией. – Спб., 1805. – Ч. 1. – Кн. 8. – С. 23–234.
32. Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : В 2-х т. ; изд. Н. Киселева, Ю Самарина / А. С. Шишков. – Berlin : В. Behr's Buchhandlung, 1870. – Т. 1 : Записки: (1780-1814); Письма к жене: (1813–1814); Приложения. – 1870. – 479 с.
33. Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка / А. С. Шишков // Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена. – СПб: в типографии Императорской Российской Академии, 1824. – Ч. 2. – 466 с.
34. Ярославский В. И. Записки В. И. Ярославского / В. И. Ярославский // Киевская старина. – 1887. – №9. – С. 109–152.

СЛОВНИК

Балада – ліро-епічний віршований твір із яскраво вираженим сюжетом історичного або побутового характеру, іноді з елементами фантастики та міфології.

Галломанія (або франкофілія) – позитивна схильність або інтерес по відношенню до самої Франції або її населення, культури, французької мови, літератури, історії, кухні тощо.

Енциклопедисти – група авторів-укладачів універсального довідника «Енциклопедія, або Тлумачний словник наук, мистецтв і ремесл», створеного у Франції в 1751-1780 роках з ініціативи Дені Дідро.

Нарис – малий художньо-публіцистичний жанр, у якому автор зображує дійсні події та факти. Найчастіше нариси присвячуються відтворенню сучасних подій чи зображенню людей, яких особисто знав письменник. Дорожній нарис - жанр, що описує цікаві події або суб'єктивні спостереження автора під час подорожі.

Ода – урочистий вірш, присвячений якійсь історичній події або герою.

Памфлет – злободенна гостра сатирична стаття, брошура, зазвичай політичного характеру, спрямована проти кого-

небудь або чого-небудь.

Послання у віршах або епістола – літературна форма, поетичний жанр, поширений у першій половині XIX століття, зміст якого різноманітний – від філософських роздумів до сатиричних картин і епічних оповідей. Звертаючись до когось відомого чи уявного, автор послання говорить із ним у звичайному епістолярному стилі, який іноді підвищується до урочистості й пафосу, іноді знижується до простого і дружнього тону.

Природна людина – ідея Ж.-Ж. Руссо про створену природою людину з її природними фізичними моральними потребами та бажаннями. Природна людина з її безпосередніми почуттями протиставляється людині цивілізованій, зіпсованій звичаями суспільства.

Просвітництво – одна з ключових епох в історії європейської культури, пов'язана з розвитком наукової, філософської і громадської думки. В основі лежали раціоналізм і вільнодумство.

Класицизм – художній стиль і естетичний напрямок у європейській культурі XVII-XIX ст. В основі класицизму лежать ідеї раціоналізму.

Мемуари – записки про минулі події сучасника або учасника цих подій.

Публіцистика – рід творів, присвячених актуальним проблемам і явищам поточного життя суспільства.

Руссоїзм – громадсько-літературна течія XVIII ст., зумовлена філософськими, естетичними, педагогічними, етичними, історичними поглядами та творчістю французького письменника й мислителя доби Просвітництва Жан-Жака Руссо.

Сатира – літературний твір, який викриває негативні явища дійсності.

Сентименталізм – напрямок у західноєвропейській і російській культурі і відповідний літературний напрям. Твори, написані в рамках даного мистецького спрямування, роблять особливий акцент на чуттєвість, що виникає при їх прочитанні.

ЗАПИТАННЯ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЮ

- Коли й ким було знайдене «Слово о полку Ігоревім»? Коли вийшло його перше видання, ким перекладалося «Слово о полку Ігоревім»?
- Чому героїня поеми І. Ф. Богдановича має ім'я Душенька, який зв'язок цього твору з античною літературою?
- Кого з російських письменників згадує О. О. Паліцин у «Послании к Привете»?
- Яка основна думка вірша К. Ф. Алфьорової «Озеро», якими рисами змальований образ озера?

ЗАВДАННЯ

- Назвіть учасників гуртка «Попівська академія», який об'єднав діячів літератури кінця XVIII – початку XIX століття?
- Знайдіть і прочитайте уривок про плач Ярославни зі «Слова о полку Ігоревім» у різних перекладах. Порівняйте з оригіналом.

ТЕМАТИКА САМОСТІЙНОЇ РОБОТИ

1. Просвітництво – його основні ідеї, представники, поширення в країнах Європи, Україні та Росії.
2. Діяльність літературних гуртків у Росії в XIX столітті.
3. Ідеї Ж.-Ж. Руссо та їхній вплив на російську літературу.
4. Поема І. Ф. Богдановича «Душенька», її тематика, запозичення сюжету та художня специфіка. Образ Душеньки.
5. Стан російської літературної критики XIX століття й місце в ній книги Є. І. Станевича «Способ рассматривать книги и судить о них».
6. Боротьба ідейно-художніх напрямків у російській літературі першої третини XIX століття. Протидія галломанії.
7. Особливості прозових і поетичних перекладів «Слова о полку Ігоревім» початку XIX століття.
8. Зв'язок російських письменників I половини XIX століття з Сумщиною.
9. Український фольклор у творах російських письменників I половини XIX століття.
10. Творчість В. В. Капніста й Україна.

1.2. Україна, українці, їхній побут та звичаї в подорожніх нарисах російських письменників І половини XIX століття

І половина XIX століття для російського письменства стала етапом становлення нової літератури, пошуком нових тем та розробкою нових літературно-мистецьких напрямків. З кінця XVIII століття серед літературних тенденцій узяли гору ідеї просвітителів та мода на сентиментальні романи. Саме сентименталізм зрушив увагу письменників з ідеї героїчної перемоги розумної людини над особистими пристрастями до ідеї «природної людини», світу ідилії, втечі до ідеалізованого села, що було вже за крок від романтичного пошуку ідеалу. Романтичні тенденції, які поширилися в російській літературі на початку XIX століття, посилили тенденцію до змалювання ідеального місця та ідеального способу життя. Саме таким ідеалізованим місцем, своєрідною Аркадією, протиставленою похмурому Петербургу, багатьом починає здаватися Україна. «Я хотел видеть только хорошее: дурного везде много, и кому оно надобно? Хотел, чтобы Малороссия была Аркадией», – писав письменник, журналіст і видавець, князь П. І. Шаліков у своєму «Новом путешествии в Малороссию» (1803) [14, с. 178].

Зацікавленість Україною, її історією, звичаями, фольклором поширилися серед російської освіченої публіки ще наприкінці XVIII століття. «В XVIII ст. малорусское вошло в моду и оставалось больше модою, хотя чувствовалось кое-что родственное в нем», – зазначав літературознавець і лінгвіст І. О. Мандельштам [9, с. 195]. З 1870-х років в Росії значного поширення набули пісенні збірники, де були широко представлені українські народні пісні. У 1777 році в Санкт-Петербурзі Г. Калиновський опублікував опис українського весілля, записаного на Глухівщині. Згодом М. Д. Чулков передрукував його у своїй книзі «Абевега русских суеверий» (1786). У цей же час з'явилися «Записки об Украине» Я. А. Марковича (1798) та «Топографическое описание Харьковского наместничества» (1787). Поява й популяризація «Слова о полку

Ігоревім», яке першими дослідниками було визнане «малоросійською поемою», привернули увагу до давньої української міфології. Збірники українських народних пісень та казок, видані в Петербурзі М. А. Цертелевим (1819), у Москві М. О. Максимовичем (1827) та О. М. Бодянським (1835) стали надзвичайно популярними серед російської публіки. «Зачарування Україною було таке дуже, що ідеалізація українського життя зробилася літературною традицією, – зазначав філолог і літературознавець В. В. Сиповський. – Ця поетична апотеоза України витворилася за доби романтизму, коли так жадібно шукали всього мальовничого, усього того, на чому виразно позначався *couleur locale*» [11, с. 24]. О. С. Пушкін зізнавався М. О. Максимовичу: «А я обираю ваши песни».

Першим жанром російської літератури XIX століття, у якому була широко представлена українська тема, стали подорожні нариси, автори яких намагалися наслідувати «*A Sentimental Journey Through France and Italy*» Л. Стерна (1768) та «Письма русского путешественника» М. М. Карамзіна (1791-1792). Україна з її барвистою природою, що різко контрастувала з російськими краєвидами, українські краєвиди, ясне небо, гарно вбрані люди та мальовничі поселення приваблювали і викликали захоплені відгуки. «Увидев Малороссию, глаза мои не могли налюбоваться выбеленными избами, опрятною одеждою обитателей их, ласковым, милым взглядом прекрасных здешних женщин», – захоплено вигукує П. І. Шаліков [14, с. 40]. Сповнені захопленого здивування українським народом, його «наружным блеском» та «культурностью» також подорожні записки В. В. Ізмайлова, П. І. Сумарокова, І. М. Долгорукова, О. І. Льовшина, І. П. Вернета, В. В. Пассека, І. І. Гуржеєва, І. Левицького, Є. П. Ковалевського, І. М. Сбітнева, І. Г. Кулжинського, М. С. Всеволожського, О. М. Муравйова, московського митрополита Платона та інших. Ці твори були опубліковані окремими виданнями або в літературних часописах того часу: «Московский Меркурий», «Вестник Европы». «Украинский вестник», «Соревнователь просвещения и благотворения» та інших. Частина цих авторів мали українське коріння або

тривалий час мешкали в Україні, а для когось Україна стала відкриттям, яке їх вразило та змусило взятися за перо. Деякі з авторів неодноразово описували свої подорожі Україною, зокрема, письменник, педагог і журналіст І. П. Вернет, який обрав Слобожанщину другою батьківщиною, опублікував понад десяти подорожніх нарисів Україною, два нариси підготував письменник, етнограф і археолог В. В. Пассек, а педагог, письменник та історик І. Г. Кулжинський присвятив цій темі розлогу працю «Малороссийская деревня» (1827), нарис «Поездка из Малороссии в Грузию» (1850) та опис подорожі Україною в романі «Эмерит» (1836).

Слід зазначити, що опис України чи окремих міст не був першочерговим завданням авторів, які насамперед намагалися висловити свої почуття та думки, створити відповідний настрій. Слушно зауважує автор рецензії на «Путешествие в Малороссию» П. І. Шалікова, яка вийшла в 1803 році в журналі «Вестник Европы», редагованому М. М. Карамзіним, що автор «едет не с тем, чтобы описывать города и провинции, но с тем, чтобы уехать от времени и, если можно, увезти читателя с собою» [2, с. 115].

Сентиментальні почуття та романтична піднесеність характеризують майже всі аналізовані нариси. «Украйна! Как много мечтаний пробуждает одно имя твое! – пише В. В. Пассек. – Как сильно прикована душа к твоей бурной, изменчивой судьбе, к твоим безмолвным курганам и неразгаданным изваяниям!» [10, с. 55]. Україна авторам видається ідилічним місцем, де можна сховатися від столичної суєти та світського життя, місцем для філософського усамітнення чи любовного гніздечка: «Вот тот холм, говорил я самому себе в восторге духа, вот тот монастырь, вот тот курган, вот та речка, вот те господские и крестьянские домики, вот те хутора и вот наконец то место, где я хотел построить себе философскую хижину и жить с милою» [13, с. 106-107]. Українські краєвиди автори порівнюють з італійськими, а саму Україну з Аркадією, Едемом та іншими міфологічними місцями: «Много есть деревень на свете, но под кротким небом Малороссии всякая деревня есть

сокращенный эдем – где иногда не достает только добродетели и чувствительности сердца, чтобы людям быть совершенно блаженными» [6, с. 3]. І. П. Вернет принагідно згадує античні образи гостинного подружжя Філемона й Бавкіді, а журналіст і письменник В. В. Ізмайлов переконує, що ні античний гетері Фріні, ні французькій куртизанці Нінон де Ланкло не вдалося б «помрачить добронравие» місцевих мешканців. Історик, етнограф і публіцист О. І. Льовшин називає Україну «прекраснейшей, но мало обработанною страною» [8, с. 70].

Перше, на що звертають увагу мандрівники – це різючі зовнішні відмінності між Україною і Росією, які відразу впадають в око уважній людині. «Здесь чувствуешь уже совсем другую природу: ты вступил в Малороссию! Народ не тот, черты лица другие, почва земли, местоположение, все принимает другой вид, женщины не лучше, но как-то веселее; вообще все гостеприимнее, по всему разбросана какая-то нега, какая-то лень; уже начинаешь чувствовать влияние умеренного климата», – зазначає державний і військовий діяч, видавець і бібліограф Н. С. Всеволожский [3, с. 11]. Чиновник і літератор П. І. Сумароков, племінник відомого поета О. П. Сумарокова, в'їжджаючи в Україну в 1803 р., відзначає «крутую перемену во всем, что только взору не представляется». Йому навіть здається, що це вже край російської імперії, і далі інша держава: «Вот белеются униженные мазанки; вот поселяне с обритыми головами разъезжают на волах, и вот открытые шинки винной продажи. В опрятной и веселенькой хате нахожу я иные лица, иные обыкновения, иное на хозяевах одеяние, иное устройство и слышу иной язык. Неужель тут положен предел империи? Не в другое ли въезжаю государство?» [12, с. 45].

Щире захоплення в авторів подорожніх нарисів викликає барвіста українська природа: «Передо мной опять раскинулись широкие равнины и степи, и по ним едва катятся чистые воды Донца, Ворсклы, Харькова, Псла; передо мною твои поля, засланные зелеными коврами, оживленными играми рассыпавшихся табунов» [10, с. 55]. «Нет! На унылом вашем севере

таких летних вечеров, как здесь, не бывает!» – захоплено вигукуює П. І. Шаліков [13, с. 119].

Словнені поетичного настрою рядки В. В. Пассек присвячує українському степу, який здається йому «затихнувшим морем». Природа, на його думку, визначає характер нації: «Чистое светлое небо, цветущие поля и луга Малороссии верно имеют сильное влияние на ее жителей, просветляют их характер, омраченный вековым бедствием, веселят душу, непосредственно сближают с миром внешним, соседними державами и более предполагают к жизни общественной, нежели природа стран северных и палящего юга» [10, с. 117]. У нарисі «Поездка в Грузию» І. Г. Кулжинський захоплено описує українські степи: «Ах! Как они хороши! Око тонет в беспредельном пространстве; земля, небо, да и я между небом и землею – и ничего больше нет! Какая здесь растительность! А как благоухает воздух вокруг вас!» [7, с. 24].

Зовнішність українського селянина, його одяг, зачіска та відсутність бороди також привертають увагу авторів: «Мужчины носят так называемые сиряки, все бреют себе не только бороды, но и часть волос на голове вокруг лба и щек. Они имеют вообще умные лица» [4, с. 89]. О. І. Льовшин пише, що «наружность их имеет в себе нечто важное; умные лица и усы, при крепком сложении, обритой бороде и высоком росте, придают им величественный вид» [8, с. 75]. П. І. Шаліков відзначає вроду жінок: «Вообще женщины здесь очень милосивны, почти все с томными и вместе пламенными глазами, в которых чувствительность души и сердца так ясно изображается. Природа положила на лицах их печать любви и нежности». [13, с. 118].

Очевидні відмінності в способі життя українців автори намагаються пояснити м'яким кліматом та родючим ґрунтом, що дозволяє українцеві бути забезпеченим за «малый труд», й «у него остается много свободного времени, и он, одаренный утонченнейшими произведениями природы, готов искать других наслаждений» [10, с. 119]. «Изобилие в прекрасных картинах природы, щедрость земли и счастливый климат

Малороссии делают жителей здешних веселыми и склонными к забавам», – зазначає О. І. Льовшин. [8, с. 69].

В українців, на думку В. В. Пассека, сформувався інший суспільний і сімейний устрій тому, що одружені сини живуть зі своїм сімейством в окремих хатах, а в Росії «5 или 6 женатых братьев с женами и детьми живут в одной избе..., все заодно работают, и все повинуются или старшему брату или отцу или даже деду, который едва двигается с места, но не отрекается от семейной власти, от своего первенства» [10, с. 197]. «Домашняя жизнь и семейное согласие малороссиян достойны уважения», – зазначає історик, географ і публіцист О. І. Льовшин. «Взаимная любовь производит в их домашнем хозяйстве лучшую гармонию и порядок, нежели власть и повиновение у нас», – до такого висновку приходять В. В. Ізмайлов. [4, с. 87]. Письменник через це протиставлення підкреслює негативні сторони російського життя: деспотизм у родинному устрої, відсутність прагнення російського селянина до чистоти й охайності, до естетичного облаштування свого помешкання чи обійстя.

Важливою рисою українців, на яку вказують кілька авторів подорожніх нарисів, є глибокий патріотизм. «Они любят отечество и его славу, ибо слух их привык к сим именам, и собственная слава их всегда была тесно связана с долгом патриотизма», – зазначає В. В. Ізмайлов [4, с. 86]. Про палку любов українців до батьківщини пише у своєму подорожньому нарисі «Письма из Малороссии» О. І. Льовшин: «Малороссияне пламенно любят отчизну свою и помнят славу предков своих, ненавидя тех из них, которые очернили имена свои презрительными поступками» О. І. Льовшин [8, с. 65]. Він також вказує на патріархальний лад у родині, розвинене почуття власності й терплячість українців: «Терпение жителей здешних достойно удивления; но бойся вывести их из оно́го» [8, с. 72].

Письменник також помічає «вольность обхождения между обоими полами», яка одна́че не переходить межі, парубки «не смеют далеко простирать дерзких требований», а в дівчат «целомудрие свято сохраняется» [8, с.67] «Законы супружества

соблюдаются свято, редкая женщина имеет своего Чичисбея¹, – додає В. В. Ізмайлов, – Девицы напротив того имеют довольно свободное обхождение, каждая из них есть Нарина²» [4, с. 88-89]. Даючи характеристику киянкам, він вказує на їхню скромність, «целомудренность весталок», вроджений смак і природні таланти. Про вроджений смак українців пише й О. І. Льовшин: «Их вкус довольно образован природою» [8, с. 75]. В усьому, до чого тут торкалася рука людини, російським мандрівникам вбачається особливий естетичний смак, «вкус изящного», який проявляється в різних сторонах життя: «Все деревни или хуторы их расположены в прекрасных местах; каждая хата, чистая и белая, окружена цветущим садом со зреющими плодами; окны осенены осоками или липами; у каждого поселянина есть скрипка и любимая овечка в стаде» [4, с. 90].

Історичний досвід і етнокультурна традиція сформували в українців усвідомлення власної етнічної індивідуальності та певну недовіру і критичне ставлення до інших народів, зокрема, росіян. Кілька авторів вказують на негативне ставлення до росіян із боку місцевого населення. О. І. Льовшин відзначає, що часто від місцевих мешканців можна почути «Добрый человек, да москаль», а своїх малих дітей вони «пугают москалями» [8, с. 73].

Для російського мандрівника Україна – це не лише частина російської імперії, а й частина російської історії, яку вони виводять із княжих часів, від «золотоглавого Києва». Тому в подорожніх нарисах російських авторів багато розмірковувань на історичну тему, ремінісценцій та інтерпретацій історичних фактів. «Вот колыбель отечества нашего! – патетично вигукує на початку своїх «Писем из Малороссии» О. І. Льовшин. – Вот земля, которая была поприщем громких подвигов древних предков наших!» [8, с. 1]. Докладні історичні відомості про міста Чернігівщини й Харківщини наводить педагог і письменник І. М. Сбітнев у нарисі «Поездка в Харьков» (1830). В. В. Пассек у

¹ Чичисбей – коханець, який супроводжував знатну італійку у XVIII-XIX ст.

² Наріна – красуня, згадана у романі-подорожі французького письменника Ф.Левальєна «Путешествия Вальєна во внутренность Африки» (М., 1793).

«Путевых заметках» також багато уваги приділяє історії України, починаючи від княжих часів, згадує похід князя Ігоря на половців та цитує рядки зі «Слова о полку Ігоревім», висловлює свої думки про козацькі часи та Хмельниччину, устрій слобідських полків та участь козацьких полків у Полтавській битві. Постать Петра I і перемога під Полтавою – одна з улюблених тем, якій російські автори приділили значну увагу. В. В. Ізмайлов на початку розділу «Малоросія» пише: «Я ступил ногою на ту землю, которая была театром великих происшествий в истории нашей, добычею соседних держав и отечеством самых миролюбивых людей» [4, с. 51-52]. Свою розповідь про Україну О. І. Льовшин починає з опису місця Полтавської битви. «В Полтаве, можно сказать, даже воздух пахнет русской славой! С жадностью ищешь следов Великого Петра!» – пише І. Г. Кулжинський. [7, с. 207]. П. І. Сумароков, захоплений власною уявою, свої переживання на полі Полтавської битви висловлює з патріотичним пафосом: «Я мечтаю, как величавый Петр с обнаженною шпагою, с уверительною осанкою разъезжает там на гордом коне, как российские полки с неустрашимой выступью идут на своих врагов» [12, с. 58].

За літературною традицією автори подорожніх нарисів відображують у своїх творах зустрічі з відомими людьми в тих місцях, які вони проїздять. В. В. Ізмайлов, П. І. Шаліков, І. П. Вернет відвідують поміщиків, медиків, філософів, духовних осіб, І. Г. Кулжинський зустрічає в Харкові І. Срезневського та П. Гулака-Артемовського.

У низці опублікованих подорожніх нарисів зустрічаємо етнографічні описи українських народних свят і звичаїв, наводяться приклади народних пісень. У своїх «Письмах из Малороссии» О. І. Льовшин описує традиційну українську хату, перераховує страви національної кухні: «Природные их кушанья – вареники, галушки, жирный борщ, очень вкусны» [8, с. 77]. Мандрівник звертає увагу на те, що залишки від обіду не подаються на вечерю, а готуються свіжі страви. Відзначає він також красу народного танцю та милозвучність народної пісні. А щодо голосів народних співців і співачок він зазначає,

що «гибкостью, чистотою и приятностью оных они превзошли почти всех жителей России», а також вказує на те, що в Росії «придворная музыка певческая составлена почти из одних малороссиян» [8, с. 77]. Щодо української мови він висловлює сподівання, що після унормування граматики та внаслідок уваги до неї своїх письменників «малороссияне в славе ученых произведений своих может быть будут состязаться с просвещенными народами Европы» [8, с. 78].

Про особливості народних пісень у «Письме из Украины» (1819) пише письменник, географ і мандрівник-дослідник Є. П. Ковалевський: «Малороссияне любят музыку и песни, из которых многие имеют печать уныния: в них прославляют они походы, рыцарские подвиги и несчастья своих предков» [5, с. 43-50].

Розлога праця І. Г. Кулжинського «Малороссийская деревня» (1827) цілком присвячена ідилічному змалюванню сільського життя і складається з розділів «Весна в Малороссии», «Барвенки и рута», «Обжинки», «Вечерницы», «Малороссийская свадьба», «О малороссийской поэзии», «Малороссийские песни». Народні пісні-веснянки він наводить у своєму поетичному переспіві російською мовою, а опис народного свята має узагальнено-сентиментальний характер: «Уже веселые нимфы прославили весну в своих песнях и хороводах» [6, с. 28]. Значно детальніше і з елементами художньої образності описано свято обжинків, де згадуються обжинкові пісні та страви святкового обіду (борщ, картопля з бараниною, смаженина). Поміщик на знак подяки накриває найманим жінцям святковий стіл, за який сідає й сам, пригощаючи робітників наїдками і варенухою та закликаючи юних жниць скуштувати цього напою: «Ах! Пейте румяные! Ах! Пейте смуглянки! Варенуха есть напиток любви» [6, с. 49].

Не менш яскраво він описує українські вечорниці – «сельский малороссийский клуб», де молодь збирається «для взаимных свиданий». Дівчата, які першими приходять у найняту для вечорниць хату, прядуть, співають, розказують казки, але з приходом парубків «веретена и пряслицы

полетели под лавку, и праздник любви начинается шумною пляскою» [6, с. 56]. Танці змінюються застіллям: «На столе являются горячие блины, жирная яичница и кубок варенухи с пряными кореньями – приправой любви» [6, с. 57]. Сільський Амур, за словами автора, геть не схожий на міського Амура, і сільські дівчата дозволяють своїм нареченим ділити з ними ложе до весілля, але «богиня целомудрия всегда бывает между ними третья» [6, с. 57].

Окремий розділ змальовує народне весілля, наводиться опис елементів весільного обряду: сватання, промова сватів, прощання нареченої з подружками, випікання короваю, заплітання подружками коси наречених, вінчання в церкві, викуп нареченої, святкова вечерея, яка завершується проводом молодих до шлюбного ложа. У розділі, присвяченому українській поезії, І. Г. Кулжинський високо оцінює народні пісні й захоплено закликає звернути на них пильну увагу: «Имейте охоту прислушаться к малороссийским песням: какая величественная простота в выражении и в самих чувствах! Какое близкое и живое изображение природы! Кажется, сочинители сих песен пели оные не устами, а сердцем» [6, с. 57]. Він також наводить декілька уривків народних пісень українською мовою з поясненням окремих слів та їхнього змісту, згадує Семена Климовського, як автора однієї з найвідоміших українських пісень «Їхав козак за Дунай», а також близьких до народної поезії Г. Сковороду та І. Котляревського. В останньому розділі подано дев'ять народних пісень ліричного змісту.

В. В. Пассек у своїх «Очерках России» (1838) наводить описи українських народних календарних свят та вірувань: «Праздник Купалы» (т.1), «Малороссийские поверья» (т.2), «Малороссийские святки: Рождество. Сочельник. Колядки, щедривки и пр.», «Русалка, народное поверье», «Малороссийская песня» (т.3), «Веснянки» (т.5). А в «Путевых записках» (1834), які так високо оцінив В. Г. Белінський, він цитує народні українські думи зі збірника І. І. Срезневського «Запорожская старина».

На сторінках подорожніх нарисів знаходимо згадки про населені пункти значної частини України, зокрема й ті, які знаходяться на території сучасної Сумщини. В. В. Ізмайлов у книзі «Путешествие в полуденную Россию», описуючи місця, через які він проїхав, згадує Суми, Боромлю, Ромен, Веприк, Липову Долину. Під Сумами його увагу привернула алея столітніх осокорів, посаджених уздовж греблі через річку, «где пешеходец, утомленный жаром, скрывается в тени и прохладе» [4, с. 56]. Слобода Боромля зачарувала його гостинністю, під Ромнами він звертає увагу на старі могили – свідки колишніх битв, у місті Веприку його схвилювала зустріч із жебраком, а в Липовій долині він мав філософську бесіду з місцевим рабином. І. П. Вернет в одному з нарисів присвячених Україні описує Глухів, який викликає в нього низку спогадів, бо він там прожив два роки, та Суми, «город, славящийся своими ярмонками». П. І. Шаліков мальовничо описує ярмарок у Ромні і з незадоволенням описує ярмарковий театр. Кролевець і Глухів згадує у своєму подорожньому нарисі князь І. Долгорукий. І. М. Сбітнєв у нарисі «Поездка в Харьков» також описує деякі міста нинішньої Сумщини: Вороніж, Кролевець, Конотоп, Хмелів, Ромен, Липова Долина, Охтирка, Краснопілля, Суми, Білопілля, Глухів.

Низка авторів звертає увагу не лише на життя українського народу, а й на представників інших народів, які мешкають в Україні. О. І. Льовшин значну увагу приділяє опису життя росіян-старовірів, а також згадує про представників єврейського народу, наводить описи їхньої зовнішності, поведінки, традиційних занять. Дехто з авторів змальовує ці картини нейтрально, у декого присутні негативні оцінки.

Усі аналізовані твори належать до сентиментальної, романтичної чи реалістичної прози. Втім є і приклади поетичних подорожніх нарисів, зокрема, «Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма» письменника зі Стародубщини І. П. Бороздни, які народилися в нього під час подорожі Україною в 1834 р. і які він у вигляді віршованих листів адресував графу В. П. Завадовському. Поетичними рядками

автор описує українську природу, прогулянку по степу і грозу в степу, обід і бал в українського поміщика, ярмарок у Лубнах, а також подає написану за народними переказами поему «Відьмак». Зустрічаємо тут також поетичний опис зовнішності українського козака:

«Еще в полях возы скрипят,
А в шароварах и с усами
Козак шагает с ними в ряд.
В кружок обстрижен, загорелый,
Из люльки тянет свой тютюн» [1, с. 32].

Здебільшого автори відзначають, що Україна все ще живе патріархальним життям, до якого не дісталась цивілізація та міська культура. Вплив російської мови й культури, який захопив вищі прошарки українського суспільства, у селянському середовищі ще майже непомітний. Але цей традиційний устрій уже стоїть на порозі руйнування, про що пише В. В. Ізмайлов: «Протечет немного времени, и вы увидите, что они потеряют все доброе, что показывает в них юность рода человеческого, что они приобретут некоторые блестящие качества, которых им не доставало, но без которых можно быть счастливым, и что с сими качествами захватят они и развратности, сопряженной с дальнейшим шагом к просвещению» [4, с. 211-212].

Мода на українську тематику виникла серед російської інтелектуальної еліти з кінця XVIII століття під впливом ідей сентименталізму й активно поширилася в літературі I половини XIX століття. Одним з перших жанрів, у якому автори описували Україну, став жанр подорожніх нарисів, який розвинувся під впливом Л. Стернза і М. М. Карамзіна. Загальний огляд творів цього жанру дає підстави виокремити серед них два типи: написані в сентиментальній манері (до 1820- рр.) і в романтичній та реалістичній (30-40-і рр.). В основі цих творів лежить щире зацікавлення Україною, її історією та народом. Дехто з авторів відкриває для себе та читачів Україну, а ті, хто були пов'язані з нею народженням чи службою, висловлюють своє щире захоплення та любов. Незважаючи на численні

ліричні відступи та суб'єктивізм, у цих творах збереглося чимало картин старожитньої України, її природи, описів міст і сіл, селянського побуту та життя панських дворів. «Малороссийский народ достоин любопытства и, может быть, славы», – зазначає російський письменник і мандрівник В. В. Ізмайлов [4, с. 90].

ЛІТЕРАТУРА

1. Бороздна И. Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма. Письма в стихах / И. Бороздна. – М., 1837. – 246 с.
2. В-ий. О путешествии в Малороссию / В-ий // Вестник Европы. – М.: В университетской типографии, 1803. – Ч. VIII. – С. 114-122.
3. Всеволожский Н. С. Путешествие через южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Африку и Париж в 1836 и 1837 гг. / Н. С. Всеволожский. – М.: В типографии Августа Семена, при Императорской Медико-хирургической академии, 1839. – Т.1. – 500 с.
4. Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию в письмах / В. Измайлов. М., 1800. – 442 с.
5. Ковалевский Е. Письмо из Украйны / Е. Ковалевский // Соревнователь просвещения и благотворения. – Санкт-Петербург: В медицинской типографии, 1819. – №7. – С. 43-50.
6. Кулжинский И. Малороссийская деревня / И. Кулжинский. – М.: В типографии императорского Московского театра, 1827. – 140 с.
7. Кулжинский И. Поездка в Грузию / И. Г. Кулжинский // Сочинения. – СПб.: Издание Г. А. Васильева, 1850. – Ч.1. – 197 с.
8. Левшин А.И. Письма из Малороссии, писанные Алексеем Левшиным / А. И. Левшин. – Х.: В Университетской типографии, 1816. – 206 с.
9. Мандельштам И. О характере Гоголевского стиля. Глава из истории русского литературного языка / Мандельштам И. – СПб.: 1902. – 410 с.
10. Пассек В. Путевые заметки Вадима / В. В. Пассек. – М.: В типографии Семена Скливановского, 1834. – 185 с.
11. Сиповський В. Україна в російському письменстві. Частина I (1801-1850 рр.) / В. Сиповський. – К.: З друкарні Української Академії Наук, 1928. – 460 с.
12. Сумароков П. Досуги крымского судьи или Второе путешествие

в Тавриду / П. Сумароков. – Санкт-Петербург: В императорской типографии, 1803. – Ч.1. – 350 с.

13. Шаликов П. Новое путешествие в Малороссию / П. И. Шаликов // Вестник Европы. – М.: В университетской типографии, 1803. – Ч.ХІІІ. – №2. – С. 114-122.
14. Шаликов П. И. Новое путешествие в Малороссию / П. И. Шаликов // Московский Меркурий. – 1803. – Кн. 9. – С.137-188.

ЗАПИТАННЯ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЮ

- У яких літературних журналах І половини ХІХ століття виходили нариси про Україну?
- Які риси зовнішності та характеру українців підкреслюють російські письменники у своїх нарисах?
- Які відмінності між росіянами та українцями наводять автори нарисів?
- Які події з історії України найчастіше згадують російські письменники у своїх нарисах?
- Хто з письменників наводив свідчення про український фольклор? Які жанри були згадані та які зразки були наведені?
- Хто з письменників у своїх подорожніх нарисах згадував Сумщину? Які населені пункти були описані у їхніх творах?
- Хто є автором поетичного нарису про Україну?

ЗАВДАННЯ

- Назвіть російських письменників І половини ХІХ століття, які у своїх подорожніх нарисах описували Україну?
- Наведіть цитати з подорожніх нарисів російських письменників, які описують природу України, її клімат, звичаї й побут українського народу, риси його характеру та світогляд.
- Підготуйте розповідь про український фольклор початку ХІХ століття за книгами І. Г. Кулжинського «Малороссийская деревня» (1827) та В. В. Пассека «Очерки России» (1838).

ТЕМАТИКА САМОСТІЙНОЇ РОБОТИ

1. Жанр подорожніх нарисів у європейській і російській літературі XIX століття.
2. Український фольклор у записах І. Г. Кулжинського та В. В. Пассека.
3. Сумщина в подорожніх нарисах російських письменників I половини XIX століття.
4. Полтавська битва в російській літературі I половини XIX століття.
5. Видання російського та українського фольклору I половини XIX століття.

Розділ 2

УКРАИНСКИЙ ФОЛЬКЛОРНЫЙ ДИСКУРС В ТВОРЧЕСТВЕ В. Г. КОРОЛЕНКО И И. А. БУНИНА

(И. Б. Иванова)

2.1. Фольклорное начало в «малой» прозе В. Г. Короленко 1880-х годов («Лес шумит», «Слепой музыкант»)

2.1.1. Украина в жизни и творчестве В. Г. Короленко

Среди русских писателей, чья жизнь тесно связана с Украиной, особое место принадлежит Владимиру Галактионовичу Короленко. Он родился в 1853 году в Житомире. Первые сознательные впечатления детства связаны с этим тихим уютным провинциальным городком юго-западного края, где служил судьёй его отец. Здесь же будущий писатель начал свой образовательный марафон, который затем будет продолжаться всю последующую жизнь. Учёба в частных пансионах, потом с 1863 года в Житомирской гимназии, в которой он проучился три года, а затем был переведен в реальную гимназию в Ровно, где к тому времени уже работал его отец. В стенах этого учебного заведения он провёл пять лет – значительную часть своей юности. Недаром в автобиографической «Истории моего современника» он уделил большое внимание описанию этой гимназии. Эта книга стала одним из самых известных и оригинальных произведений В. Г. Короленко. В её материалах содержатся сведения о влиянии украинского языка, литературы, культуры, фольклора на творчество писателя. Первая книга посвящена Украине, в ней описаны Житомир и Ровно, рассказывается о развитии образования на Правобережной Украине. В «Истории моего современника» немало страниц, которые свидетельствуют, что наряду с лиризмом народной песни, лукавым юмором украинской сказки и бытовым анекдотом в детское созна-

ние будущего писателя входили впечатления реальной жизни.

Ровенский период сыграл важную роль в дальнейшей судьбе В. Г. Короленко. Именно здесь, как считают многие исследователи [3; 8; 22; 23], сформировалось его мировоззрение, во многом определившее дальнейший жизненный путь. Перечень литературных произведений В. Г. Короленко так называемого волынского цикла включает первую книгу «Истории моего современника», повесть «В дурном обществе», действие которой, как отмечал он сам, разворачивается в Ровно, а также «Лес шумит», «Слепой музыкант», «Ночью», «Братья Мендель», «Без языка». В них сказывается опыт взрослого мудрого человека, который старается выяснить глубокие корни событий и процессов, определивших жизненные приоритеты, вкусы и, в конце концов, судьбу. В. Г. Короленко вдохновенно описывает быт, обычаи, природные и местечковые пейзажи, архитектурные сооружения, народные легенды, исторические события далёкого прошлого и те, которые происходили на его глазах. Но больше всего его восхищают люди, к тому же внимание писателя приковано не к общим характеристикам социума, а к каждому конкретному человеку, с его болью и отчаянием, борьбой за правду, любовью, талантом, надеждами и поисками счастья.

На страницах рассказов волынского цикла В. Г. Короленко представляет читателю более трёхсот персонажей, большинство которых вполне историчны, т. е. имеют реальные прототипы. Он описывает представителей почти всех слоёв общества этого края – помещиков и крестьян, чиновников и военных, мещан и нищих, тщательно изучает и сравнивает мир детства и взрослых людей, интересуется национальными чертами культурной жизни поляков, евреев, украинцев и др. Везде сказывается чувствительный, добрый, заинтересованный взгляд художника слова, нет ни одного героя, которого он характеризовал бы лишь в чёрных тонах, для каждого, даже для злодея, В. Г. Короленко стремится найти оправдание. Показательно, что именно в волынском цикле рассказов он сформулировал своё жизненное кредо: «Человек создан для счастья,

как птица для полёта», с которым вошел в мир большой литературы и которому никогда не изменял ни в литературном творчестве, ни в частной жизни. Итак, именно в юношеские годы в Ровно В. Г. Короленко сформировался как великий гуманист, человек с большим и искренним сердцем, а вся дальнейшая его жизнь – это лишь реализация того, что было заложено в его душу и сознание в период взросления и мужания.

В 1871 году В. Г. Короленко с серебряной медалью окончил Ровенскую реальную гимназию. По своим душевным качествам и духовным устремлениям, как отмечает В. Пащенко, он представлял собой «человека украинской романтической культуры в стадии её гражданской заангажированности, соединения с реализмом» [22, с. 3]. Эти личностные качества позднее будут определять систему координат художественного мира писателя.

Затем жизнь уводит В. Г. Короленко от украинской земли, которая навсегда сохранится в его сердце и памяти. Долгих тридцать лет он будет оторван от Украины. Петербургско-московская жизнь (1871 – 1879), ссылка в Сибирь (1879 – 1885), нижегородское десятилетие (1885 – 1896) принесут писателю новые впечатления, жизненный опыт, отточат его мастерство прозаика и публициста, утвердят на позиции «европейского интеллигента, идеалиста-демократа» [22, с. 3], каким В. Г. Короленко останется до конца жизни. Его правдоискательство, гуманизм, глубокое, искреннее уважение к любому человеку уходят своими корнями не только в пёструю семейную родословную, но и в саму атмосферу тогдашней Украины, украинско-русско-еврейского Житомира и украинско-польского Ровно.

С 1900 года писатель поселяется в Полтаве, которая с его приездом становится третьей – «духовной» – столицей, наряду с Москвой и Петербургом [2, с. 13].

Анализируя всё многожанровое творчество В. Г. Короленко, можно отметить, как широко представлена в нём украинская тема. Тесная и органичная связь писателя с жизнью и бытом украинского народа, с его традициями, с

лучшими представителями писательства, среди которых Панас Мирный, М. Коцюбинский, И. Тобилович, П. Грабовский, И. Карпенко-Карый, Х. Алчевская и др., – всё это способствовало неослабевающему интересу прозаика к родной земле, её истории, судьбам людей.

Активизация общественно-политической жизни России в 80-х – 90-х годах XIX века закономерно повлияла на литературный процесс в целом и на творчество отдельных писателей. Эти годы в русской литературе характеризовались сменой художественных направлений, активными жанрово-стилевыми поисками. Реалистическая литература переживала расцвет, совершенствовались её содержание и форма, и вместе с тем её неотъемлемым свойством становились поиски новых выразительных средств, способных запечатлеть динамичный характер эпохи.

Заметим, что обращение писателей XIX века к быту, нравам, психологии различных народов, населявших Россию, вносило в творчество этих писателей оттенок романтизации. Именно классические романтики XIX века впервые в русской литературе подняли тему отражения истории жизни представителей разных национальностей: украинцев, белорусов, молдаван, башкир, казахов, народов Кавказа, Поволжья, Сибири. Украина с её колоритом прочно вошла в жизнь писателей, которые здесь родились и выросли.

В. Г. Короленко, всегда высоко ценивший достижения реализма XIX века, чувствовал необходимость разработки иных идейно-эстетических принципов осмысления и отражения действительности, которые позволили бы возвысить личностное начало и героическую тему в искусстве. С одной стороны, писатель «пролонгирует классический вариант русского реализма» в эстетике рубежа двух эпох [26, с. 58], с другой, отличительной чертой его поэтики становится «лиризация прозы», предполагающая выбор таких жанров, как легенда, сказка, притча [14, с. 72].

Психологически тонкая и щедрая изобразительность, тщательная детализация как наиболее яркие особенности поэтики

реализма XIX века уже не удовлетворяли писателя, стремящегося запечатлеть калейдоскоп событий. Предельная объективность как художнический принцип критического реализма не оставляла места для выражения субъективного, личностного отношения прозаика к действительности, что В. Г. Короленко считал исключительно важным в искусстве нового времени. Сплав субъективно-эмоционального и объективно-точного определил творческую индивидуальность писателя и обусловил многие особенности поэтики его произведений 90-х годов: жанровое своеобразие, героический пафос, образность, роль пейзажа, колорит и «музыкальность» прозы и т. п.

Одной из первоочередных задач при исследовании влияния устного народного творчества на отдельное произведение или творчество писателя является выяснение вопроса о том, сводится ли это влияние к более или менее отчётливо выраженному фольклоризму, то есть прямому или косвенному (но в любом случае осознанному и целенаправленному) использованию в литературе отдельных фольклорных образов, сюжетов, поэтических средств и т. д. Для этого необходимо определить жизненные источники воздействия фольклора на мировоззрение автора произведения, установить причины включения его в творческую систему.

Интерес В. Г. Короленко к миру народной поэзии уходит корнями в его детские годы. Он рос на Волыни, где начинался знаменитый чумацкий «Чёрный шлях», ведущий в Приднепровье, и население было довольно пёстрым: украинцы, белорусы, русские, поляки, греки, евреи. С детских лет он слушал мелодичные украинские песни, увлекательные сказки и таинственные легенды, полные юмора анекдоты и побывальщины. Особое впечатление произвели на него воспоминания о крестьянских бунтах, о повстанцах-гайдамаках, рассказы о вольной жизни и борцах за неё.

Итак, народная культура была одним из элементов домашнего воспитания будущего прозаика. И хотя знакомство с ней носило до определённого времени стихийный характер, первые впечатления от фольклора оказались столь сильны,

что даже спустя многие годы в творчестве зрелого В. Г. Короленко неожиданно проявляли себя, становясь сюжетной основой рассказов и очерков, отражаясь в тех или иных образах, взглядах на мир, природу, тайны бытия («Ночью», «В дурном обществе», «Обычай умер», «Братья Мендель», «Парадокс»).

Знакомство с фольклором продолжается у В. Г. Короленко и в гимназические годы, когда начинается увлечение украинской литературой, поэзией Т. Г. Шевченко. Будущий писатель полюбил не только слушать, но и петь народные песни. Большую роль в этом сыграл учитель словесности В. В. Авдиев, влюблённый в украинский фольклор и устраивавший у себя на дому вечера пения, в которых участвовал и В. Г. Короленко. Особое впечатление производила на него песня «Про бурлаку»:

Бурлак робить, заробляє,
А хазяїн п'є, гуляє...

Из пассивного слушателя, «созерцателя» он постепенно превращается в активного и вдумчивого исполнителя, старающегося постичь глубину и пластичность народнопоэтических образов, передать все оттенки мысли и чувства. Этот момент очень важен, так как он – первый шаг к «внутреннему» творчеству, к анализу формы и содержания исполняемого произведения.

В «Истории моего современника», как и в других произведениях, В. Г. Короленко не раз вспомнит об этом времени. Впечатления детства и юности навсегда создали у писателя убеждение в художественной выразительности и большой социальной значимости произведений фольклора.

Очень важно, что поток авторского сознания «выбирает» из массы потенциальных ассоциативных образов именно «фольклорные». О том, что эта особенность мировосприятия писателя не простая случайность, не частный факт, говорят многочисленные примеры из его произведений. Так, в очерке «Ночью», передавая особенности детского воображения, В. Г. Короленко показывает тайну рождения поэтического

образа в фантазии мальчика Васи. Звуки ночного мира, доносящиеся из-за окна спальни, преобразуются в привычные и хорошо знакомые ему шелест листов бумаги, шорох сыплющегося в бочку зерна. Только воображение усиливает их при помощи гиперболизации. Ярким примером может служить и образное мышление слепого Петра Попельского («Слепой музыкант»). И в том и в другом случае В. Г. Короленко использует личный опыт ассоциативного мышления, опирается на близкие и понятные ему связи. В качестве своеобразной стилевой черты сохраняется эта особенность мировосприятия и в поздний период его творчества: олицетворение отдельных природных образов (реки, степи, дороги), параллелизм стихийных и социальных процессов, включение пейзажа в авторские размышления, построенные по ассоциативному принципу.

Именно благодаря раннему «неумственному» знакомству с поэтическим творчеством народа В. Г. Короленко до конца жизни удалось сохранить свежий и непосредственный взгляд на мир, сберечь себя от разочарований и уныния, овладевших многими из его собратьев по перу (В. М. Гаршиным, Г. И. Успенским, Н. К. Михайловским). Рассуждая о назначении литературы, он подчёркивает, что писатель должен сберечь в себе «восприимчивость к свету солнца и дня», показать «свет наряду с тенью», так как «это соседство отнимет у тени её мрак и угнетающий душу характер». Раннее знакомство с миром народной поэзии – верная тому гарантия. Кроме того, глубинная, подсознательная связь с фольклором отвечала и ещё одной важной потребности писателя-исследователя, первооткрывателя малоизвестных сторон бытовой, общественной и духовной жизни людей. Речь идёт о неослабевающем интересе В. Г. Короленко к тайнам бытия и духа, к труднообъяснимым явлениям действительности. Здесь также многовековые художественно обобщённые наблюдения нередко подсказывают то или иное решение. На эту особенность фольклора обращал внимание и В. Я. Пропп: «Мы понемногу начинаем сознавать, что разгадка многих и очень разнообразных явлений духовной культуры кроется в фольклоре» [24, с. 241].

Началом осознанного отношения к «мистической поэзии ужаса» В. Г. Короленко обязан отцу, Галактиону Афанасьевичу, сумевшему сберечь в сыне красоту поэтического мировосприятия и оградить от воздействия народных предрассудков и суеверий. Вообще отец сыграл большую роль в формировании мировоззрения будущего писателя. Картина мира, сформировавшаяся у мальчика под его влиянием, была до некоторой степени идеалистичной, но заложенная в ней удивительная гармония со всем сущим, поразительная нравственная чистота и высота наложили на личность В. Г. Короленко неизгладимый отпечаток. Устойчивое равновесие совести, когда всё в мире и общественных отношениях кажется раз и навсегда данным и неподвижным, – это основное чувство, которое окрашивало раннее детство писателя. Равновесие это поддерживалось гармонией личных отношений родителей, социальных (родственницы-помещицы с крестьянами), религиозным фатализмом отца. Сказались эти впечатления и в годы студенчества.

В 1870-е годы интерес к народу, его быту и самосознанию захватывает широкие слои русского образованного общества. В эти годы развёртывается деятельность собирателей фольклора и этнографов. Интерес к изучению всех сторон народной жизни, жажда сближения с простыми людьми захватили и В. Г. Короленко. Но для него специального хождения в народ не понадобилось, его заменили ссылки. Высшее образование остаётся незаконченным: с 1879 года следует череда непрерывных арестов и ссылок. Географический список мест, где отбывал различные виды наказаний будущий писатель, достаточно уныл: Вологодская и Вятская губернии, Якутия, захолустные Березовские Починки и забытый богом городок Глазов. Везде он жил и работал бок о бок с бедняками российских окраин, узнавая все тяготы и проблемы их жизни не из вторых уст, а изнутри, испытав на себе голод, холод, злоупотребления местных чиновников, их бесчеловечность и беспринципность. Переезжая с места на место, молодой человек ведёт дневники и путевые записки, в которых есть и фольклор, и этнография, и меткие наблюдения над народной

психологией. «От идеализации народа Короленко перешел к его изучению, – отмечает Н. К. Пиксанов. – Вся дальнейшая деятельность Короленко была таким изучением народа, мужика – сибирского, волжского, ветлужского, уральского, украинского, румынского» [4, с. 316]. Изучение народного быта, народных представлений и устной поэзии дало писателю немало ценных художественных наблюдений, важных одновременно и для этнографии, и для фольклористики.

Надо отметить, что интерес к фольклору, как и к народной культуре в целом, у начинающего литератора исчерпывался социальным аспектом, что объяснялось приверженностью к народнической идеологии. Красота и богатство устной поэзии оставались ещё вне поля его зрения. Народная культура становится объектом серьёзного изучения в период якутской ссылки. В. Г. Короленко чётко намечает пути использования собранного материала: научное описание края и включение элементов фольклора в художественные произведения. Лучшие образцы народного творчества побуждают В. Г. Короленко взяться за перо. Именно там, в далёких поселениях, он начинает свою литературную деятельность. Рассказы «Чудная», «Сон Макара», «Убивец», «Соколинец», «В дурном обществе» следуют один за другим.

Таким образом, сибирский период явился переломным в мировоззрении писателя. Собственный опыт и богатство жизненных впечатлений, по большей части трагичных, привели его к отказу от идей народничества, расширив творческие горизонты прозаика. Можно со всей определённостью утверждать, что В. Г. Короленко вернулся из Сибири вполне сложившимся зрелым писателем. Его фольклористическая деятельность значительно повлияла на развитие литературного таланта, формирование мировоззрения и художественного стиля. Обращение к народному творчеству было для него органической потребностью, одним из источников творческой энергии.

В 1886 году, когда В. Г. Короленко после возвращения из ссылки поселился в Нижнем Новгороде, вышла в свет первая

его книга «Очерки и рассказы». Дальнейшие творческие взаимодействия писателя с устным народным творчеством не претерпевали принципиальных изменений, но шли по пути углубления внутренних связей, превращения в единое гармоничное целое. Подтверждение тому – произведения нижегородского периода, метко названного Максимом Горьким «эпохой Короленко», а также рассказы и особенно очерковые циклы, написанные на рубеже XIX – XX веков. Именно народные начала в духовности писателя придали творениям мастера художественную силу и ту нравственную высоту, что делает произведения искусства по-настоящему правдивыми и ценными.

В этом же году В. Г. Короленко пишет свою большую повесть «Слепой музыкант», события которой происходят в Украине. Имплицитное чувство любви к малой родине, земле, давшей ему жизнь и подарившей первые открытия, через десятилетия спокойно и уверенно войдёт в творческое пространство писателя. После Нижнего Новгорода судьба вновь забросит его в Петербург, а затем, как бы замыкая жизненный круг, вернёт В. Г. Короленко на землю предков. С 1900 года он поселяется в Полтаве, где и проживает последние годы своей жизни, до 1921 года. С украинской земли писатель пришел в этот мир, к ней он вернулся, чтобы остаться навсегда.

В творчестве В. Г. Короленко органично переплелись темы жизни русского и украинского крестьянства, их талантливости, мужества и стойкости, произвола чиновников разных мастей и национальностей. Удивительно актуально звучат сегодня строки прозаика из его публицистической статьи «О патриотизме»: «Любовь к своему отечеству, своему языку и своей родине... будет только живой ветвью на живом стволе общечеловеческой солидарности». Вместо бесперспективного отрицания одного языка в угоду другому, он декларирует уважение к ним, призывает лишиться комплекса «человека без языка», овладеть всё большим количеством знаний, необходимых для полноценного общения.

О жизни и освободительной борьбе украинского народа в течение 1900 –1921 годов В. Г. Короленко написал около 250-ти статей, очерков, писем, заметок. В них он стремился убедить своих читателей в том, что для преодоления социально-экономических проблем, возрождения нации, государства украинскому народу необходимо объединиться.

Неудивительно, что такая тесная и органичная связь писателя с жизнью украинцев, историей и традиционной народной культурой Украины нашла широкое отражение в его творчестве.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Назовите русских писателей, в чьем творчестве нашла отражение украинская тема.
2. Какие впечатления детства и отрочества стали основой гуманистической направленности творчества В. Г. Короленко?
3. Что дало основание М. Горькому назвать период 1880-х годов «временем Короленко»?
4. Что нового привнес В. Г. Короленко в художественную прозу XX века в сравнении с традиционным реализмом?
5. В чем проявляется близость В. Г. Короленко с его вниманием к движениям человеческой души к А. П. Чехову как мастеру малых форм?
6. В чем проявляется процесс «лиризации прозы» В. Г. Короленко?
7. В чем проявляется верность писателя реалистическим заветам?
8. Как жизненный опыт В. Г. Короленко отразился в его творчестве?

2.1.2. Украинская историческая память, нравственные ценности в рассказе «Лес шумит»

В начале 1886 года в журнале «Русская мысль» В. Г. Короленко печатает рассказ «Лес шумит», в котором воскрешаются исторические воспоминания о временах запорожского

казачества, о суровой и упорной вражде крестьян по отношению к «захудалому панству», об уманских событиях, гайдаматчине и о сыновьях гайдамаков, ходивших «с хлопами по большим дорогам, да по панским усадьбам».

Композиционно это произведение построено по излюбленному короленковскому принципу «рассказ в рассказе»: легенда о мести оскорблённых и униженных «хлопов» своему пану, овеянная романтикой буйных страстей и характеров, вставлена в раму реалистического повествования – беседы охотника с дряхлым стариком, живущим в доме лесников Захара и Максима.

Повествовательный принцип «рассказ в рассказе» даёт возможность почувствовать близость отношения к происходящему двух рассказчиков. Оба нарратора локализованы в границах фабульного пространства. Изображаемые события как бы пропущены через восприятие основного рассказчика – старика, всю свою жизнь проведшего в лесу и ставшего невольным свидетелем всех драматических происшествий. Читатель видит всё его глазами, слышит его оценки и эмоциональные выводы. Опираясь на свои далекие детские воспоминания, старик рассказывает легенду-быль о том, как силой женил старый пан своего хлопа – нелюдимого лесника Романа – на красавице Оксане, которая была мила сердцу статного бандуриста Опанаса. Но ни его просьбы отдать девушку за него, ни категорический отказ Романа жениться не подействовали на самодура. В результате осуществления его коварного плана была обещана Оксана, а сам пан был жестоко наказан. Тёмная ночь, неумолчный лесной шум стали свидетелями этой страшной развязки. На протяжении всего произведения в основных перипетиях постоянно присутствует лес – «романтизированная мифологема» [27, с. 151]. Вот он радуется и грустит, сердится, хмурится, возмущается. Он напряжен в предчувствии беды, грозен в момент справедливого возмездия. Эта экспрессивность стиля в данном рассказе писателя ещё раз демонстрирует его приверженность романтической традиции, лишенной в то же время «субъек-

тивной одноплановости, одноликости стиля романтических произведений» [13, с. 118]. В рассказе «Лес шумит» отчётливо проявилось короленковское требование, которое Г. А. Бялый сформулировал как «восстановление героизма в его законных правах, соединение реализма с романтизмом». Тенденция к «сближению», к синтезу романтизма и реализма объясняется попыткой осмыслить реальность как извечную борьбу света и мрака, неподвижности и движения вперёд.

Этот рассказ достаточно полно иллюстрирует, насколько и на пространстве «малого жанра» В. Г. Короленко смог ёмко, психологически детализированно нарисовать картину сложных человеческих взаимоотношений, рассказать о жизни украинского крестьянства. В этом произведении достаточно определено проявились многие особенности поэтики писателя 90-х годов: жанровое своеобразие, героический пафос, яркая образность, особая роль пейзажа, «музыкальность» прозы и т. д. И, конечно, украинский колорит, который сразу заявляет о себе в подзаголовке, содержащем авторское определение жанра: полесская легенда. Действие происходит в украинском Полесье, скорее всего – на родной Житомирщине. Неслучайным является и эпиграф рассказа, народная присказка: «Было и быльём поросло», что подчёркивает близость повествования к реальным, пусть и далёким событиям, а также определяет «уровень реципиента – не элитарного, светского, а простого, из народа» [13, с. 111]. Роль эпиграфа в структуре повествования достаточно значительна: народная мудрость предваряет повествование, указывая на особую значимость «скрытого» содержания. Само название произведения заключено в кавычки – это слова-рефрен деда-украинца, который на фоне неумолчного лесного шума ведёт свой рассказ. Шум леса в рассказе, как пронизательно отмечает Д. Мережковский, «служит основной, постоянно выдвигающейся канвой, на которой легенда вырисовывается только изящной арабеской, как золотая вышивка на старинных тканях» [18].

В данном произведении достаточно ярко проявились характерные черты прозы В. Г. Короленко. С одной стороны –

перед читателем предстаёт эпичный образ Украины с присущими ему реалиями. С другой – романтика страстей, наличие тайны, присутствие лирического героя, персонификация сил природы. Всё это ещё раз подтверждает справедливость наблюдения литературоведа Т. П. Маевской о тесной связи реалистических и романтических тенденций в творчестве В. Г. Короленко, о лиризации его прозы.

Сюжетный стержень рассказа составляют фольклорные мотивы. Здесь явно видны черты сказки, которые проступают и в том образе деда-рассказчика с усами, которые «болтаются чуть не до пояса», совсем как у Крутивуса из украинского «Котигорошко», и, конечно же, хозяина леса, наделённого огромной силой, способного вырывать с корнями вековые деревья, заставляя их стонать и реветь. Но эта «мерзненная тварюка» с «некрасивой харей» может только «пошутить с человеком», но зла ему не делает. Введённый автором этот фольклорный персонаж не принимает участие в развитии действия, но выполняет «имагогическую функцию» [13, с. 116], внося элементы сказочного в повествовательную ткань произведения.

«Лес шумит» наполнен яркими народными пословицами и поговорками (*старая голова, как решето, ничего не держит; я вам не сноп на току, чтоб меня так молотили; меж дверей не надо носа совать, чтоб не прищемили* и т. д.), причём иногда автор их трансформирует. Например, Опанас, угрожая пану, отвечает: «Ты своего слугу прогнал, как собаку. Любил меня так, как палка любит спину, а теперь так, как спина палку». Таким образом, известный фразеологизм приобретает новый оттенок.

Насколько украинский «дух» был близок писателю, видно из строчек одного из его писем, где он, в частности, говорит о работе над рассказом «Лес шумит», во время которой приходилось постоянно переводить с украинского на русский язык. Черновики буквально пестрели «малорусскими словами и оборотами», и поэтому пришлось много вносить исправлений во время переписывания. Действительно, текст легенды

изобилует выразительными украинизмами (хлопче, жинка, дитына, очи, рушница, сумный, вечерять, небога, голубонька, чуприна, каганец и т. п.). Многие украинские лексемы, фразеологизмы В. Г. Короленко даёт в авторском варианте в постраничных сносках. Например:

Хохлы носят холщёвые штаны вроде мешка, раздвоенного только внизу. Этот-то мешок и называется «мотнею».

С глузду съехать – сойти с ума.

Украинское слово сумный совмещает в себе понятия, передаваемые по-русски словами: грустный и задумчивый.

Каганец – черепок, в который наливают сало и кладут свечильню.

Обращение к живительному источнику искусства – фольклору – одна из наиболее продуктивных традиций русской и украинской классической литературы. В. Г. Короленко прибегает к фольклору как источнику традиционных образов, тем и мотивов, видя в нём возможности стилевого обогащения литературного произведения, использования народных разговорно-речевых особенностей. Прозаик использует элементы разнообразных фольклорных жанров. Это не только самим автором анонсированная полесская легенда, но и сатирическая сказка («Стой, солнце, и недвижим будь, месяц!»), стилизованный под восточную сказку философский этюд («Необходимость»), рассказ с использованием библейских мотивов («Тени»). Необходимо отметить особый интерес исследователей к трансформации русским писателем жанра сказки. Л. В. Дереза, в частности, замечает, что стремление опираться на сказочный жанр приводят В. Г. Короленко к тому, что сердцевиною его творческого вымысла достаточно часто является основа фольклорной сказки [7, с. 129]. Поэтому сказочный жанр находит у писателя своеобразное воплощение в форме сказки-«сна» («Сон Макара»), сказки-притчи («Сказание о Флоре»), фантастической повести («Лес шумит», «Судный день»), социальной притчи («Необходимость»), аллегорической притчи («Стой, солнце, и недвижим будь, месяц!»).

Л. В. Дереза считает, что эти произведения можно назвать литературными сказками, хотя и с большой условностью. На наш взгляд, больше всего под определение «сказка» подходит рассказ «Судный день», которому сам автор дал подзаголовок «малороссийская сказка». А вот рассказ «Необходимость», анонсированный как «восточная сказка», больше напоминает философскую новеллу, хотя, без сомнения, здесь достаточно элементов, характерных для классической фольклорной сказки. Многие из них (наличие зачина, повторов-подхватов, сугубо сказочных выражений и т. д.) присутствуют и в рассказе «Стой, солнце, и недвижим будь, месяц!», который автор тоже называет сказкой. Наверное, это всё-таки больше аллегорический рассказ, фольклорное начало в котором также усиливается введением в него пословиц, песенки-веснянки.

Однако поиски В. Г. Короленко в этом направлении не исчезли бесследно: они сыграли определённую роль в развитии его дальнейшего творчества. Те жанровые признаки сказки, которые он наиболее часто использовал, позже превратились в своеобразные стилевые приёмы, которые заметно усиливали художественное начало: наличие зачина, повторы-подхваты, ставшие ключевыми в раскрытии той или иной темы, особая фигура автора-рассказчика, специфическое построение художественного произведения.

В рассказе «Лес шумит» В. Г. Короленко достаточно своеобразно трансформирует жанр бытовой сказки. Для данного вида сказок характерно присутствие образа пана, над которым потешаются крестьяне. Но в целом всё заканчивается мирно, главные герои находят взаимопонимание и т. д. В. Г. Короленко отходит от традиционной схемы: пан у него «поведёт бровью – уже мужики боятся, засмеётся – и всем весело, а нахмурится – все запечалются. А чтобы кто пану мог перечить, того, почитай, и не бывало». Самодовольный и самоуверенный, привыкший распоряжаться чужими судьбами, не встречающий никакого сопротивления у хлопов, короленьковский пан в конце легенды получает по заслугам. Он находит свою смерть от рук обманутых им Романа и Опанаса, Это месть

и за любимую ими Оксану, которую обесчестил пан, а потом насильно отдал замуж. Такая развязка не характерна ни для сказки, ни для произведений фольклора в целом, где по законам жанра пан был бы высмеян, ловко обведён вокруг пальца и в конце концов прощён. В данном случае образ пана нарисован реалистично. В нём нет ни традиционной для фольклора усмешки, ни капли юмора. Настоящим героем произведения становится человек, который способен защитить свои права, свою честь. Такой герой становится доминантным не только в анализируемом произведении, но и в творчестве В. Г. Короленко в целом.

Обращение писателя к жанру сказки объясняется следующими причинами. Это, несомненно, впечатления детских лет. На патриархально-народный строй чувств воздействовала и литература: украинские народные былины и сказания, поэмы Т. Г. Шевченко, французские приключенческие романы. Таким образом, тема героической личности, овеянной романтикой борьбы, органически вошла в творчество В. Г. Короленко. Исторические воспоминания о временах запорожского казачества, о суровой и упорной вражде крестьян к своим поработителям, об уманских событиях, гайдаматчине воскрешаются в полесской легенде «Лес шумит». Уже в «Сне Макара» очевидны признаки сказочного жанра, которые не противоречат в целом реалистическому тону повествования. Целый ряд атрибутов сказочного эпоса присущи «Сказанию о Флоре, Агриппе и Менахеме, сыне Иегуды». Это и наличие зачина, и несколько раз употребляемый прием троекратности, и введение в ткань произведения притчи с фантастическими героями. В. Г. Короленко создал своеобразную литературную сказку с реальными историческими персонажами, хотя сам называет её сказанием. На наш взгляд, есть определённая неточность и в авторском жанровом определении рассказа «Лес шумит», который он называет «полесской легендой».

Через всё произведение проходит образ леса, загадочного и мудрого, всё знающего и справедливого. Мотив леса, который постоянно шумит и «провоцирует реципиента», заставляя его

размышлять над судьбами героев, становится лейтмотивным. А сам пейзаж выполняет ещё и психологическую роль, так как помогает раскрыть трагедию человеческой личности. Особенно ярко эта его функция проявляется в кульминационный момент убийства пана: «А по лесу уже загудела настоящая буря: кричит бор разными голосами, да ветер воет, а когда и гром полыхнёт». Убить человека всегда страшно и грешно. И хотя в данном случае речь идёт о справедливом возмездии, природа сопереживает вместе с персонажами произведения. А наутро «в лесу пташки щебечут, и роса на листьях блестит». Жизнь продолжается, в жизни героев наступает новый этап. Таким образом, пейзаж в рассказе «Лес шумит» отражает главный мотив произведения, создаёт жанровую модальность и присутствует на всём его пространстве.

Особое внимание уделял В. Г. Короленко такому фольклорному жанру, как народная песня. Его особое уважительное отношение к ней сформулировано в словах Опанаса, талантливого самородка-бандуриста: «У нас говорят старые люди: в сказке правда – как железо: долго по свету из рук в руки ходило, заржавело... А в песне правда – как золото, что никогда его ржа не ест...».

Остро отражая противоречия действительности, прозаик обращается к притчевой форме и включает в ткань произведения песню-притчу «О пане Иване». Народная мудрость звучит в ироничной присказке о ястребе и курице, панской и мужицкой птицах.

Несмотря на то, что в рассказе писатель только один раз обращается к народной песне, ей принадлежит конструктивная роль в организации сюжета, в героической мотивации легенды, в её социальной заостренности. Её появление не является чем-то случайным, дополняющим национальный колорит и подчеркивающим украинскую идентичность. Песня помогает более ярко и полно представить образ украинского казака, усиливает кульминационный момент. Деды и прадеды Опанаса ценили и любили свободу, поэтому их наследник в песне предупреждает пана о последствиях его поступков:

Ой, пане, ой, Иване!..
Умный пан много знает...
Знает, что ястреб в небе летает, ворон побивает...
Ой, пане, ой, Иване!..
А того ж пан не знает,
Как на свете бывает, –
Что у гнезда и ворона ястреба побивает...

В произведениях В. Г. Короленко присутствует большое количество диалогов-бесед, споров героев, а оттого в них и высокая частотность употребления крылатых выражений, что является показателем живой естественной разговорной речи. В легенде «Лес шумит» речь персонажей преобладает над авторской речью. В то же время в монологах и диалогах героев проступают и элементы речи самого повествователя, используется несобственно-авторская речь. Как и в других произведениях В. Г. Короленко малых жанров, в легенде нет простран-ных описаний, практически отсутствует экспозиция, персона-жи стремительно вводятся в действие. Детали повествования достаточно скупы, но в то же время действенны и сюжетны. Как и в фольклоре, автор-рассказчик мало говорит от себя и не вмешивается в ход событий. Известно, что в устном народном творчестве широко используется юмор, достаточно острый, часто переходящий в иронию и даже сатиру. Такой он, напри-мер, в короленковском рассказе «Судный день», где автор смеётся над чёртом, который в народных верованиях представ-ляет враждебную силу. В рассказе «Лес шумит» юмор мягкий, ведь речь идет о героях, которым симпатизирует автор. Так, один из главных персонажей – Роман – наивно удивляется, что нашелся человек, добровольно соглашающийся жениться.

И. И. Московкина говорит о доминировании в произве-дениях В. Г. Короленко субъективного начала, что позволяет связывать эту особенность поэтики или с элементами лирического стиля, или с проникновением в реалистическую систему писателя романтических принципов отражения действительности [21, с. 71]. В то же время исследователь отмечает необходимость учета такого важного структуро-

образующего начала как жанр, что в конечном счёте позволяет делать вывод о специфике метода и стилевых особенностях творчества писателя. Важнейшая предпосылка постижения жанровой специфики произведений В. Г. Короленко – уяснение идейно-художественных особенностей конфликта, поскольку он выполняет определяющую жанрообразующую функцию. Во многом обусловленный отношением писателя к действительности конфликт влечет за собой определенный аспект изображения человека, событий, мира: своеобразие характеров, сюжета, пространственно-временного континуума, способов повествования и даже ритма. Именно конфликт в наибольшей мере отразил новизну прозы В. Г. Короленко в постижении человека, в постановке социальных и морально-нравственных проблем, в развитии художественных принципов воссоздания действительности, в выражении авторской позиции. В центре внимания В. Г. Короленко – человек перед вопросом. Центральным конфликтом в его прозе становится так называемый конфликт прозрения, то есть то резкое столкновение героя со злом, которое порождает идейно-нравственный кризис и вынуждает человека определить свою позицию по отношению к внезапно открывшейся истине. В полной мере этот вывод нашел своё воплощение в рассказе «Лес шумит» и повести «Слепой музыкант».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Какова национально-историческая проблематика произведения «Лес шумит»?
2. Какие мифологемы использованы в легенде «Лес шумит»?
3. Каковы особенности повествования в рассказе «Лес шумит»?
4. В чём своеобразие композиции рассказа «Лес шумит»?
5. Назовите способы включения фольклорных жанров в повествовательную структуру произведений В. Г. Короленко.
6. Многие заглавия произведений В. Г. Короленко имеют так называемый «пейзажный характер» («Лес шумит», «Река играет», «В облачный день»). С какой особенностью его

творчества это связано?

7. Д. Мережковский называет «Лес шумит» поэтической новеллой. Согласны ли вы с таким жанровым определением? Обоснуйте свою точку зрения.

2.1.3. Повесть «Слепой музыкант» как самое «украинское» произведение В. Г. Короленко

Одним из самых «украинских» произведений русского прозаика является повесть «Слепой музыкант». Она впервые появилась на страницах либеральной газеты «Русские ведомости» в 1886 году. Н. Ростов, один из биографов писателя, говорит о нескольких этапах работы над ней. Появление этого произведения имеет свою любопытную историю. После выхода «Сна Макара» редакция газеты обратилась к В. Г. Короленко с просьбой дать какое-либо художественное произведение для «Русских ведомостей». Не имея ничего законченного, Владимир Галактионович послал первую главу начатой работы, указав в письме, что дальнейшее содержание повести представляется автору еще смутно. Однако вскоре он увидел первую главу «Слепого музыканта» уже напечатанной. Пришлось тотчас же приниматься за продолжение работы. «Возможно, – писал В. Г. Короленко, – что без этого «недоразумения» мой бедный «музыкант» так и остался бы у меня в виде начала». Работал над повестью прозаик чрезвычайно напряженно, судя по датам газет, в которых появились последующие части. Поспешная работа сказалась на содержании произведения. Как только печатание в газете закончилось, автор приступил к исправлению текста, и в уже новом виде в том же году повесть была напечатана в июльской книге «Русской мысли», а затем вышла отдельным изданием. Об этом же говорит и дочь писателя, С. В. Короленко: «Спешно законченный «Слепой музыкант» не удовлетворил автора, но тема занимала его, и впоследствии он возвращался к повести, перерабатывая ее для позднейших изданий». Повесть, написанная в Нижнем Новгороде, уводит читателя за тысячи

километров от волжских просторов. Уже с первых строчек указывается место действия – «Юго-западный край», затем говорится о шелесте зеленых буков – деревьев, давших название целой территории – Буковине. Еще страница – и находим упоминание о «Контрактах» – «местном названии некогда славной киевской ярмарки», – как уточняет сам автор в примечании. А сами «Контракты» возникли в повести в связи с дядей Максимом Яценко, «заядлым волынцем».

Страница за страницей повесть вводит читателя в мир украинской природы, быта, обычаев и, конечно, культуры. «Аист клеочет на своем колесе»: «В Малороссии и Польше для аистов ставят высокие столбы и надевают на них старые колеса, на которых птица завивает гнездо». Такие комментарии-примечания к тексту сделал сам автор, печатавший свое произведение в России и старавшийся, чтобы украинские реалии были понятны широкому кругу русских читателей. Обратимся к некоторым из них, дающим, на наш взгляд, возможность почувствовать живописный колорит жизни украинцев того времени.

Сечь – военная организация запорожского казачества на Украине (в XVI – XVIII веках).

Кобзарь и бандурист – украинские певцы, аккомпанирующие себе на кобзе и бандуре.

Чайка – небольшое судно у запорожцев.

Левада – участок земли около хаты (отметим используемый автором украинский предлог «около» вместо русского «возле», украинское «хаты»).

Гайдамаки – украинские казаки-повстанцы, боровшиеся против поляков.

Чумак – крестьянин, возивший на волах рыбу, соль, хлеб.

Пыка – по-малорусски, ироническое название лица, физиономии.

Для более полного погружения в украинский мир прозаик широко использует украинскую лексику, не забывая в большинстве случаев дать её перевод на русский язык. «Стрехи» – крыши, «необачный» – беспечный, «карбованец» –

рубль, «ватажко» – предводитель и т. д.

Достаточно традиционным является утверждение о музыкальности украинского народа, красоте и мелодичности его песен, талантливости их исполнителей. В повести В. Г. Короленко мы также находим слова о «задушевных напевах малорусской песни», ее «задумчиво-грустных» мотивах. Но писатель не просто констатирует общеизвестный факт, он раскрывает истоки этой песенности, ее яркости и неповторимости. Замечательны страницы, повествующие о «соревновании» венского инструмента – пианино с дудкой – «куском украинской вербы». На стороне первого – дорогое дерево, струны, отличная работа заграничного мастера. А дудка сделана из ивы, которая росла над родной речкой над размытой кручей, её «ласкало украинское солнце и обдавал украинский ветер». И поэтому как ни старалась пани Попельская, ей было далеко до Иохима: «... он любил и грустил и с любовью своей, и с тоской обращался к родной природе. Его учила несложным напевам эта природа, шум её леса, тихий шепот степной травы, задумчивая, родная, старинная песня, которую он слышал еще над своею детскою колыбелью». Кажется, что далекие детство и юность заставили автора повести снова и снова возвращаться к своим истокам. Талантливость народа – в его удивительной связи с историей, с прошлым и вечно живущей природой. Эта гармония – залог «чарующей поэзии, которую не выучишь по нотам». Конюх в скрипучих «чоботьях» с мозолистыми руками, мягкими серыми глазами, характерными хохлацкими усами оказался носителем этой самой гармонии, этого живого чувства природы. Неудивительно, что источником первых художественных впечатлений слепого мальчика станет безыскусственная народная поэзия, а первым его учителем музыки – дударь-хохол с чуприной, характерной стрижкой украинцев.

Иохим – эпизодическое лицо, которое только несколько раз на короткое время появляется на страницах повести, но именно с ним в произведение зримо входит мысль о народном мировосприятии и миропонимании, отражении народных

основ бытия. В связи с этим представляется интересным наблюдение одного из наиболее тонких ценителей литературы своего времени, критика, писателя и мыслителя Дмитрия Мережковского. Рассказам В. Г. Короленко он посвятил свою статью с одноименным названием [18]. Дав высокую оценку многим ранним произведениям прозаика, Мережковский относит к откровенно слабым повести «В дурном обществе» и «Слепой музыкант», усматривая в них то подражание польским писателям, то Ф. М. Достоевскому и В. М. Гаршину. В целом критик считает, что произведения В. Г. Короленко из жизни интеллигентных людей гораздо слабее тех, которые рисуют людей социального дна: бродяг, каторжников, ссыльных и т. п. И далее утверждает: «... когда автор бросает романтические описания природы и сходит в среду «униженных и оскорбленных», являются типы нищих, пана Туркевича, Тебурция, Лавровского, которые все-таки неизмеримо жизненное мелодраматического пана судьи с его скучнейшим и добродетельнейшим сыном. В «Слепому музыканте» всякий раз, как на сцену выступает кучер Иоахим, простой малороссийский мужик с самодельной дудкой и сапогами, от которых пахнет дегтем, слащавая сентиментальная риторика заменяется живым, колоритным говором с певучими украинскими интонациями» [18]. Наблюдения, обильно подкрепленные цитатами из текста, венчаются следующим выводом: сила творчества В. Г. Короленко «прямо пропорциональна близости сюжета к народной жизни и обратно пропорциональна близости к среде интеллигентных людей» [18]. Не вдаваясь в полемику по отдельным направлениям статьи, отметим, на наш взгляд, главное, точно подмеченное критиком: толстовскую «мысль народную», пронизывающую всю ткань короленьковской прозы.

Искусство вошло в жизнь слепого так же стихийно и незаметно, как и другие жизненные впечатления. Потом, когда ученичество кончится, народное творчество войдет в искусство Петра как естественная готовая форма, в которую отливались личные его впечатления, а затем и его общест-

венные настроения. Личное творчество и народное искусство объединились в его композициях. Народные напевы звучали в его импровизации, отразившей чувства, овладевшие им после любовного объяснения с Эвелиной, народная же мелодия: «Подайте слипеньким... ради Хри-и-стааа-а» – напоминала «счастливым о несчастных» во время первого публичного дебюта слепого музыканта.

Но не только в этом значение народного искусства. Секрет вечной жизненности народной поэзии, по Короленко, в том, что она полна воспоминаний об исчезнувшей, но все-таки живой народной старине, о героическом прошлом народа. Этим «народное предание» и призвано обогатить искусство современного общества. Однако при всех своих связях с поэзией героических народных воспоминаний, особенно важных «среди будничного и серого настоящего дня», искусство современное не может ограничиться поэзией былой борьбы.

Лирический герой песен кобзарей является носителем ценностей целой эпохи с её общенациональным подъёмом, этическими и эстетическими идеалами и наследником традиции, уходящей корнями в глубину веков. «Поскольку основным фольклорным жанром, в котором народная оценка событиям звучит наиболее отчётливо и полно», были песни, прозаик (по собственному его признанию) – частый их слушатель – особое внимание уделяет именно этому жанру, привнося в своё авторское сознание черты народного мышления. Он замечает, что в хорошем исполнении чувствуется и темп, и ритм, и высокая степень поэтичности и художественности образов. Фольклор таким образом обогатил творческое восприятие В. Г. Короленко украинской жизни, истории, менталитета, способствовал развитию и углублению его писательского таланта.

В «Слепом музыканте» перед писателем стояла задача показать мир в восприятии незрячего человека, то есть лишить изображаемый мир привычных красок и линий. «Приходилось создавать пейзаж исключительно средствами звуковых образов», – замечает один из самых внимательных

исследователей творчества писателя [3, с. 143]. Об этом же пишет Д. С. Мережковский, отмечая «склонность к постройке... звуковых пейзажей, то есть целых поэтических картин, основанных на звуковых эффектах», и называя ее «любопытной чертой описательного приема» [18]. Таков весенний пейзаж в первой главе повести, в сцене любовного объяснения Петра и Эвелины возле мельницы. В этих же тонах выдерживается и описание праздника чудотворной католической иконы. Говор многоголосной толпы, выкрикивание евреев-факторов, стук экипажей, скрип телег, шуршание колёс, радостный звон колокола, рокотание чумацкого обоза создают объемную, почти панорамную весеннюю картину небольшого украинского городка: «... каждый год, ранней весной, в известный день небольшой городок оживлялся и становился неузнаваем. Старая церковка принаряжалась к своему празднику первою зеленью и первыми весенними цветами, над городом стоял радостный звон колокола, грохотали «брички» панов, и богомольцы располагались густыми толпами по улицам, на площадях и даже далеко в поле. Здесь были не одни католики. Слава Н-ской иконы гремела далеко, и к ней приходили также негодующие православные, преимущественно из городского класса» [9, с. 288]. Можно с уверенностью допустить, что прототипом города N стал соседний с Житомиром Бердичев, откуда ещё в XVII веке берёт начало традиция ежегодного паломничества к чудотворной иконе Божьей Матери в католическом монастыре босых кармелитов. В 1756 году икона была коронована по решению Папы Римского, и с тех пор она считалась покровительницей всей Украины. Слава об иконе сделала Бердичев одним из крупнейших в мире центров культа девы Марии. Весь пейзаж, все пространственные представления передаются при помощи звуков, которые и создают ощущение достоверности и реальности [15, с. 199].

Исследователи отмечают важную функцию звукового образа в процессе нравственного становления героев и в построении конфликтов. Народным мелодиям принадлежит существенная роль в духовном становлении Петра, в процессе

формирования его этических и эстетических воззрений. Новое искусство необыкновенного пианиста, связь его дара с народным творчеством автор воссоздает через гамму звуковых образов: «Живое чувство родной природы, чуткая оригинальная связь с непосредственными источниками народной мелодии сказывались в импровизации, которая лилась из-под рук слепого музыканта. Богатая красками, гибкая и певучая, она бежала звонкою струей, то поднимаясь торжественным гимном, то разливаясь задушевым грустным напевом. Казалось по временам: то буря гулко гремит в небесах, раскатываясь в бесконечном просторе, то лишь степной ветер звенит в траве, на кургане, навевая смутные грёзы о минувшем» [9, с. 301].

Благодаря близости к народу и к его искусству герой «Слепого музыканта» преодолевает своё личное горе, трагедию человека с врожденной слепотой – он постигает мир во всей его сложности и противоречивости. «Властные звуки, стоявшие в зале, царившие над толпой» во время его дебюта говорили о том, что «он прозрел» и что «он носит в душе ощущение жизни, он чувствует и людское горе, и людскую радость, он прозрел и сумеет напомнить счастливым о несчастных...» [9, с. 302]. Жизнеутверждающий пафос звучит в финале рассказа.

Путь героя «Слепого музыканта» к свету – это своего рода символ веры в торжество света над тьмой, веры в народные истоки положительного жизненного начала. Это и предчувствие, и убеждённость писателя-демократа в неизбежности близких перемен [15, с. 200].

В «Слепом музыканте» В. Г. Короленко ещё раз подтвердил свое мастерство первоклассного пейзажиста. Трудно назвать писателя, равного ему по разнообразию и картинности изображений природы. Пустынные сухие степи, живописные речки и леса, отроги старых Карпат, роскошные Днепр и Дунай, весенние заросли черемухи, шепот старого сада – всё это движется, сверкает и дышит на страницах этого удивительного произведения. Художник не просто любит знакомой с детства природой, он проникает в ее жизнь, одухотворяет,

ощущает её связь с теми людьми, которые здесь родились и выросли. Страницы повести изобилуют пейзажами: курган в степи, холмик над рекой, одинокий утёс. «На этих равнинах, перерезанных кое-где оврагами, лежали, утопая в садах и левах, села, и кое-где по горизонту, давно запаханные и охваченные желтыми жнивами, рисовались высокие могилы» [9, с. 261]. Белеющие приветливые стены мазанок, соломенные стрехи, зелёные листья репейника с пламенно-розовыми головками цветов, широкий лопух, высокий куколь на тонких стеблях... Даже если бы не разбросанные по тексту повести многочисленные топонимы: Карпаты, Волынь, Прибужье, Днепр, Киев, Колодняя, Почаев – сразу становится понятно, что события происходят в Украине. Украинским духом пропитана вся атмосфера короленковского повествования. Бережно и внимательно ведёт автор своего читателя по страницам родной истории, на которых оживают «загоны татар, посылавших через монастырские стены тучи своих стрел, порой пестрые отряды поляков отчаянно лезут на стены, или, наоборот, казаки бурно кидаются на приступ, чтобы отбить твердыню у завладевших ею королевских жолнеров...». Наиболее ярко и полно далекое прошлое предстает в рассказах о бандуристах и кобзарях.

В. Г. Короленко подробно рассказывает историю старого «лыцаря», ватажка Игната Карого, который погиб в 17... году под Колодней. Тогда казаки вместе с татарами осаждали Н-ский монастырь, занятый польскими войсками. В ночном бою они потеряли своего атамана. Его похоронили на территории этого монастыря. Рядом с ним нашел свой последний приют молодой слепой бандурист Юрко. История Украины, а также её настоящее тесно связаны с музыкой бандуристов, творчеством звонарей. Особое внимание в повести уделено образу слепого нищего Федора Кандыбы, который ходит по свету, поет песни и этим кормит целый выводок сирот-племянников. Это он вместе с другими слепыми, оттертые с более выгодных мест у зрячими конкурентами, поёт жалобную песню у выхода из города возле каменного столба с иконой:

«Тихие звуки песни, почти терявшиеся среди уличного шума, достигая человеческого слуха, поражали всякого громадностью заключённого в них непосредственного страдания» [9, с. 289]. Именно с этим «маленьким оркестром», путешествуя по городам и весям, дошел Пётр Яценко до Почаева. Широкий, необъятный мир открылся перед ним, сменив «ленивый и убаюкивающий шорох тихой усадьбы». «Он совершенно одолел песню слепых, и день за днём под гул этого великого моря всё более стихали на дне души личные порывания к невозможному... Чуткая память ловила всякую новую песню и мелодию...» [9, с. 295]. Результатом этого многодневного напряженного общения с простым народом, родной природой, с непосредственными источниками народной мелодии стала музыкальная импровизация слепого исполнителя. Величавый напев народной песни, в котором звучит степной украинский ветер, гулко гремит буря в высоком бескрайнем небе, шумно катятся быстрые волны горных рек, вобрал в себя всё то лучшее, что с детских лет окружало маленького ребёнка, вело его по жизни, помогло преодолеть эгоистическое страдание и дать ощущение полной, интересной правды.

Само народное творчество раскрыло перед писателем свой богатый социальный смысл, мотивы крестьянского протеста и гнева. В повести не только изображается живописный быт украинцев, их обычаи и образ жизни, но и глубоко раскрывается характер народа, его принципиальные взгляды на главные человеческие ценности. Естественно и органично в текст повести вошли традиции украинской народной песни, сказки, интонации живого говора украинского крестьянства. Н. Е. Крутикова отмечает, что в широком использовании фольклорных мотивов В. Г. Короленко опирается на опыт творчества Н. В. Гоголя и Т. Г. Шевченко [12, с. 9]. Как видим, народная поэзия, являясь неотъемлемой частью народной жизни, может составить ценнейший источник для литературы.

Выразительные украинские пословицы и поговорки характерны для многих героев В. Г. Короленко. Так, например, конюх Иохим, испугавшись появления неизвестного лица,

произносит заклинание, имевшее целью отпугнуть пришельца: «Цур тобі, пек тобі!». И тут же добавляет: «Чортове, чи боже?». А вот старый Ставрученко, «седой, с длинными казацкими усами и в широких казацких шароварах. Свои мысли и наблюдения он часто подтверждает меткими народными выражениями: «Мой Хведько вас обоих и введет, и выведет, как телят на верёвочке.... Ну, и сам его, шельму, в свой кисет уложу и в карман спрячу. Вот и значит, что вы передо мною все равно, что щенята перед старым псом». «Шила, как говорится, в мешке не спрячешь... Все где-нибудь выставится».

Упоминает В. Г. Короленко и такой фольклорный жанр, как сказка: «По временам Иохим собирал ребят вокруг себя в кучу и начинал рассказывать им весёлые присказки и сказки. Деревенские ребята, отлично знакомые и с глуповатым хохлацким чёртом, и с плутовками-ведьмами, пополняли эти рассказы из собственного запаса, и вообще эти беседы шли очень оживлённо» [9, с. 220].

Поскольку основным фольклорным жанром, в котором народная оценка событиям звучит наиболее отчётливо и полно, являются песни, в своём творчестве именно этому жанру писатель уделяет особое внимание. Ещё с детства В. Г. Короленко пришел к мысли о том, что казачья песня параллельно с историческим преданием бережно и психологически достоверно шаг за шагом отобразили историю, сохранили дух вольницы, её идеалы. Особенно сложны и многообразны функции народной песни. Вследствие необычайной пластичности, сюжетной условности, обилию символов, она открывает перед писателем богатейшие возможности для стилизации, не сковывая при этом творческое воображение строгими формами.

Украинская народная песня – лирическая, бытовая, историческая – вплетается в ткань повествования, становится способом углубления характеров, усиливает национальный колорит. Украинская народная песня не только цитируется в повести, но часто определяет собой особый мелодический ритм авторского повествования, рефрены, повторы, вырази-

тельные сравнения.

Отдельные песенные мотивы позволяют В. Г. Короленко более детально изучить черты мировоззрения, скрытые от посторонних глаз. В песнях раскрывается специфика мировосприятия героев его произведений. Употребленные песни прочно скрепляют повествовательную структуру произведения. «Задушевные напевы малорусской песни» звучат на всем пространстве «Слепого музыканта». Это, в первую очередь, в исполнении Иохима, который на скрипке играет «казака», и на дудке, купленной у прохожего карпатского горца, выводит «тихие, задушевные переливы». Особенно пронзительно «картинный язык народной поэзии» заговорит устами самодельной свиристелки, сделанной конюхом из украинской ивы. «Грустная украинская думка» звенит и плачет в тёмных комнатах семьи Попельских, то размягчая материнское сердце, то заставляя его тревожно сжиматься при мыслях о судьбе своего единственного ребенка.

Богатства художественных потенциалов казачьей песни наиболее полно В. Г. Короленко и раскрыл в сцене слушания песни Иохима, которая здесь предстаёт лучшим выразителем сложной и противоречивой казачьей натуры. Дядя Максим же боялся, что яркие образы песенного эпоса требуют непременно зрительных представлений. Он боялся, что ребёнок не в состоянии будет усвоить картинного языка народной поэзии. Но он забыл, что украинские кобзари и бандуристы были по большей части слепые. Петрусь все образы соотносил со своим миром, который он прекрасно знал: это и знакомый утес, и жнецы (их он узнал по позвякиванию серпов), и долина, топот конских копыт, и казаки (старика «Хведька» все зовут «старым казаком», мальчик детально изучил его внешность). И «Максиму достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что чуткая натура мальчика способна откликнуться, несмотря на слепоту, на поэтические образы песни».

Свидетельство равенства, уважения, почитания бандуристов, слепых певцов – эпизод у каменной плиты: «По-видимому, это был славный на Запорожье певец... так, по крайней мере,

говорит о нём запись, излагающая на своеобразном польско-малорусско-церковном языке всю эту историю. Позвольте, я, кажется, помню ее на память: «А с ним славетный поэта казацкий Юрко, нигды ни оставлявший Караго и от щирого сердца оным любимый. Которого убивши сила поганьская и того Юрка посекала нечестно, обычаем своей поганьской веры не маючи зваги на калецтво и великий талант до складу песенного и до gry струнной, од якои даже и волцы на степу размягчиться могли б, но поганьцы не пошановали в ночном нападe. И ту положены рядом певец и рыцарь, коим по честным конце незаводная и вечная слава вовеки аминь...» [9, с. 264].

Молодые люди, тронутые воспоминаниями о былых подвигах, скорбят о том, что всё это уже давно исчезло, ушло из жизни. Старый гарибальдиец Максим спорит с ними: настоящее, говорит он, требует героизма не меньше, чем его требовало прошлое.

– *Что же остаётся нам?* – спросил студент после минутного молчания.

– *Та же вечная борьба.*

– *Где? В каких формах?*

– *Ищите, – ответил Максим кратко* [9, с. 267].

Об этом говорил своим современникам и сам В. Г. Короленко. И он имел на это право: он был человеком борьбы. У него, по его собственным словам, всегда было «страстное желание вмешаться в жизнь, открыть форточку в затхлых помещениях, громко крикнуть, чтобы рассеять кошмарное молчание общества».

В «Слепом музыканте» напряженные и переломные моменты, раздумья, противоборства сопровождаются казачьей песней сильного вольного народа, в которой сосредоточены исторические события и чувства. Именно она и прибавила позитивные нотки в характер мальчика, отчасти и формировала его характер, мировоззрение.

Еще когда Петрусь был очень маленьким, старый гарибальдиец мечтал: «... несправедливо обиженный судьбою подымет со временем доступное ему оружие в защиту других,

обездоленных жизнью, и тогда я недаром проживу на свете, изувеченный старый солдат...» [9, с. 198]. Мечта старого воина сбылась. Повесть кончается эпилогом, в котором рассказывается, как в Киеве состоялся дебют слепого музыканта. В его музыке публика слышала и «живое чувство родной природы», и гремящую гулко бурю в небесах, и мелодию, счастливую и свободную, как степной ветер. И вдруг находящийся в зале Максим услышал песню слепых: «Подайте слепеньким... р-ради Христа». И вместе с Максимом Яценко и публикой чувствуется, что Петр действительно прозрел, потому что его искусство служит людям и напоминает «счастливым о несчастных...».

В повести народная песня называется то «мужицкой», то «хлопской». Но независимо от определения, данного ей автором, главная мысль звучит в словах дяди Максима, обращённых к племяннику: «Это песни сильного, вольного народа. Твои деды по матери пели их на степях по Днепру, и по Дунаю, и на Чёрном море...» [9, с. 215]. Яркие образы песенного эпоса предстают перед ними, когда Иохим удачно подбирает для исполнения «историческую картину»: «Ой, там на горі, та й женці жнуть». Писатель называет эту песню «прекрасной», «народной». Её старинный мотив, высокий, протяжный, будто подернут грустью исторического воспоминания: «В ней нет событий, кровавых сеч и подвигов. Это и не прощание казака с милой, неудалой набег, не экспедиция на чайках по синему морю и Дунаю. <...> О ней говорит и народное предание, и смолкающая всё более и более народная песня:

Ой, там на горі, та й женці жнуть,
А попід горою, попід зеленою
Козаки ідуть!..
Козаки ідуть!..

На зелёной горе жнецы жнут хлеб. А под горой, внизу, идёт казачье войско.

Максим Яценко заслушался грустного напева. В его воображении, вызванная чудесным мотивом, удивительно сливающимся с содержанием песни, всплыла эта картина, будто освещенная меланхолическим отблеском заката. В

мирных полях, на горе, беззвучно наклоняясь над нивами, виднеются фигуры жнецов. А внизу бесшумно проходят отряды один за другим, сливаясь с вечерними тенями долины.

Попереду Дорошенко

Веде своє військо, військо запорожське, хорошенько.

И протяжная нота песни о прошлом колышется, звенит и смолкает в воздухе, чтобы зазвенеть опять и вызвать из сумрака всё новые и новые фигуры» [9, с.216-217].

Прозаику удаётся не просто воссоздать мимолетную картину исторического прошлого своей земли. «Среди будничного и серого настоящего дня» возникло как фата моргана смутное, туманное, подернутое той особенной грустью, которая веет от исчезнувшей уже родной старины, видение. Но только на первый взгляд кажется, что все в прошлом. Ничто не уходит бесследно. О давней истории «говорят ещё высокие могилы-курганы, где лежат казацкие кости, где в полночь загораются огни, откуда слышатся по ночам тяжелые стоны» [9, с. 216].

В произведении упоминаются и цитируются разные украинские народные песни. Вот звучит мелодия «о любви, о счастье, о просторе»:

З за крутої горы
Вилітали орлы,
Вилітали, гуркотали,
Роскоши шукалы...

А вот «через минуту слышалась другая. Она доносилась чуть слышно; теперь студент пел старую «думу», подражая тихому напеву бандуристов». Обращаясь ко всем без исключения жанрам устного народного творчества, писатель никогда не прибегает к банальному цитированию с целью изукрасить текст выразительными находками. Фольклорные произведения в его творческой лаборатории подвергаются значительной трансформации, обретают вторую художественную жизнь. Все фольклорные элементы очерков полифункциональны и участвуют в формировании художественных уровней произведения от характерообразующего до языко-

вого. Ведущая роль отведена излюбленным короленковским жанрам: песне и преданию. Однако такое явное предпочтение объясняется отнюдь не только причинами субъективного плана. Определяющее значение сыграла и специфика самого фольклора, выдвинувшего на первый план именно эти жанры. В. Г. Короленко столкнулся с тем, что песня параллельно с историческим преданием бережно и психологически достоверно шаг за шагом отобразили историю, сохранили дух воляницы, ее идеалы. Особенно сложны и многообразны функции народной песни. Вследствие необычайной пластичности, сюжетной условности, обилию символов, она открывает перед писателем богатейшие возможности для стилизации, не скупывая при этом творческое воображение строгими формами.

Используя элементы известных песен, он показывает параллельно особенности их употребления в речи персонажей. Именно в результате такого подхода раскрывается специфика романтического мировосприятия короленковских героев. Многократно употреблённые песенные мотивы переходят в разряд устойчивых, взаимно перекликаются друг с другом, прочно скрепляя повествовательную структуру произведения.

Так постепенно через знакомство с героическими традициями своего народа разрушается усадебный покой слепого юноши, уходят пассивность, эгоизм и самоизоляция. В «Слепом музыканте» достаточно полно нашли отражение философские взгляды писателя, его попытки выработать более сложные пути познания мира и жизни. Именно народ, его сознание являются для прозаика авторитетом для разрешения вопроса о природе искусства, проблемы индивида и общества, для понимания сложной совокупности моральных проблем. На протяжении всей повести прослеживается четко выраженная авторская позиция: формы народной музыки, в каких Петру является мелодия, которые постоянно звучат в его сердце, идут из самой жизни, из самой родной природы. И поэтому, когда слепой юноша играет итальянскую пьесу, в нее вплетаются мелодии народной песни, «звучавшие то любовью и грустью, то воспоминанием о минувших страданиях и славе,

то молодой удалью разгула и надежды».

В произведениях В. Г. Короленко присутствует и прямое использование фольклора, и косвенное, опосредованное, представляющее собой более глубинную связь, выраженную через национальный компонент. Степень влияния устного народного творчества на произведения писателя была различной, она связана с тематикой и проблематикой произведения. Традиции фольклора представлены в его произведениях и полным заимствованием образных средств и выражений, и усвоением принципов фольклора с последующим сужением или расширением первоначального смысла, и использованием аналогий из народных эпических и лирических творений при создании оригинальных литературных произведений. Но самым главным для прозаика было проникновение в народное мирозерцание, принятие народных взглядов в свою систему ценностей.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Прочитайте статью Д. Мережковского «Рассказы Вл. Короленко», в которой он утверждает, что автору лучше всего «удаются те произведения, в которых на первом плане не подробности, не колорит, а широкие, простые архитектурные очертания, пейзажи и драмы». Докажите или опровергните это мнение.
2. Согласны ли вы с утверждением Д. Мережковского о том, что сила творчества В. Г. Короленко «прямо пропорциональна близости сюжета к народной жизни и обратно пропорциональна близости к среде интеллигентных людей»?
3. Продемонстрируйте на конкретных примерах наличие так называемых «звуковых пейзажей» в произведениях прозаика.
4. Какое место занимает в творчестве В. Г. Короленко украинский быт?
5. К каким фольклорным жанрам наиболее часто обращается

писатель в своих произведениях?

6. В поэтике В. Г. Короленко множество символов из художественного мира украинского фольклора. Найдите в произведениях писателя примеры их использования и расшифруйте их.
7. В каких произведениях В. Г. Короленко присутствует «волынский текст»?
8. Какие народные песни использует автор в «Слепомузыканте» и «Лес шумит»? Чем объясняется его выбор?
9. Как в анализируемых произведениях В. Г. Короленко проявляется национальная идентичность их автора?
10. Справедливо ли утверждение, что повесть «Слепой музыкант» – самое «украинское» произведение прозаика? Обоснуйте свой вывод.
11. Как в повести «Слепой музыкант» показана «диалектика души» главного героя?
12. В чём проявляется духовная красота и сложность героев «украинских» произведений писателя? Как в них соединились его детские впечатления и зрелый опыт художника?

КРУГ ПОНЯТИЙ И ПРОБЛЕМ

- Арабеска
- Взаимосвязь романтической и реалистической прозы
- Звуковой пейзаж
- Имагогическая функция
- Казачья песня
- Легенда
- Мелический дискурс
- Музыкальность прозы
- Переходная эпоха
- Ритмическая организация романтической прозы
- Романтическая мечта о нравственном преображении человека
- Стилистая константа
- Сюжетотворческая функция
- Фольклорные жанры

- Фольклорные мотивы
- Фольклорные элементы
- Характерологическая функция
- Художественное двуязычие
- Этнографическая проза
- Этюд

ТЕМЫ УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЗАДАНИЙ по курсу «История русской литературы XIX века»

1. Традиции украинского фольклора в творчестве В. Г. Короленко.
2. Украинский фольклор в творчестве русских писателей.
3. Трактовка свободы в произведениях «Лес шумит» и «Слепой музыкант».
4. Элементы фольклорной сказки в легенде «Лес шумит».
5. Казачья песня в повести В. Г. Короленко «Слепой музыкант».
6. Повесть «Слепой музыкант» в контексте идейно-эстетических поисков В. Г. Короленко 80 – 90 годов XIX века.
7. Художественное двуязычие в рассказе В. Г. Короленко «Лес шумит».
8. Средства выражения авторской позиции в рассказе «Лес шумит» и повести «Слепой музыкант».

ТЕМЫ УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЗАДАНИЙ по курсу «Методика преподавания литературы»

1. В. Г. Короленко и Украина (проблемы изучения биографии писателя в средних учебных заведениях).
2. Поэтика повести В. Г. Короленко «Слепой музыкант» в контексте учебного диалога.
3. Подготовка к восприятию произведений В. Г. Короленко в иноязычной аудитории.
4. Словарная работа в процессе изучения произведений В. Г. Короленко малых жанров.
5. Изучение темы «Короленко и Украина» на факультативных занятиях в средней школе.
6. Методические приёмы работы над композицией художественного произведения (на примере произведений

- В. Г. Короленко «Лес шумит» и «Слепой музыкант»).
7. Развитие устной речи учащихся в процессе работы над произведениями В. Г. Короленко.
 8. Виды письменных работ учащихся в процессе изучения произведений В. Г. Короленко.
 9. Работа над фольклорными жанрами в процессе изучения произведений В. Г. Короленко «Лес шумит» и «Слепой музыкант».
 10. Методические пути выявления авторской позиции в произведениях В. Г. Короленко «Лес шумит» и «Слепой музыкант».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арканова В. Ф. Внесок В. Г. Короленка у розвиток української культури / В. Ф. Арканова // Демократична орієнтація творчості В. Г. Короленка : тези доп. наук.-практ. конф., присвяченої 150-літтю з дня народження письменника, 28 травня 2003 р. / укл. Е. І. Романова ; Харківська держ. наук. бібліотека ім. В. Г. Короленка. – Х., 2003. – С. 7-9.
2. Безобразова Л. Л. Чи пам'ятаємо? / Л. Л. Безобразова // Феномен В. Г. Короленка: погляд із III тисячоліття : зб. наук. праць. – Полтава : ПДПУ, 2004. – С. 10-17.
3. Бялый Г. А. В. Г. Короленко / Г. А. Бялый. – М.-Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1949. – 371 с.
4. Власова З. И. В. Г. Короленко / З. И. Власова // Русская литература и фольклор (конец XIX в.) / отв. ред. А. А. Горелов. – Л.: Наука, 1987. – С. 305-333.
5. Ганзя І. В. Українознавчий аспект творчості В. Г. Короленка / І. В. Ганзя // Демократична орієнтація творчості В. Г. Короленка : тези доп. наук.-практ. конф., присвяченої 150-літтю з дня народження письменника, 28 травня 2003 р. / укл. Е. І. Романова ; Харківська держ. наук. бібліотека ім. В. Г. Короленка. – Х., 2003. – С. 10-14.
6. Гусев В. Я. О стилевом своеобразии прозы В. Г. Короленко 80 – 90-х гг. / В. Я. Гусев // Вопросы русской литературы : республ. межведомств. науч. сб. – Львов : Изд-во при Львовском гос. ун-те издат. объединения «Вища школа», 1982. –

Вип. 1 (39). – С. 109-116.

7. Дереза Л. В. Елементи фольклорної казки у неказковій прозі В. Г. Короленка / Л. В. Дереза // Феномен В. Г. Короленка: погляд із III тисячоліття : зб. наук. праць. – Полтава : ПДПУ, 2004. – С. 126-130.
8. Ігнатенко Г. Г. Володимир Короленко : біографічна повість / Г. Г. Ігнатенко. – К.: Молодь, 1986. – 296 с.
9. Короленко В. Г. Избранное / В. Г. Короленко. – Львов : Каменяр, 1980. – 304 с.
10. Короленко В. Г. Повести и рассказы / В. Г. Короленко ; [предисл., сост., коммент. М. А. Соколовой]. – К.: Вєсєлка, 1989. – 245 с.
11. Кравцов Н. И. Русская проза второй половины XIX века и народное творчество : учеб.-метод. пособие по спецкурсу для студентов-заочников филол. фак. гос. ун-тов / Н. И. Кравцов ; М-во высш. и сред. спец. образ. СССР ; Науч.-метод. кабинет по заоч. и вечер. Обучению ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 87 с.
12. Крутікова Н. Є. В. Г. Короленко та українська література / Н. С. Крутікова. – К.: [б. в.], 1955. – 26 с.
13. Кушнірова Т. В. Фольклорні мотиви як стильова константа у творчості М. В. Гоголя та В. Г. Короленка (на матеріалі повісті «Травнева ніч, або Утоплена» та оповідання «Ліс шумить») / Т. В. Кушнірова // Актуальні проблеми та перспективи дослідження літератури зарубіжних країн : зб. наук. праць. Вип. 2 / Кримський центр гуманітарних досліджень ; Таврійський нац. ун-т імені В. І. Вернадського. – Сімферополь : Кримський Архів, 2010. – С. 111-118.
14. Маевская Т. П. В. Г. Короленко как явление переходной эпохи / Т. П. Маевская // Феномен В. Г. Короленка: погляд із III тисячоліття : зб. наук. праць. – Полтава : ПДПУ, 2004. – С. 72-76.
15. Маевская Т. П. Романтические тенденции в русской прозе конца XIX века / Т. П. Маевская ; [отв. ред. Н. Е. Крутикова]. – К.: Наукова думка, 1978. – 234 с.
16. Малий П. Д. Україна в публіцистиці В. Г. Короленка / П. Д. Малий ; відп. ред. к. філол. н. М. Ф. Матвійчук. – К.: Вид-во Академії наук Української РСР, 1958. – 116 с.
17. Мельник Т. Н. Фольклорные традиции в рассказах В. Г. Короленко и В. М. Шукшина / Т. Н. Мельник // Феномен

- В. Г. Короленка: погляд із III тисячоліття : зб. наук. праць. – Полтава : ПДПУ, 2004. – С. 98-102.
18. Мережковский Д. С. Рассказы Вл. Короленко [Электронный ресурс] – URL: http://dugward.ru/library/merejkovskiy/merejkovskiy_vl_korolenko.html
19. Миксон Е. К. Короленко и украинский фольклор / Е. К. Миксон // Учен. зап. Запорожского педагогического ин-та. – Т. 4. – 1957. – С. 16-31.
20. Міксон О. К. В. Г. Короленко як збирач народної поетичної творчості / О. К. Міксон // Народна творчість та етнографія. – 1961. – № 4. – С. 63-70.
21. Московкина И. И. Природа конфликта и типология малых жанров в творчестве В. Г. Короленко / И. И. Московкина // Вопросы русской литературы : республ. межведомств. науч. сб. – Львов : Изд-во при Львовском гос. ун-те издат. объединения «Вища школа», 1984. – Вып. 1 (43). – С. 70-77.
22. Пашенко В. О. Слово про В. Г. Короленка / В. О. Пашенко // Феномен В. Г. Короленка: погляд із III тисячоліття : зб. наук. праць. – Полтава : ПДПУ, 2004. – С. 3-5.
23. Пономарьова Т. О. Вивчення рівненського періоду життя та творчості В. Г. Короленка / Т. О. Пономарьова // Феномен В. Г. Короленка: погляд із III тисячоліття : зб. наук. праць. – Полтава : ПДПУ, 2004. – С. 175-178.
24. Пропп В. Я. Фольклор и действительность : избр. статьи / В. Я. Пропп. – М.: Наука, 1976. – 327 с.
25. Ростов Н. В. Г. Короленко / Н. Ростов. – М.: Худож. лит., 1965. – 111 с.
26. Силантьева В. И. Концепция творчества В. Г. Короленко: современное видение проблемы / В. И. Силантьева // Феномен В. Г. Короленка: погляд із III тисячоліття : зб. наук. праць. – Полтава : ПДПУ, 2004. – С. 57-62.
27. Тимченко Р. Н. Художественное двуязычие в рассказе В. Г. Короленко «Лес шумит» / Р. Н. Тимченко // Феномен В. Г. Короленка: погляд із III тисячоліття : зб. наук. праць. – Полтава : ПДПУ, 2004. – С. 149-152.

2.2. Русский и украинский фольклор в «малой» прозе И. А. Бунина конца XIX – начала XX веков

2.2.1. Украина в жизненном и творческом контексте И. А. Бунина

«Мы, украинцы, приветствуем Вас... за наше родное, что Вы – временный гость Украины – так чутко уловили и так прекрасно воссоздали». Это строки из поздравительной телеграммы М. Коцюбинского по случаю 25-летия литературной деятельности И. Бунина.

Так сложились жизненные обстоятельства, что русский писатель уже с молодости оказался погруженным в стихию украинской культуры, в быт, обычаи, нравы украинского народа. Обратимся к наиболее показательным в этом плане вехам биографии писателя.

Отправной точкой станет 1889 год – поездка к старшему брату Юлию в Харьков. Следующий год – 1890-й – будет во многом судьбоносным для двадцатилетнего юноши: он побывает на могиле Т. Г. Шевченко, отношение к которому многое скажет и о самом Бунине.

Жена писателя В. Н. Муромцева в своих воспоминаниях [7] отмечала, что это первое странствие по Малороссии было для него самым ярким. Вот тогда-то он окончательно влюбился в эту землю, в ее девчат в живописных расшитых костюмах, здоровых и недоступных, в парубков, в кобзарей, в белоснежные хаты, утопавшие в зелени садов, и восхищался тем, как всю эту несказанную красоту воплотил в своей поэзии простой крестьянин Тарас Шевченко! Он признавался, что ни одна из могил великих людей его так не трогала, как могила Шевченко, находившаяся близ старинного города Канева, «места крови», где почивают на старинных кладбищах герои и защитники казачества. Она находится на горе, откуда открывается вид на Днепр, на далекие долины, на рассыпанные села, на то, что так любил украинский поэт. Могила простая, с белым крестом, а рядом окруженная мальвами,

маком и подсолнечниками белая хатка, не сбывшаяся мечта Шевченко. В хатке на стене – большой портрет поэта, а на столе – «Кобзарь». Это особенно растрогало Бунина, который остро переживал тяжелую судьбу украинского Мастера, его одиночество и нищету.

Без сомнения, огромную роль в становлении Бунина как личности, писателя сыграли годы, проведенные в Полтаве. Это было время, замечательное во всех отношениях. Это было начало его первой семейной жизни с украинкой Варварой Владимировной Пашенко. Это увлечение толстовством с его стремлением глубоко постичь самого себя. И, наконец, украинская природа, простые люди и местная интеллигенция, песни, катание по ночной Ворскле, знакомство с украинским театром и его яркими представителями М. Заньковецкой, М. Крапивницким, П. Саксаганским.

Письма Бунина разных лет убеждают в том, что его воспоминания об Украине всегда окрашены огромным чувством, каким-то особым ностальгическим настроением: «Будь они прокляты, эти большие города! Эх, опять бы в Полтаву! На тихую жизнь, на тихую работу!» – пишет он в 1895 году.

На полтавский период приходятся и первые успехи в творческой деятельности. Здесь Бунин быстро растет как писатель, и им всерьез наичнает интересоваться критика: «В Полтаве я впервые приступил более или менее серьезно к беллетристике».

На протяжении 1890 – 1896 годов Бунин несколько раз путешествовал по Днепру. С неизменной любовью он рисует Славутич, награждая его эпитетами «мирный», «широкий», «прозрачный», «бездонный» («На Днепре», «Кольцо»), восхищается красотой украинцев («смуглое тело», «карие очи», «густая коса»), их веселым характером и звонкими песнями («Кольцо»). Роль этих поездок в жизни и творчестве русского писателя трудно переоценить.

Целый ряд ранних произведений Бунина несет на себе отпечаток впечатлений от чарующих глаза днепровских пейзажей, украинских песен, образа жизни украинцев. Опыт странст-

вий в основном и стал той благодатной почвой, на которой впоследствии выросли «украинские» произведения писателя.

Можно утверждать, что именно в Полтаве углубится серьезное бунинское отношение к Шевченко, любовь и уважение к личности и творчеству которого он пронесет через всю жизнь. В этом провинциальном городке Бунин окажется в центре украинского культурного возрождения, вместе с братом будет присутствовать на вечере памяти Кобзаря. Если вспомнить бунинскую статью «Памяти Т. Г. Шевченко» (1891), его московское ходатайство об издании «Гайдамак» в переводе И. Белоусова, собственные переводы двух первых строф «Заповіту» и восьми строк стихотворения «Закувала зозуленька», упоминание имени Тараса Григорьевича в «Деревне», закономерными представляются восхищение его поэзией в знаменитой «Жизни Арсеньева» и краткая характеристика: «Это Шевченко – абсолютно гениальный поэт». Вот строки, которые так поражают героя бунинского романа:

Чайка скиглить, літаючи,
Мов за дітьми плаче,
Сонце гріє, вітер віє
На степу козачім.

В этой высокой оценке чувствуется глубина художественно-психологического, эмоционального проникновения Бунина в украинский язык, образный мир украинской литературы. Понимание художественных особенностей лирики украинского поэта, ее «глубины и теплоты чувств», «поэтической грусти» и музыкальности отчетливо прослеживается в переводных строчках «Заповіту». Обратимся к ним.

ЗАПОВІТ

Як умру, то поховайте
Мене на могилі
Серед степу широкого,
На Вкраїні милій,
Щоб лани широкополі
І Дніпро, і кручі
Було видно, було чути,
Як реве ревучий.

Т. Шевченко

ЗАВЕЩАНИЕ

Как умру, похороните
Вы меня на воле,
На степи, в краю родимом,
На кургане в поле,
Чтобы даль вокруг синела,
Чтобы Днепр и кручи
Были видны, – было слышно,
Как гремит могучий.

Пер. И. Бунин

И хотя сам Иван Алексеевич считал эту работу не вполне удачной, вызывает восхищение его желание не только освоить творческое наследие великого Кобзаря, но и донести его до русских читателей. На наш взгляд, русскому поэту удалось передать главную мысль украинского гения: его стремление и после смерти быть свободным, независимым на своей родной земле. Широта, необъятность родного края у Шевченко прекрасно переданы в образах «широкого степу», «широкополих ланів», «ревучого» Днепра, «круч». Замечательна аллитерация, передающая мощь главной украинской реки: «Дніпро», «кручі», «реве ревучий».

В переводе Бунина исчезают не только «степ широкий», «лани широкополі», но и сама «Вкраїна мила». Русский поэт заменяет их на «краю родимом», «курганом в поле», синей далью. Вспомним, что степь, курганы – частые гости бунинских строк, символы простора и вольности. А завещание похоронить поэта «на могилі» заменяется им контекстуальным синонимом «на воле», что в данном случае вполне мотивированно, исходя из общей тональности шевченковского «Заповіту».

Как видим, интерес к Украине проявлялся у русского писателя в двух направлениях: отражения украинской темы непосредственно в его поэтических и прозаических сочинениях и переводах произведений украинских авторов на русский язык.

Украинским духом проникнуты его бытовые зарисовки, отражающие крестьянский труд.

* * *

Старик у хаты веял, подкидывая лопату,
Как раз к святому Спасу покончив с молотьбой.
Старуха в чёрной плахте белила мелом хату
И обводила окна каймою голубой.
А солнце, розовея, в степную пыль садилось –
И тени ног столбами ложились на гумно,
А хата молодела – зарделась, застыдилась –
И празднично блестело протёртое окно.

1903

Обращают на себя внимание украинские слова «хата», «плахта» – название национальной одежды украинок: четырёх-угольного узорчатого отреза ткани, который оборачивают вокруг талии вместо юбки.

Покоем, уютом исполнены картины ранней осени в другом стихотворении, написанном в том же году.

* * *

Уж подсыхает хмель на тыне.
За хуторами, на бахчах,
В нежарких солнечных лучах
Краснеют бронзовые дыни.
Уж хлеб свезён, и вдалеке,
Над старою степною хатой,
Сверкает золотой заплатой
Крыло на сером ветряке.

Отзвуки украинских впечатлений звучат и в лирической балладе «Я – простая девка на баштане...», которую поэт строит на противопоставлении двух цветов. На этой чёрно-белой гравюре мы видим украинский «баштан» (русс. – бахча), географическое название Лиман, в данном случае обозначающее залив в низовьях украинских рек Днепра и Южного Буга.

В ряде стихотворений Бунина мы встречаем названия географических и биологических реалий Крыма. Это и Яйла – название главной гряды в системе Крымских гор, и особый вид кустарника астрагал («Яйла»), и сухмень («Донник») – обозначение знойной, сухой погоды, и татарка – растение в горах Крыма с красно-лиловыми цветами.

В стихотворении «С обезьяной» Бунин рисует южную Одессу, реалии её жизни: дачи, аллеи, платаны, море, бродячих артистов. Ещё одна поэтическая миниатюра – «Балагула». Так называли в районе Аккермана, города на юге Украины, крылатую дорожную повозку; здесь же встречаем и украинский «тютюн» (русс. – табак). «Хата», «плахта», «монисто», «клуня» – эти реалии уже из стихотворения «Христя».

Христя угощает кукол на сговоре –
За степною хатой, на сухих бахчах.

Степь в горячем блеске млеет, точно море,
Тыквы светят медью в солнечных лучах.
Собрались соседки к «старой бабе» Христе,
Пропивают дочку – чай и водку пьют.
Дочка – в разноцветной плахе и в монисте,
Все ее жалеют – и поют, поют!
Под степною хатой, в жарком аромате
Спелого укропа, возятся в золе
Желтые цыплята. Мать уснула в хате,
Бабка – в темной клуне, тыквы – на земле.

<1906 – 1908>

Упоминает автор и безымянные песни, которые поют украинцы, «пропивая» «невесту» и жалея ее. Речь идет о свадебном обряде, вернее, о том, что непосредственно предшествует ему, – сговоре. В стихотворении имплицитно отражены все народные требования к этому ритуалу. Как правило, свадьбы устраивались осенью, после уборки хлеба, когда было больше материальных возможностей отпраздновать это событие.

Украинское село у Бунина предстает в своеобразной смене выразительных осенних рисунков: степь, сухие бахчи, тыквы, жаркий аромат спелого укропа. Примечательно и чувство глубокого умиротворения, которое даёт единение человека с природой.

По мотивам народных преданий и дум о битвах запорожцев с турками написана небольшая героическая баллада «Мушкет».

Верный своим реалистическим принципам, писатель изображает не только яркую, сочную украинскую природу, красивых и сильных людей, живущих на щедрой плодородной земле. От внимательного глаза поэта не ускользнули и тяжёлые условия жизни и труда украинцев. В одном из стихотворений, написанных в 1917 году, мы видим совсем другие краски.

Удивительно зримая картина предстаёт перед читателем. Осенний сумрачный день. Усталый бык, «скользнув в грязи и

раздвоив копыто», пьёт воду, «закинув хвост на свой костлявый зад». Голодное, измождённое животное, «пустой небесный скат» (вспомним, каким светлым, ярким всегда рисует Бунин небо) и «хохлы», которые вдоль бугра бредут за «тяжкими возами». В этом весь Бунин – суровый и непреклонный реалист, когда этого требует правда жизни.

Стихи Бунина на украинскую тематику напоминают фотоживопись, поэтическую документалистику, настолько силён в них, как и в других стихотворениях поэта, эффект присутствия. Для них характерен повествовательный, описательный характер. Бунинское лирическое «я» словно за занавесом и редко выходит на авансцену, но выразительность картин от этого не страдает.

В полтавский период жизни русский писатель, кроме общения с интеллектуальной частью населения этого городка, внимательно изучал жизнь простого народа, всматривался в неё. Он много ездил: Огневка, Шишаки, Яновщина, Яреськи, Кобеляки, Лубны, Миргород, сельские ярмарки, опустевшие переселенческие деревни, встречи с самыми разными людьми: земледельцами, кузнецами, бродячими музыкантами, возницами. «Не могу спокойно слышать слов Чигирин, Черкассы, Хорол, Лубны. Прекраснее Малороссии нет страны в мире». Через много лет в благополучной, спокойной Франции русский писатель, тоскуя о покинутой Родине, напишет эти строки в повести «Лица». Как отмечают исследователи, именно эта часть «Жизни Арсеньева» станет заключительным аккордом «украиники» Бунина.

Украину Бунин не забывал, даже путешествуя по странам Востока. Одно из его стихотворений, датированное 1911 годом, имеет подпись «Гелуан (Под Каиром)»:

Вчера чумаки проходили
По шляху под хатой. Была
Морозная полночь. Блестели
Колеса, рога у вола.
Тянулась арба за арбою,
И месяц глядел как живой

На шлях, на шагавшие тени,
На борозды с мерзлой ботвой...

В его творчестве часто упоминается Киев. Бунин бывал здесь много раз, хотя преимущественно – проездом, в частности, в 1907 году, перед поездкой в страны Востока. Через год принял участие в одном из киевских литературных вечеров. Выступал здесь и в 1912 году, бывал неоднократно и в дальнейшем. Про Киев и Лавру вспоминает Бунин в дневниковых записях за 1911 год. Имеются сведения, что в 1919 году в Киеве должна была выйти книга Бунина на украинском языке. Он даже получил аванс. А в 1920-м – Бунины посетили Киев перед тем, как навсегда оставить родину.

Если говорить о бунинских географических ориентирах на украинской земле, необходимо, конечно, вспомнить и Одессу. С 1896 по 1918 годы он ежегодно приезжал сюда. Город-порт часто встречал писателя из его многочисленных странствий. Отсюда 9 февраля 1920 года Бунин навсегда уезжал из своей страны. В своем романе-хронике «Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции (1920 – 1953)» [5] Валентин Лавров подробно рассказывает об одном из наиболее драматичных моментов в жизни писателя: его пребывании в революционной Одессе с середины июня 1918-го и до отъезда за границу зимой 1920 года. Здесь перед ними другая Украина. Приморский город в эти суровые дни приютил людей разного достатка и взглядов, разного вероисповедания и с разными жизненными планами. Власть постоянно менялась. В письме к доктору И. С. Назарову есть такие строки: «... Ничего не могу вам написать, – так чувствую себя отвратительно, так все ужасно. Стремимся уехать из Одессы...» [5, с. 52].

Из путешествий по земле Украины, из ее жизненной гущи Бунин вынес столько впечатлений, что потом возвращался к ним практически на протяжении всей своей жизни.

2.2.2. Мобилизация русского и украинского фольклора в рассказе «На край света»

История развития русской литературы на всех этапах ее существования неразрывно связана с устным народным творчеством. От великого «Слова о полку Игореве» до современных произведений наблюдается этот удивительный процесс, который по-разному преломляется в творчестве каждого писателя. Обращение к фольклору было свойственно всем представителям многочисленных школ и направлений русской литературы начала XX века – от А. П. Чехова, Максима Горького, В. Г. Короленко, А. Н. Толстого до А. А. Блока и А. М. Ремизова. Внимание к народной теме на рубеже XIX – XX веков оживил в художественной литературе интерес к фольклору. Это коснулось прежде всего ее реалистического русла. Именно в этот период прослеживается эволюция социально-психологического, исторического, этнографического романа, а также «малых» прозаических форм в связи с процессом освоения устного народного творчества. Расширяется спектр форм влияния фольклора на поэзию различных направлений.

Фольклор для русской литературы конца XIX – начала XX веков – это реалии народной жизни, но вместе с тем и проекция в прошлое, и взгляд в будущее. «С наибольшей силой и четкостью сущность и смысл художественного фольклоризма этого времени раскрывается в творчестве Бунина», – утверждает М. К. Азадовский, один из крупнейших ученых-фольклористов ушедшего века [1, с. 133].

Оснований для подобного утверждения более чем достаточно. Весь жизненный опыт писателя говорит о его стремлении проникнуть в «душу народа», в ее «светлые и темные, часто трагические основы». «Лет с семи, – говорит он, – началась для меня жизнь, тесно связанная в моих воспоминаниях с полем, с мужицкими избами...». Его первыми друзьями были крестьянские дети, первые познания в русском языке получены от матери и дворовых, им же он обязан и первыми

уроками поэзии: «... от них, – вспоминал Бунин, – я много наслушался и песен, и рассказов». Повзрослев, он сделался неперенным участником деревенской «улицы» и здесь уже сам «придумывал «страдательные и плясовые», которые вызывали смех и одобрение», а в зимние вечера ходил по крестьянским избам слушать старинные песни. Воспоминания брата писателя свидетельствуют, в каком тесном соприкосновении с деревенским бытом протекала жизнь на отцовском хуторе, где провел свою юность Бунин. Оставив родительский дом, он не утратил обретенного там сознания своей причастности к жизни народа. Более того, теперь уже сознательно Бунин ищет возможности вновь и вновь к ней прикоснуться. Поселившись в Орле, он совершает поездку по средней полосе России; живя в Полтаве, бродит по украинским селам. «А я, брат, опять ничего не пишу, – сообщает он И. А. Белоусову в середине 1890-х годов. – Все учусь, – по книгам и по жизни: шатаюсь по деревням, по ярмаркам, – уже на трех был, – завел знакомство с слепыми, дураками и нищими, слушаю их песнопения и т.д.». В этих скитаниях Бунин видел возможность познания народа и вместе с тем школу собственного мастерства: «Для меня открылась красота природы, глубокая связь художественных созданий с родиной их творцов, увлекательность изучения народа и поэзия свободы и воли скитальческой жизни».

Без сомнения, говоря о фольклоризме Бунина, исследователи имеют в виду прежде всего обращение русского писателя к своему, национальному, фольклору. Они отмечают, что фольклорная волна подымалась у него постепенно: «в ранних рассказах фольклор представлен у Бунина еще очень слабо и не играет сколько-нибудь существенной роли» [1, с. 134]. Однако шедевр бунинской прозы «Антоновские яблоки» (1900) несколько противоречит этому наблюдению. В лирическом финале рассказа Бунин приводит лишь один куплет песни:

«На сумерки буен ветер загулял,
Широко мои ворота растворял.

Начинает кто-нибудь грудным тенором. И прочие нескладно, прикидываясь, что они шутят, подхватывают с грустной, безнадежной удалью:

Широки мои ворота растворял,
Белым снегом путь-дорогу заметал...».

Без труда угадывается мотив народной песни, который органично вписывается в общую тональность произведения. Всё в прошлом: старый добрый мир, патриархальный уклад уходят безвозвратно. Представляется, что это четверостишие не «просто фольклорная иллюстрирующая цитата... на месте которой с таким же успехом могла бы быть и каноничная цитата из какого-либо поэта» [1, с. 135]. Ведь не случайно в тексте рассказа ему предшествует распространенная ремарка: «А вечером, на каком-нибудь глухом хуторе далеко светятся в темноте зимней ночи окна флигеля. Там, в этом маленьком флигеле, плавают клубы дыма, тускло горят сальные свечи, настраивается гитара...». Трудно представить себе более удачное решение, чем обращение Бунина к этой народной песне.

Начиная с 1903 года, фольклорные образы занимают видное место в лирике писателя, но еще большее – в рассказах и повестях. Вся его деревенская тематика в эти годы уже неразрывно сочетается с фольклором. Фольклорные образы играют роль символов, проясняющих сокровенные мысли автора и помогающих раскрыть идейную сущность его произведений. Особенно ярко фольклор зазвучит в знаменитых повестях «Деревня» и «Суходол», а чуть позже в рассказах «Илья-пророк», «Худая трава», «Псальма» (1913), «Сказка» (1918).

Дореволюционное творчество Бунина поражает обилием и, что гораздо важнее, разнообразием фольклорных жанров. Он воссоздаёт различные обряды: от свадьбы до похорон; упоминает заговоры, причитания, легенды. Есть сказки, много пословиц, поговорок, прибауток, частушек. Особенно часто упоминаются песни, цитаты из которых щедро и органично вкрапляются в ткань повествования. Однако лишь некоторые моменты фольклористики Бунина, замечает М. К. Азадовский, представляют интерес для исследователя-фольклориста как

новые факты и свидетельства. «Его знание русской народной поэзии и народной обрядности – не непосредственное, а заимствованное, книжное: сплошь и рядом нетрудно раскрыть источники, которыми он пользовался, а иногда констатировать явные и крупные промахи, объясняющиеся недостаточным знанием народной жизни и народных обрядов. Именно подлинного-то знания народного быта, а стало быть, и народной поэзии, не хватает Бунину» [1, с. 136].

Соглашаясь с убедительными доводами авторитетного ученого, подкрепленными множеством примеров из бунинской прозы, считаем необходимым отметить, что тем не менее мобилизация писателем фольклора играет важную роль в его творчестве. Это касается прежде всего разработки им крестьянской темы. Каждый раз достоверность бунинского текста подтверждается печатным или архивным источником. Собрания великорусских песен И. А. Соболевского, П. В. Шеина, сборники Е. В. Барсова, П. В. Кириевского, П. Н. Рыбникова были внимательно изучены писателем. Из «Исторических песен малорусского народа», изданных Вл. Антоновичем и М. Драгомановым, сделаны многочисленные выписки и заметки.

Именно в этом сборнике есть произведение, которое имеет десять вариантов. Это дума «Олексій Іванович і буря на Чорному морі», отрывок из которой мы находим в рассказе «На край света» (1894). Книжный источник явственно проступает сквозь ткань бунинского повествования. Фольклорные реминисценции здесь очевидны: «на білому камені сидить ясен сокіл-білозірець, жалібненько квилить-проквіляє...»; когда-то снаряженных в далекий путь «лыцарей» ожидали «кайдани турецькії, каторга бусурманська», и стан орлов сизокрылых, что будут «на чорнії кудрі наступати, з лоба очі козацькії видирати...». Звучит в рассказе и песенное двустручие:

Ой, зійди, зійди,
Ясен місяцю!

Ему предшествует ремарка: «Звонкий девичий голос замирает за рекою». А после песенных строк – описание украинской ночи: «Глубокое молчание. Южное ночное небо в

крупных жемчужных звездах. Темный силуэт неподвижного тополя рисуется на фоне ночного неба. Под ним чернеет крыша. Белеют стены хаты. Звезды сияют сквозь листья и ветви». В данном случае фольклорный текст играет у Бунина роль звуковой детали, дополняющей пейзаж, помогающей глубже понять главную мысль произведения.

Пронизанный глубоким сочувствием к украинцам-переселенцам, этот небольшой рассказ многое говорит о его авторе. Попутно заметим, что тема переселенцев позднее снова всплывает не в одном бунинском произведении, в частности, в рассказе «Золотое дно» (1903). Не только отдельная украинская лексика («хаты», «корчма», «дивчата», «свитки», «плахта»), свидетельствующая о знании автором быта, этнографии народа, но и целые синтаксические конструкции, диалоги на украинском языке, рефрен «Що воно таке, сей Уссурійський край?» переносят читателя в маленькое украинское село Великий Перевоз. Автор дает его подробную зарисовку. С любовью изображает он белые и голубые хаты, зеленые переулки, окруженные садами, шумный базарный выгон с торговками, пиликаньем скрипки и жужжанием лиры, сонных волов (образы этих домашних животных часто встречаются в стихах Бунина и, очевидно, прочно ассоциируются с укладом жизни крестьян-украинцев). Ни одна пейзажная деталь не ускользает от пристально-внимательного взгляда прозаика.

День близится к вечеру, и все новые и новые картины встают перед читателем. «Все зарумянилось отблеском заката, зарделись рощи, вспыхнули алым гляncем изгибы реки...» А вот спустя несколько абзацев читаем: «Опустела степь. Весело и кротко распевают, сыпят трели жаворонки... Привольно зеленеют кругом хлеба и травы, далеко-далеко темнеют курганы».

С огромной симпатией рисует Бунин и отдельные образы жителей этого уютного уголка украинской земли. Вот дивчина в нарядных сафьяновых сапогах, «на которые так красиво падает из-под плахты белоснежный подол». Певунья и плясунья, сейчас она горько плачет: ее Юхым тоже уехал со

своей семьей искать лучшей доли на новые места. А вот идет старый Василь Шкуть, «улыбаясь своей странной улыбкой старческого горя». В отдельных моментах описания этого старика отчетливо просматриваются элементы фольклорного жанра причитания в связи с кончиной кого-то из близких: «Ему вот-вот собираться в могилу, а он уже никогда больше не услышит родного слова и помрет в чужой хате, и некому будет ему глаза закрыть. Перед смертью оторвали его от семьи, от детей и внучат».

Как известно, обрядовый фольклор считается одним из самых старых фольклорных жанров. Он делится на календарный и семейный, причем первый намного старше по происхождению. Разновидностью семейного обряда является похоронный, куда входят причитания, или плачи. Причитания отличаются от других жанров фольклора импровизационным характером, наличием деталей и фактов конкретного события, характеристикой определенного лица и т. д. В данном отрывке, несомненно, перед нами не похоронные причитания в чистом виде. Налицо «ослабленные» черты знакомого автору фольклорного жанра: ведь, к счастью, здесь речь не идет о смерти самого Василя и кого-то из его родственников. Но безрадостная старость с ее нищетой и болезнями, бесприютность, полная неизвестности и драматизма судьба близких, уехавших «на край света», и приводят старика к мрачным «похоронным» думам.

Гораздо более определенными в жанровом плане представляются похоронные причитания в конце рассказа «Худая трава», написанном спустя десятилетие.

Таким образом, воспевая красоту украинской природы, духовное богатство украинцев, Бунин не скрывает их нищету и обреченность. Нельзя не согласиться с исследователем, который замечает, что симпатии и интересы Бунина отмечены гуманностью и повышенной эмоциональностью; тревога и участие писателя проявляются в повествовании столь определенно и открыто, что почти ощутимым является эффект личного присутствия [6, с. 136].

Этот эффект и способствует тому, что рассказ отличается особой задумчивостью. Кажется, самого автора безысходность гонит на чужбину, с родных мест на далекий край света. Так проникновенно, с печалью, сочувствием и в то же время без картинного надрыва, суеты создает прозаик свой рассказ-элегия. Больше того, не столько рассказ с его традиционной жанровой атрибутикой, а, по справедливому замечанию В. Базилевского, «эскиз, зарисовку с натуры, быль, согретую живым дыханием таланта» [2].

Тот же исследователь украинского вектора в творчестве Бунина, отмечая «полноту и блеск», присущие бунинскому изображению Украины, говорит о реализации им гоголевской художественной традиции. Однако здесь стоит отметить существенную деталь. Если интерес Н. В. Гоголя, украинца по происхождению и мироощущению, к своей родине представляется закономерным и мотивированным, то украинская тема в художественном наследии Бунина в определенной степени является «культурологическим открытием» [6, с. 135]. «Коренной орловец» сумел не только заново представить Украину российскому читателю, но объективно и всесторонне осмыслить и художественно воссоздать исторические факты, обстоятельства современной жизни, своеобразные черты национальной психики. В этом плане рассказ «На край света» можно считать титульным.

Прием контрастного изображения исторического прошлого и современности Украины воплощается не только в событийном характере повествования, а прежде всего в поляризации эмоционального состояния людей, их настроений, осознании собственного будущего, в сопоставлении одинокой смерти на воле с повседневной безысходностью существования. Яркие, зримые образы прошлого, которые всплывают в воображении писателя, позволяют четко ощутить связь времен, найти в настоящем следы героического минувшего.

Именно увлечение украинской историей, ее легендами и преданиями, песнями о казацких походах и отчаянных сражениях придало особое очарование и неповторимость всей украинской теме в творческом наследии И. Бунина.

2.2.3. Реализация и трансформация жанра пословицы, причета, лирической песни в фольклорном пространстве И. А. Бунина

Рассказ «На край света» явился своеобразной отправной точкой в системной разработке украинской темы. Одни за другим следуют «Святые горы» (1895), «Казацким ходом» (1898), «В августе» (1901), «Костер» (1902), отдельные страницы «Суходола», чуть позднее – на Капри в 1913 году – «Лирник Родион».

Детали украинского пейзажа, быта, названия городов встречаются в рассказах «Жертва», «Зойка и Валерия», «Волки», «Натали», «Мадрид», «Пароход «Саратов», «Ворон», в трагической «Гале Ганской» и др. Уже эпиграф к рассказу «Казацким ходом» свидетельствует о дальнейшей эволюции писательского интереса к украинской земле. «О Днепре, словутицю! – ты пробил еси каменные горы сквозе землю Половецкую!..». Строчки бессмертного «Слова о полку Игореве» возвращают читателя к берегам величавой реки, к событиям и людям, которые живут на ее берегах.

Увлекаясь Украиной, Бунин стремится постичь истоки ее истории. Еще задолго до написания автобиографического романа «Жизнь Арсеньева» он в рассказе «Святые горы» рассказал о своем паломничестве в места, где происходили события «Слова». И хотя собственно украинский материал занимает там незначительное место, все в нем проникнуто беспредельностью южной степи, ее изменчивыми чарующими пейзажами. Позднее впечатления от тех странствий отразились в романе.

Писатель внимательно всматривается в каждую деталь природы: живописные днепровские кручи, прозрачные волны, пустынные и необозримые равнины, степь, как море широкое, стройные тополя на хуторах. Наверное, не так много русских писателей, которые бы с такой любовью, пониманием и уважением к истории другого народа, писали о нем, как это сделал Бунин. «И я думал о том, как прекрасна еще до сих пор

страна, над которой пронеслось столько веков кровавых войн и раздоров, по степям которой бродили дикие племена печенегов и половцев; думал о том, как долго хранит эта страна печать глубокой старины среди новой, шумной жизни...».

Вот Бунин любит украинскими мужиками: «Хохлы мне очень понравились с первого взгляда. Я сразу заметил резкую разницу, которая существует между мужиком-великороссом и хохлом. Наши мужики – народ, по большей части, изможденный, в дырявых зипунах, в лаптях и онучах, с исхудалыми лицами и лохматыми головами. А хохлы производят отрадное впечатление: рослые, здоровые и крепкие, смотрят спокойно и ласково, одеты в чистую, новую одежду...». Вот его описание «опрятного, спокойного и ладного» Шарого из «Суходола»: «... ни морщины, ни седина не старили его: не было ни усталости нашей, ни вялости в его лице; небольшие глаза глядели остро, тонко-насмешливо».

«Хохлушки» у Бунина нарисованы еще более сочными и яркими красками. «Красивые своей прямою и строгой живостью глаза», «удлиненные бедра и голени», «тонкая кожа с желтоватым заггаром на широкоскулом лице» у Марины из того же «Суходола». Описывая хату этих хозяев, Бунин тоже не может удержаться от восхищения: «Одна хата хохлацкая чего стоила – ее белизна, ее гладкая, ровная, очеретная крыша. Как богато казалось в этой хате внутренне убранство по сравнению с неряшливым убожеством суходольских изб! Какие дорогие фольговые образа висели в углу ее, что за дивные бумажные цветы окружали их, как красиво пестрели полотенца, висевшие над ними! А узорчатая скатерть на столе! А ряды сизых горшков и махоточек на полках возле печи!».

Невольно вспоминаются с проникнутые горечью строки статьи М. К. Азадовского: «Бунин очень резко противопоставляет украинскую стихию великорусской, – об украинцах и их поэзии он говорит в таких словах и выражениях, в каких никогда не говорил о тех селах и городах, с которыми была связана вся его жизнь и которые составляют основное содержание его повестей и рассказов. Но в центральной, черно-

земной России – он жил, а по Малороссии – путешествовал, «странствовал из конца в конец», как говорит он сам» [1, с. 144].

В «Суходоле» достаточно много реминисценций из русского фольклора, рассуждений о путях его развития. Есть и отдельные вкрапления украинского народного творчества. «Хохлушка» Марина «пела за работой, сдвинув брови, сильным грудным голосом, песню об осаде неверными Почаева, о том,

Як зійшла зоря вечорова

Та над Почаєвом стала,

как сама божья мать святой монастырь «рятувала»; в голосе ее было столько безнадежности, завывания, но вместе с тем столько величия, силы, угрозы, что Наташка не спускала в жутком восторге глаз с нее». Также в «Суходоле» Бунин описывает, как Марина поет народную песню о неразделенной любви. «В своих песнях, даже любовных, была строга, горда и задумчиво-сумрачна.

В кінці греблі шумлять верби,

Що я посадила, –

тоскливо-протяжно рассказывала она – и прибавляла, понижая голос, твердо и безнадежно:

Нема мого

Миленького,

Що я полюбила...».

Наблюдения М. К. Азадовского подтверждаются и мрачной сценой описания заговора, когда колдун Клим Ерохин «лечит» суходольскую барышню: «вдруг он зачинал странным, отдаленным каким-то голосом:

– *Взыдет Филат... Окна откроет... Двери растворит... Кликнет и скажет: тоска, тоска!*

– *Тоска, тоска! – восклицал он с внезапной силой и грозной властью. – Ты иди, тоска, во темные леса, – там твои мяста! На море, на окяне, – бормотал он глухой зловещей скороговоркой, – на море, на окяне, на острове Буяне лежит сучнища, на ей серая рунища...*

И чувствовала Наталья, что нет и не может быть более ужасных слов, чем эти, сразу переносящие всю ее душу куда-то на край дикого сказочного первобытно-грубого мира».

Если добавить жутковатые пословицы вроде «Есть старик – убил бы его, нет старика – купил бы его», старинные причитания: «Вот он, вот он, старик-то с мешком... Старик, старик! Не ходи к нам, мы не дадим тебе барчука, он не будет кричать...», то покажется, что, действительно, М. К. Азадовский прав. В то же время нельзя не заметить, что Бунин не отрицает красоты, смекалки, находчивости, наблюдательности своего народа, так очевидных в приводимых им произведениях русского устного народного творчества.

Так, в «Суходоле» находим целый ряд разнообразных пословиц, огромное количество которых знал писатель. Книга В. Лаврова [5] изобилует множеством примеров их употребления по абсолютно разным поводам. Крупнейший исследователь славянского фольклора Н. И. Кравцов утверждал, что пословицы гораздо полнее, чем другие жанры фольклора, представляют картину жизни [4, с. 111]. Бунина, очевидно, привлекала эстетическая ценность этого фольклорного жанра, которая заключается в изложении четкой, предельно кратко выраженной законченной мысли. Это образная формула, основанная на сравнении, метафоре, антитезе, гиперболе, «эксплуатируется» Буниным в полной мере. Только в «Худой траве» наберется около десяти примеров, начиная с эпиграфа «Худая трава из поля вон» и далее: «Бог дает день, бог дает пищу», «Богатый, как бык рогатый, – в тесные ворота не пролезет», «Хомут да дуга, я тебе не слуга!» и т. д.

Заметим, что структура пословиц, как правило, отличается устойчивыми формами. Обычно они бывают двух типов: одночастные и двухчастные. У Бунина преобладают двухчастные. Кроме вышеперечисленных, добавим пословицы, выявленные в «Суходоле»: «А богатая была, умной барыней слыла», «Перушком не хорош, зато косточкой строен». Одночастные встречаются гораздо реже: «У бога всего много», «Лучше камень в горе бить» («Суходол»), «И бог оброку требует» («Худая трава»).

Как видим, пословицы, приводимые Буниным, тесно связаны с трудом, бытом, ментальностью русского народа.

Автор употребляет их, желая подчеркнуть характер того или иного героя, дополнить определенную жизненную ситуацию, выразить свое отношение к событиям и фактам.

Одним из проявлений образности пословицы является ее способность употребляться в переносном смысле, которой широко пользуется Бунин. Так, в «Худой траве» старуха, обращаясь к тяжело больному мужу, говорит ему: «Пойдем, пойдем, батюшка. Будя, поработал. Весь свой век ждала тебя. А ты вон какой стал – совсем никуда. Износился. Да заветный перстенок и поношенный хорош...».

Достаточно часто встречаются у Бунина конструкции, имеющие явный фольклорный оттенок («рано ручки белые сложила» – «Суходол»; «будут беды великие», «ветры буйные» – «Худая трава»).

При помощи фольклора Бунин создает яркие народные образы. В рассказе «Худая трава» мы слышим обрядовый плач – умирающий Аверкий представляет себе причет дочери над могилой: «Родимый ты мой батюшка, что ж ты себе сдумал, что ты над нами сделал? Кто ж будет нами печалиться, кто будет заботиться? Родимый ты мой батюшка, я шла мимо вашего двора: никто меня не встретил, никто не приветил! Я, бывало, батюшка, иду мимо вас – ты меня встречаешь, ты меня привечаешь! Уж ты грянь, громушек, просветися, молонья, расступися, мать сыра-земля! Уж вы дуньте, ветры буйные, – вы раздуйте золотую гробовую парчу, распахните мово батюшку!». В таком причете запечатлевается талантливая, богатая чувствами душа русской крестьянки. Здесь, как этого требует жанр, указываются полные данные умершего, говорится, в каких родственных отношениях он находился с плакальщицей, выражается сожаление о том, что умерший покинул свою семью. Он восхваляется как необходимый для родственников человек, без которого им будет трудно жить.

Причет – один из древнейших поэтических жанров. Он существовал у восточных славян задолго до XI века. Сходство некоторых мотивов причитаний различных славянских народов объясняется, вероятно, их возникновением еще в

эпоху славянской общности. Древнейший причет содержал в основном магические элементы. Похоронный обряд был коллективным ритуальным действием, в котором участвовали все члены рода, семьи или общины. С этим связан и сложившийся очень давно особый синтаксис причета с характерным для него избытком вопросительно-восклицательных конструкций, риторических обращений, повторов и т. д. Эмоциональное усиление достигается и обильным употреблением уменьшительных суффиксов, а также нагнетанием эпитетов. Обращение «уж ты грянь, громушек» является ярким примером сохранения в песнях хотя бы намека на славянских древних богов. В данном случае это обращение к одному из первых богов, которому поклонялись славяне, – Перуну. У Перуна-громовержца была огромная свита из родственников и помощников: Гром, Молния (тетушка Маланьица), Град, Дождь, русалки и водяные, Ветры – сыновья. Именно к ним и обращается в причете дочь Аверкия.

Как видим, «украинская и великорусская стихии это для Бунина две стороны одной общеславянской сущности» [1, с. 145]. В «Суходоле», глядя на жизнь глазами своей героини, он утверждает излюбленную мысль об украинцах как о наследниках «подлинного» славянства. Эпитет «славянский» неоднократно употребляется Буниным по отношению к Украине и украинцам. Так, лирик Родион пел, «мешая органные угрозы... с мягкими славянскими укорами»; «И чудесно, по-славянски, краснела ленточка, которой завязывал он ворот своей сорочки из сурового холста». В то же время в этой же повести, говоря о русском фольклоре, писатель считает, что он постепенно вырождается, утрачивая свои светлые стороны. «Что осталось в Суходоле от выродившейся, измельчавшей в нем славянский песни?» – восклицает он. – «Только жалобы на судьбу, на батюшку с матушкой, что «неволей за немилого замуж отдадут – к лютому свекру, к лютой свекрови, к лютым невесткам», или несмелые укоры тому, кто наболтал да кинул...». «Он даже выдвигает, смыкаясь неожиданно с либеральным просветительством прошлого

века, теорию о губительности фольклорной стихии для народной жизни: «Предание да песня – отравы для славянской души». И эта губительная отравы старой песни и старых преданий тлетворно отражается как в психологии суходольских дворовых крестьян, так и баричей – последних отпрысков суходольского дворянства» [1, с. 145]. Подобная цепочка умозаключений представляется нам несколько полемичной: все фольклорное поле бунинских текстов говорит если не об обратном, то как минимум о непростых взаимоотношениях произведений устного народного творчества и самого народа.

Бунин неоднократно отмечает следы этого старого, светлого в современной жизни, но каждый раз подчеркивает как бы некую неуместность его в условиях современности, его оторванность от нее, вопиющее противоречие между народной жизнью и народной поэзией.

Разработку образов русского и украинского фольклора Бунин продолжает и в рассказе «Лирник Родион» (1913), написанном в Италии, на Капри, где он гостил у Максима Горького. Именно здесь он тесно общался с М. Коцюбинским, переписка которого дает нам много сведений о взаимном человеческом и творческом интересе этих великих писателей.

Присутствие украинского прозаика в каприйском окружении Горького было серьезным фактором интереса к истории Украины, к ее литературе. Это в значительной мере утвердило русского писателя в намерении широко давать в руководимом им журнале материалы на украинскую тематику. Можно допустить, что Бунин, который знал и любил Украину, рассказывал Коцюбинскому о своем пребывании в Харькове и Полтаве, о плавании по Днепру, странствиям по селам, об украинском театре и, в частности, о М. Заньковецкой.

Находясь в Италии, Коцюбинский пригласил направить материалы для юбилейного сборника в честь И. Я. Франко только Горького и Бунина. «Не помните ли об этом Ивану Алексеевичу Бунину», – писал он Горькому несколько позднее.

Прощаясь с Коцюбинским на Капри, Бунин подарил ему свою фотографию с дружественной надписью, а в интервью газете «Одесские новости» в 1912 году сказал: «У Горького гостюет сейчас один из лучших современных украинских писателей, Коцюбинский». В интервью 1913 года другой газете Бунин высказался так: «К нам (на Капри) приезжали Андреев, Шаляпин и умерший недавно талантливый писатель Коцюбинский».

Солнцепоклонником называют любимого многими украинского писателя Михаила Коцюбинского. Его встречи с Буниным на острове Капри, с большой точностью зафиксированные в изыскании Владимира Базилевского [2], можно сравнить со свиданием двух равновеликих светил в небесах украинской и русской литератур.

Рассказ «Лирник Родион» органично продолжает бунинскую «украинскую тему». Он также интересен и с точки зрения отражения в нем фольклористических размышлений Бунина и о природе устного народного творчества, и о путях его собирательства, и об исполнительском труде-профессии. Звучат в этом рассказе и сами фольклорные произведения, представленные прежде всего песенным жанром.

Структурные особенности лирической песни состоят в единстве трех признаков: «малого объема, лирического выражения идейно-эмоционального содержания и стихотворной речи» [4, с. 227]. Как правило, песни имеют одноэпизодную композицию, в основе которой обычно лежит или сравнение, или антитеза, или последовательное развитие темы без отступлений, вводных эпизодов и пояснений. Главное в ней – не столько развитие действия, сколько развитие лирической темы, последовательное изложение мыслей и передача чувств героев с простой их мотивировкой и кратким определением. Пространство, время событий и переживаний в песне ограничены и сводятся, как правило, к одному месту действия и одному моменту времени. Неслучайно, жанр лирической песни так любим фольклором и так часто появляется на страницах бунинской прозы. Мировоззрение художника

сыграло здесь не последнюю роль. Благодаря песне он ощущал свою органичную связь с предками, со своим народом, его душой, историей. Следует отметить, что песня никогда не была в его произведениях «вставным эпизодом», – она включалась писателем в повествование для характеристики героев, жизненных ситуаций и явлений, становясь порой объектом пристального исследования.

Жанр песни проявляется в творчестве Бунина по-разному. Писатель может вводить в свои произведения фольклорные песни без существенных изменений. Так, в стихотворении «На хуторе» используется фрагмент из старинной народной песни, которую еще в детстве писатель слышал от отца.

Где ты закатилось, счастье золотое?
Кто тебя развеял по чистым полям?
Не взойти над степью солнышку с заката,
Нет пути-дороги к невозвратным дням!

От отца, как вспоминает жена писателя, он услышал и песню, которая позднее войдет в его рассказ «В поле» (1895). Ее исполняют два старика, оставшиеся в одиночестве на занесенном снегом хуторе. Грустная интонация только усиливается с каждым новым куплетом. Похожую функцию, как мы уже отмечали, выполняет и песня в «Антоновских яблоках», которая звучит с «грустной, безнадежной удалью».

В своих произведениях Бунин использует не только песни, услышанные им самим от родных, во время путешествий, но и найденные им в многочисленных сборниках и архивах. В отдельных случаях он не воспроизводит слова песни, а просто говорит о ней. Так, например, Наталья из повести «Суходол» пытается с помощью слов старинной песни объяснить причину постигших ее бед: «Я ведь уже сказывала... Молода – глупа была-с. Пел на грех, на беду соловей во саду песню томную...Глупой спать не давал в ночь темную...». А, известно, дело мое было девичье». В рассказе «Худая трава» Аверкий переживает за дочь, которой изменяет муж. «Ах, неладно, – подумал Аверкий. – А дочь небось любит его...». В душе зазвучала песня, нежная, любовная: «Я соскучилась,

любезный, без тебя: вся постелюшка простыла без тебя, изголовьице заиндевело...».

Песни, которые использует Бунин, разнообразны по тематике. Кроме уже названных любовных, есть жалостливые («Что ты замолк и сидишь одиноко»), величальные («При вечере, вечере, при ясной лучине»), колыбельные, исторические, встречаются и жестокие романсы («Вот скоро, скоро я уеду, забудь мой рост, мои черты»).

Своеобразно реализует писатель этот жанр и в лирике, создавая стихи, которые и по сюжету, и по тоническому строю напоминают народные песни. Некоторые из них так и называются – «Песня». «Я простая девка на баштане...», «Зацвела на воле...», «На пирах веселых», «Мне вечер, молодой, скучен терем был...». В этих произведениях отчетливо звучит песенная мелодия, живая народная речь. Таким образом, кроме воспроизведения народных песен, Бунин создает и свои собственные, авторские, оригинальные.

В ряде произведений Бунин анализирует русские и украинские песни, манеру их исполнения. Наиболее подробно он это делает в «Лирнике Родионе». «Пел он чаще всего меланхолично, как подобает сыну степей; пел на церковный лад, как и должен петь тот, чье рождение, труд, любовь, семья, старость и смерть как бы служение; пел то гордо и строго, то с глубокой нежностью. С ярмарки на ярмарку, в передвижениях гуртами на работы часто сопровождали его бандуристы и лирники, наводившие мужчин на воспоминания о былой вольности, о казацких походах, а женщин на певучие думы о разлуке с сыновьями, с мужьями, с любимыми». Прошлое и настоящее, природа родного края, каждодневный труд простых людей, радости и горести, любовь и разлука – все это звучит в мелодичной украинской песне.

Народный характер многообразен – разнообразны и народные песни, стили и манеры их исполнения. Каждый выбирает то, что ему ближе, выражая в общей для всего народа песне свои чувства. Украинские песни близки и понятны русским людям. Вспомним, с каким вниманием, интересом,

замирая от непонятного, охватившего всю ее душу чувства, слушала Наталья из «Суходола» песни своих хозяев. Старинная мелодия «Ой, на горі та женці жнуть» заставляет молодого Арсеньева «грустно и сладко» чему-то завидовать. «Песня рассказывала, что на горе жнут хлебоборобы, текла ровно, долго, грустью разлуки, потом крепла и звучала твердо – волей, далью, отвагой, воинским ладом...». А вот как Бунин характеризует одного из исполнителей народной песни: «Да и мог ли кто-нибудь петь так, как отец, ученик дворовых, – с такой беззаботной печалью, с таким ласковым укором, с такой слабОВОЛЬНОЙ задушевностью про «верную-манерную сударушку свою»?».

Независимо от того, идет ли Бунин от книги или от живого наблюдения, точно ли цитирует фольклорный текст или вспоминает некогда услышанное, он старается прежде всего передать черты народного быта, жизни, души. В полной мере это удалось ему в одном из лучших произведений «малого жанра» – рассказе «Лирник Родион».

Уже в самом начале повествования автор указывает на время и на место действия, подчеркивая свою сопричастность ко всему происходящему. Юг Украины, весна, пароходик «Олег». Бунин еще раз признается в любви к празднично белеющим большим старинным селам, к стрекозам над очеретом, серебристым разливам рек, затонам с густыми камышами. Но главное в любой земле – это народ, с которым автор и ищет сближения, «жадно слушая песни – душу его». Песня сопровождает украинцев всегда и везде: «Бог благословил меня счастьем видеть и слышать многих из этих странников, вся жизнь которых была мечтой и песней, душе которых были еще близки и дни Богдана, и дни Сечи, и даже те дни, за которыми уже проступает сказочная, древнеславянская синь Карпатских высот».

Запись «Псалмы про сироту», обнаруженная в архиве Бунина, дает основание полагать, что обстоятельства, при которых она была сделана, легли в основу рассказа «Лирник Родион». Песня слепого музыканта так глубоко запала в душу

писателя, что отразилась не только в рассказе, но и в стихотворении «Шла сиротка пыльной дорогой...».

Со знанием дела описывает Бунин процесс собирания и записывания фольклорных текстов. Например: «А записывал я стих про сироту в Никополе, в жаркий полдень, среди многолюдного базара, среди телег и волов, запаха их помета и сена, сидя вместе с Родионом прямо на земле. Диктовал Родион ласково и снисходительно, повторяя одно и то же по несколько раз, и порою останавливался, сдерживая легкую досаду, когда я ошибался». Здесь все типично: и самый процесс записи под «диктовку», и отношение лирника к этому занятию, и варьирование им текста: «Некоторые стихи он говорил то так, то сяк, кое-что улучшая по своему вкусу». Все это хорошо знакомо любому фольклористу-собирателю, вплоть до всем понятного намека лирника «насчет корчмы».

В этом рассказе Бунин упоминает сразу несколько украинских песен: старую казацкую о сыне и матери со спокойным и грустным рефреном «Ой ти, сину, мій син, ти, дитина моя!», а также еще более старинную с первой строкой «Край Дунаю трава шумить». Но основное содержательное поле рассказа посвящено жизненной истории девочки, рано потерявшей мать и вынужденной жить со злой и безжалостной мачехой. Тема эта издавна была облюбована фольклором разных народов. В украинском фольклорном варианте она звучит особенно трогательно и поэтично.

Пораженный народной песней, ее драматизмом и жизненной скорбью, писатель отдает должное слепому певцу – неизвестному человеку, который не просто исполняет «псалму» о сироте, а вкладывает в нее весь свой талант и всю душу. В рассказе слились воедино основные смысловые доминанты бунинского восприятия и отражения Украины: воспроизведен своеобразный национальный колорит, воплощена мощная фольклорная основа, создан неповторимый образ главного героя. Фигура Родиона представлена в резко контрастных красках: он наделен даром, но лишен возможности видеть красоту, которую воспевает. «Простой, открытый,

легкий, он совмещал в себе всё: строгость и нежность, горячую веру и отсутствие показной набожности, серьёзность и беззаботность... легкость, с которой он менялся, была очаровательна: он принадлежал к тем редким людям, всё существо коих – вкус, чуткость, мера». Автор передал пение молодого лирика, показал реакцию слушателей и свое собственное любование всем действием, в котором неотделимы певец и исполняемая им песня. Родион как бы вобрал в себя все лучшее, что увидел Бунин на Украине, дал символический ключ к раскрытию психологии людей, к проникновению в тайны прошлого и сегодняшнего, к определению исторической перспективы. Ценным для автора в характере Родиона было его единство с народом, его полное соответствие морально-эстетическим канонам, его способность осознавать суть и значение вневременных законов: «Как все истинные художники, Родион, – или не Родион, а народ, устами которого он говорил – знал силу этой простоты, знал, что в простом кроется самое драгоценное, что есть в сердце человека...». Не потому ли Бунин стремился к сближению с простыми людьми, к путешествиям по селам и хуторам, не потому ли тщательно записывал, кому он благодарен за новую информацию – вроде автора текста «Псалмы о сироте», найденного среди документов М. Пушечникова: «Киевская губ., Васильковский у., с. Ромашек, Родион Кучеренко. Записано на Днестре, 1896 г.».

То, что писатель подметил и описал все тонкости мастерства певца и, вероятно, документально точно воспроизвел прототип Родиона, свидетельствует о личной заинтересованности Бунина украинской средой, о важности для него общения с Украиной.

Особо следует сказать о мастерстве русского писателя, с каким он комментирует каждую строку в исполнении Родиона. Их совместными усилиями создается трогательный образ «всем чужого, всем покорного ребенка, стриженной, босой, в грязной сорочке и старенькой плахе девочки». Чем больше рассказывает музыкант о тяжелой судьбе сироты, тем сильнее становится его голос, усиливается звенящий тон лиры. «Мешая

органичные угрозы и назидания с песней, с мягкими славянскими укорами», Родион как истинный художник знает, когда нужно сделать паузу, когда возвысить голос, когда надолго замолчать, а потом зазвенеть от радостного гнева.

Таким образом, рассказ «Лирник Родион» стал своеобразным обобщением украинской темы, определенной и конкретной декларацией отношения русского писателя к нашей стране, ее народу, культуре, истории.

Творчество Ивана Алексеевича Бунина – это целый мир, в котором нашли отражение жизнь, культура, природа русского народа, великим патриотом которого он оставался до конца своих дней. «Неизреченная красота» русской души предстает на страницах его поэзии, «малой» и крупной прозы. Россия, несомненно, – главная любовь в жизни и творчестве Бунина, но была в его судьбе, особенно в молодые годы, и другая земля, которую он страстно любил, – Украина.

Украина стала важным источником творческого вдохновения И. Бунина, обогатившим его новыми впечатлениями, неординарными открытиями морально-эстетического свойства. Именно благодаря произведениям русского писателя Украина предстала в литературе начала XX века во всем величии, во всей красоте. Рассказы, написанные под влиянием произведений Т. Г. Шевченко и Гоголя, подпитанные личным опытом Бунина, не только составляют значительную часть творческого наследия писателя, но и представляют украинскую историю, культуру в русской литературе.

Украинская тематика произведений русских писателей не случайно привлекает внимание современных литературоведов. Бунинское «открытие Украины» можно трактовать и как обличение недалёковидных попыток приписывать ее культуре, языку неполноценность и второсортность. В русской литературе авторитетный и признанный мировой культурой писателем еще на рубеже XIX – XX веков заявил о существовании украинского народа, богатстве его истории, литературы, фольклора, театра, о коренных изменениях в общественной и культурной жизни. Со страниц произведений

И. Бунина Украина предстает самодостаточной самобытно-яркой, пестрой и сложной страной, а украинцы, осознающие себя полноправными хозяевами своей земли и творцами собственной судьбы на ней, привлекают внимание богатством нравственных качеств, национальным своеобразием и особым мировосприятием.

КРУГ ПОНЯТИЙ И ПРОБЛЕМ

- Ассоциативная параллель
- Вечное и «вещное» в изображении Бунина
- Взаимосвязь романтической и реалистической прозы
- Звуковой пейзаж
- Импрессионизм
- Лирическая выразительность
- Музыкальность прозы
- «Ностальгический» реализм
- Приемы психологического анализа
- Принципы художественной конкретизации
- Ритмическая организация прозы
- Словесная живопись
- Стилистая константа
- Сюжетотворческая функция
- Фольклорные жанры
- Фольклорные мотивы
- Фольклорные элементы
- Художественная деталь как средство текстопостроения и объект эстетического анализа
- Художественное двуязычие

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Прочитайте статью Евгения Маланюка «Вінець кінця (Іван Бунін)» (Маланюк Є. Книга спостережень. Статті про літературу. – К., 1997. – С. 364– 373). В ней автор замечает: «В

его стихотворениях и – еще больше – в прозе есть элемент южности, солнечного, аж жгучего ощущения жизни, радости жизни, радостного ощущения самой физиологии бытия. Это та южность, что есть у Нечуя, у Коцюбинского. Ею пропитан был Хвильовый... <...> Есть она у Рыльского, с поэзией которого стихотворения Бунина наиболее родственны (как вообще с украинской «неоклассикой»)). Докажите или опровергните это мнение.

2. Продемонстрируйте на конкретных примерах наличие так называемых «звуковых пейзажей» в произведениях прозаика.
3. Какое место занимает в творчестве И. А. Бунина украинский быт?
4. К каким фольклорным жанрам наиболее часто обращается писатель в своих произведениях?
5. В поэтике Бунина множество символов из художественного мира украинского фольклора. Найдите в анализируемых «украинских» произведениях писателя примеры их использования и расшифруйте их.
6. В каких произведениях И. А. Бунина присутствует «украинский» текст»?
7. Какие украинские народные песни использует автор? Чем объясняется его выбор?
8. Справедливо ли утверждение, что повесть «Жизнь Арсеньева» – самое «украинское» произведение прозаика? Обоснуйте свой вывод.
9. В чём проявляется духовная красота и сложность героев «украинских» произведений писателя? Как в них соединились его юношеские впечатления и зрелый опыт художника?

ТЕМЫ УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЗАДАНИЙ

по курсу «История русской литературы конца XIX – начала XX века»

1. Жанр и проблематика произведений И. А. Бунина на украинскую тематику.

2. Роль художественной детали в произведениях писателя на украинскую тематику (на примере одного – двух произведений).
3. Художественное время и пространство в рассказе И. А. Бунина «На край света».
4. Принципы художественной конкретизации в «малой» прозе И. А. Бунина (на примере 2–3 рассказов).
5. Рассказ Бунина как пример орнаментальной прозы (по выбору).
6. Особенности психологизма в «украинской» прозе писателя.
7. Традиции украинского фольклора в творчестве И. А. Бунина
8. Украинские фольклорные жанры в творчестве И. А. Бунина.
9. Картины украинской природы в рассказах И. А. Бунина «На Днепре» и «Кольцо».
10. Художественное двуязычие в рассказе И. А. Бунина «На край света».
11. Средства выражения авторской позиции в рассказе «Лирник Родион».
12. Иван Бунин и Тарас Шевченко.
13. Рассказ И. А. Бунина «На край света» и роман Ивана Багряного «Тигроловы»: идейно-содержательные параллели.
14. Прозаические переводы И. А. Бунина с украинского языка.
15. Повесть «Лика» (часть романа «Жизнь Арсеньева») – заключительный аккорд «украиники» Бунина.

ТЕМЫ УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЗАДАНИЙ по курсу «Методика преподавания литературы»

1. И. А. Бунин и Украина (проблемы изучения биографии писателя в заведениях общего среднего образования).
2. Поэтика повести в контексте учебного диалога.
3. Подготовка к восприятию произведений И. А. Бунина в иноязычной аудитории.
4. Словарная работа в процессе изучения произведений И. А. Бунина малых жанров.
5. Изучение темы «И. А. Бунин и Украина» на факультативных занятиях в средней школе.

6. Методические приёмы работы над композицией произведений малых жанров (на примере произведений И. А. Бунина «На край света» и «Лирник Родион»).
7. Виды работ по развитию устной речи учащихся в процессе изучения произведений И. А. Бунина.
8. Виды письменных работ учащихся в процессе изучения произведений И. А. Бунина.
9. Методика работы над классификацией фольклорных жанров (на материале «украинских» произведений писателя).
10. Методические пути выявления авторской позиции в рассказах «Казацким ходом» и «Лирник Родион».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азадовский М. К. Фольклоризм И. А. Бунина / М. К. Азадовский // Русская литература. – 2010. – № 4. – С. 133–148.
2. Базилевський В. О. І зав'язь дум, і вільний лет пера : літературно-критичні статті, есе, студія одного вірша / В. О. Базилевський. – К.: Рад. письменник, 1990. – 318 с.
3. Бунин И. А. Избранное: Поэзия, проза / И. А. Бунин. – К.: Вища шк., Головное изд-во, 1987. – 624 с.
4. Кравцов Н. И. Славянский фольклор : учеб. пособие / Н. И. Кравцов. – 2-е изд., доп. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. – 352 с.
5. Лавров В. В. Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции 1920 – 1953 гг. : роман-хроника / В. В. Лавров. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 384 с.
6. Мацевко Л. Українська тематика у творчості Івана Буніна / Л. Мацевко // Проблеми слов'язнознавства. – 2000. – Вип. 51. – С. 128–137.
7. Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / В. Н. Муромцева-Бунина. – М.: Вагриус, 2007. – 512 с.
8. Русская литература и фольклор (конец XIX века) / отв. ред. А. А. Горелов ; Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – Л.: Изд-во «Наука», Ленингр. отд., 1987. – 367 с.

ВИСНОВКИ

Тема України в російській літературі широка й багатогранна, її дослідження дає можливість глибше зрозуміти не лише творчість окремих письменників, а й розвиток усього літературного процесу російської літератури. Низка російських письменників XIX століття присвячували Україні свої твори, зверталися до її історії, оспівували красу природи, описували людські характери, надихалися українським фольклором. Частина з цих авторів були уродженцями України, хтось був пов'язаний з Україною обставинами життя, а дехто ніколи не був в Україні, але українська тема присутня в низці його творів.

Письменники різних літературних напрямків і різних періодів XIX століття знаходили для себе в Україні джерело натхнення. Сентименталістів приваблювали ідилічні краєвиди та елегійна патріархальність селянського життя, романтики захоплювалися героїчною історією, казками й легендами, реалісти шукали яскраві характери та черпали з фольклору художню образність.

Унікальним літературним явищем свого часу стало створення на теренах Слобожанщини просвітницького гуртка «Попівська академія» на чолі з О. О. Паліциним, учасники якого зробили відчутний внесок у російську літературу початку XIX століття. У творах О. О. Паліцина, І. Ф. Богдановича, В. В. Капніста та інших «попівців» знайшли своє місце українська природа, історія та фольклор. Цікаві спостереження про Україну XIX століття ми знаходимо у творах російських письменників, які, мандруючи чи перебуваючи в Україні, писали подорожні нариси.

Російські письменники II половини XIX століття вивели українську тематику на якісно новий рівень – від зовнішньої описовості й замилювання акцент зміщується на проникнення в народну самосвідомість та систему національних цінностей. Яскраві характери окреслюються в центрі «українських» творів В. Г. Короленка «Ліс шумить» та «Сліпий музикант». Активне використання І. А. Буніним українського фольклору дало можливість змалювати Україну яскравою й неповторною, а її народ сповненим національної самобутності.

Навчально-методичне видання

ІВАНОВА Ірина Борисівна,
П'ЯТАЧЕНКО Сергій Васильович

УКРАЇНА У ТВОРЧОСТІ ЗАРУБІЖНИХ ПИСЬМЕННИКІВ

Навчально-методичний посібник

Комп'ютерний набір *І.Б. Іванова, С.В. П'ятченко*
Комп'ютерна верстка *С.П. Цьома*

Підп. до друку 20.01.2021.
Формат 60х84/16. Гарнітура Cambria.
Папір офсетний. Друк офсетний. Ум. друк. арк. 8,08.
Ум. фарб.-відб. 8,08. Обл.-вид. арк. 6,3.
Тираж 100 пр. Вид. № 4.

Видавець і виготовлювач:
ФОП Цьома С.П. 40002, м. Суми, вул. Роменська, 100.
Тел.: 066-293-34-29.

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи:
серія ДК, № 5050 від 23.02.2016.